ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ».

MCU JOURNAL
OF HISTORICAL STUDIES

№ 3 (47)

Научный журнал / Scientific Journal

Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год

Published since 2008
Quarterly

Москва
2022

Редакционный совет:

Реморенко И. М. председатель — доктор педагогических наук, доцент, член-корреспондент РАО, почетный работник общего образования Российской Федерации, ректор МГПУ, Россия, Москва

Рябов В. В. заместитель председателя — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО, президент МГПУ, Россия, Москва

Геворкян Е. Н. заместитель председателя — доктор экономических наук, профессор, академик РАО, первый проректор МГПУ, Россия, Москва

Агранат Д. Л. заместитель председателя — доктор социологических наук, доцент, проректор по учебной работе МГПУ, Россия, Москва

Редакционная коллегия:

Рябов В. В. главный редактор — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО, президент МГПУ, Россия, Москва

Омельянчук И. В. заместитель главного редактора — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории МГПУ, Россия, Москва

Андреев И. Л. — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории МГПУ, Россия, Москва

Банашкевич М. Я. — кандидат исторических наук (PhD), научный сотрудник Ягеллонского университета, Польша, Краков

Брэлдли Дж. — доктор философии по истории (PhD), заслуженный профессор Университета Талса, Вирджиния, Александрия

Васильев Д. В. — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории МГПУ, Россия, Москва

Гагкуев Р. Г. — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, Россия, Москва

Гайда Ф. А. — доктор исторических наук, доцент, Доцент кафедры истории России XIX – начала XX века МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва

Жангуттин Б. О. — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Казахстана им. академика Т. С. Садыкова КазНПУ им. Абая, Казахстан, Алматы

Кириллов В. В. — кандидат исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных наук МГПУ, Россия, Москва

Козловская Г. Е. — доктор исторических наук, профессор, директор Самарского филиала МГПУ, Россия, Москва

Малышева О. Г. — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории МГПУ, Россия, Москва

Матвеев Г. Ф. — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва

Михайловский Ф. А. — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семёнова МПГУ, Россия, Москва

Николаев А. Б. — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.) РГПУ им. А. И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург

Орлов С. В. — кандидат исторических наук, доцент, заместитель председателя Московской городской думы, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ им. М. В. Ломоносова. Россия, Москва

Пазин Р. В. — кандидат исторических наук, главный редактор научно-методического журнала «Преподавание истории в школе», Россия, Москва

Рогут Д. — доктор гуманитарных наук (PhD), профессор, заведующий кафедрой военной истории и оборонных исследований Академии боевых искусств, Польша, Варшава

Рокки Э. К. — магистр исторических наук (PhD). Канада, Торонто

Ртищева Г. А. — кандидат исторических наук, доцент, доцент общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории МГПУ, Россия, Москва

Сорокин А. А. — кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой методики преподавания истории, обществознания и права МГПУ, Россия, Москва

Токарева Е. А. — кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по учебно-методической работе и качеству образования Института гуманитарных наук МГПУ, Россия, Москва

Черникова Т. В. — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО, Россия, Москва

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

ISSN 2076-9105

© ГАОУ ВО МГПУ, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

Гайда Ф. А. Проблема верховной власти в России в феврале 1917 – январе 1918 г.: юридическая и политическая реальность 5

Беклемишева М. М. Публицист и редактор А. А. Башмаков о внутриполитическом курсе России в 1905–1907 гг. 14

Иванов А. А. Союз России с Францией и Великобританией в оценке русских правых начала XX в. 27

Чемакин А. А. В. В. Шульгин и Национально-трудовой союз нового поколения 44

Мокшин Г. Н. И. И. Каблиц-Юзов в современной отечественной историографии 59

Кирьянов И. К. Актуализация прошлого в парламентских дискуссиях в Государственной думе первого и второго созывов позднеимперской России, 1906–1907 гг. 71

Стогов Д. И. В. И. Икскуль фон Гильденбандт и ее салон 80

Рокки Э. К. Политические партии и движения в Российской империи и европейских странах: сходство и различия 94

Холяев С. В. Кондотьеры русской революции (было ли Ярославское восстание 1918 года белогвардейским?) 108

Новейшая история России

Горлов В. Н., Артёмов С. Н. Противостояние общественного и индивидуального в период построения коммунистического общества в СССР в начале 1960-х гг. 122

Всеобщая история

Гуськов Е. А. Пароли для преторианцев: к вопросу о достоверности Historia Augusta 137

Критика. Рецензии. Публицистика

Кенигфест Л. С., Рагимова А. Ф. Рецензия на монографию: Государство Израиль: путь длиною в 70 лет / под ред. Т. А. Карасовой, А. В. Федорченко. М.: МГИМО-Университет, 2019. 237 с. 152

Авторы «Вестника МГПУ». Серия «Исторические науки», 2022, № 3 (47)» 162

Требования к оформлению статей 165

CONTENTS

History of Russia: from Ancient Times to 1917

Gayda Fyodor A. The problem of supreme power in Russia in February 1917 – January 1918: legal and political reality 5

Beklemisheva Maria M. Publicist and editor A. A. Bashmakov on Russia's domestic policy in 1905–1907 14

Ivanov Andrey A. The alliance of Russia with France and Great Britain in the perception of Russian right-wingers in the early XXth century 27

Chemakin Anton A. V. V. Shulgin and the National Labor Union of the new generation 44

Mokshin Gennady N. I. I. Kablitz-Yuzov in modern national historiography 59

Kiryanov Igor K. Actualization of history in parliamentary discussions in the State Duma of the first and second convocations of late imperial Russia, 1906–1907 71

Stogov Dmitry I. V. I. Ikskul von Hildenbandt and her salon 80

Rocky Anthony Carl. Political parties and movements in the Russian Empire and European countries: similarities and differences 94

Kholyaev Sergey V. Congrelae of the Russian revolution (was the Yaroslavl uprising of 1918 White Guard?) 108

Modern History of Russia

Gorlov Vladimir N., Artyomov Sergey N. The confrontation between the social and the individual during the construction of the communist society in the USSR in the early 1960's 122

General History

Guskov Evgeniy A. Watchwords for praetorians: to the question of the reliability of Historia Augusta 137

Criticism. Reviews. Publicism

Kenigfest Lyalya S., Ragimova Afat F. Review of the monograph: The state of Israel: a journey of 70 years / ed. by T. A. Karasova, A. V. Fedorchenko. M.: MGIMO-University, 2019. 237 p. 152

Authors of the MCU of Historical Studies, 2022, № 3 (47) 162

Requirements for the Style of Articles 165

УДК 94
DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.01

Гайда Федор Александрович

доктор исторических наук, доцент
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Москва, Россия
fyodorgayda@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9586-8010

ПРОБЛЕМА ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ В ФЕВРАЛЕ 1917 – ЯНВАРЕ 1918 г.: ЮРИДИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация: Актуальность работы определяется тем, что вопрос о власти является центральным для любой революции. Цель исследования заключается в выяснении соотношения политической и юридической реальности в период между Февральской революцией 1917 г. и разгоном Учредительного собрания в январе 1918 г. Способность революционной власти упрочить свое политическое положение путем оформления правового пространства прямо влияло на прочность ее положения. Автор приходит к выводу, что Акт 2 марта 1917 г. был не только отречением, но и менял политическую систему страны: провозглашался народный суверенитет. Акт 3 марта по своей сути был лишь политической декларацией: великий князь Михаил Александрович не принимал на себя власти, а лишь обращался к гражданам с просьбой поддержать новые революционные учреждения. Сразу после создания Временное правительство приняло решение об отстранении парламента от реальной власти. Все составы и программы Временного правительства начиная с мая были определены на переговорах представителей самого правительства и Советов. В октябре II Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов поддержал создание Временного рабоче-крестьянского правительства (Совнаркома). Вплоть до Учредительного собрания состав Совнаркома неоднократно менялся, что закреплялось решением Советов. Способ формирования правительства и до, и после октября 1917 г. оставался прежним, но теперь оно могло официально опереться на систему Советов. Объем полномочий Учредительного собрания никак

© Гайда Ф. А., 2022

не оговаривался. Учредительное собрание не обсуждало вопрос собственного кворума. После ухода большевиков и левых эсеров на собрании оставалось менее одной трети от определенного законом числа депутатов, что подрывало легитимность любых решений.

Ключевые слова: Николай II, великий князь Михаил Александрович, Временное правительство, Всероссийское Учредительное собрание, А. Ф. Керенский, Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, Совет народных комиссаров.

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

UDC 94
DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.01

Gayda Fyodor A.

Doctor of Historical Sciences; Assistant professor
Lomonosov Moscow State University
St. Tikhon Orthodox Humanitarian University
Moscow, Russia
fyodorgayda@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9586-8010

THE PROBLEM OF SUPREME POWER IN RUSSIA IN FEBRUARY 1917 – JANUARY 1918: LEGAL AND POLITICAL REALITY

Abstract. The relevance of the work is determined by the fact that the issue of power is central to any revolution. The purpose of the study is to clarify the relationship between political and legal reality in the period between the February Revolution of 1917 and the dispersal of the Constituent Assembly in January 1918. The ability of the revolutionary government to strengthen its political position by formalizing the legal space directly affected the strength of its position. The author comes to the conclusion that the act of March 2, 1917 was not only a renunciation, but also changed the political system of the country: people's sovereignty was proclaimed. The act of March 3 was essentially only a political declaration: Grand Duke Mikhail Alexandrovich did not assume power, but only turned to citizens with a request to support new revolutionary institutions. Immediately after the creation of the Provisional Government, it decided to remove the parliament from real power. All the compositions and programs of the Provisional Government, starting from May, were determined at the negotiations between representatives of the government itself and the Soviets. In October, the II Congress of Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies supported the creation of a Provisional Workers' and Peasants' Government (Sovnarkom). Until the Constituent Assembly, the composition of the Council of People's Commissars changed several times, which was fixed by the decision of the soviets. The way the government was formed both before and after October 1917 remained the same, but now it could officially rely on the system of soviets. The scope of powers of the Constituent Assembly was not stipulated in any way. The Constituent Assembly did not discuss the question of its own quorum. After the departure of the Bolsheviks and the Left SRs, less than

one third of the number of deputies determined by law remained at the meeting, which undermined the legitimacy of any decisions.

Keywords: Nicholas II, Grand Duke Mikhail Alexandrovich, Provisional Government, All-Russian Constituent Assembly, A.F. Kerensky, Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies, Congress of Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies, Council of People's Commissars.

The research was carried out with the support of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Preservation of the world cultural and historical heritage".

Введение. Вопрос о власти является центральным для любой революции. От его решения во многом зависит длительность и размах революционного кризиса. В ходе Февральской революции 1917 г. в России был установлен революционный режим, который просуществовал всего восемь месяцев и был сменен более радикальными силами. Одной из причин этого стали политические и юридические принципы, на которых утверждалась власть Временного правительства. Цель исследования заключается в выяснении соотношения политической и юридической реальности, формировавшейся в период между Февралем 1917 г. и разгоном Учредительного собрания в январе 1918 г. Научное изучение темы и в СССР, и на Западе началось по сути лишь в 1970-е гг. В. И. Старцев рассматривал взаимодействие Временного правительства и Петроградского совета весной 1917 г. и пришел к выводу, что двоевластие на практике являлось тесным взаимодействием этих учреждений[1]. Близких взглядов придерживался и У. Г. Розенберг[2]. Однако наиболее результативными оказались постсоветские десятилетия. Деятельность Временного комитета Государственной думы скрупулезно рассмотрена в работах А. Б. Николаева[3]. Кроме того, вышли исследования по механизму власти Временного правительства весной 1917 г.[4], истории Демократического совещания[5], Предпарламента[6] и Учредительного собрания[7]. Тем не менее обобщающей работы по теме пока не существует. Нынешнее исследование опирается преимущественно на нормативные (законодательные) источники и мемуаристику.

---

1 *Старцев В. И.* Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте – апреле 1917 года. М., 1978.

2 *Rosenberg W. G.* Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917–1921. Princeton, 1974. P. 41–42.

3 *Николаев А. Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 г. 2-е изд., доп. и перераб. СПб., 2005; *Его же.* Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб., 2017.

4 *Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 292–370.

5 *Руднева С. Е.* Демократическое совещание (сентябрь 1917 г.): История форума. М., 2000.

6 *Руднева С. Е.* Предпарламент: октябрь 1917 г. Опыт исторической реконструкции. М., 2006.

7 *Протасов Л. Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997.

Ход и результаты исследования. Политический строй, установленный в России Основными государственными законами (ОГЗ) 23 апреля 1906 г., юридически предполагал сохранение суверенитета за монархом: император оставался над законом, формально он сам даровал законодательство и не присягал Конституции. При этом император добровольно разделял законодательную власть с парламентом. Именно такое понимание государственного строя было озвучено в Манифесте 3 июня 1907 г. Тем не менее Основные государственные законы имели конституционный характер (октроированная конституция): согласно высочайшему повелению они были основой всей законодательной системы, а их изменение требовало согласования воли монарха с представительством (даже несмотря на нарушение этого порядка по воле монарха, состоявшееся в виде «третьеиюньского переворота»).

Возможность и процедура отречения монарха от престола не предусматривались и не регулировались законодательством, поэтому не могли рассматриваться в исключительно юридической плоскости. В первую очередь имели значение вопросы о политической и религиозной оценке этого события (монарх являлся не только главой государства, но также помазанником, «верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры» (ст. 64 ОГЗ)). При этом Акт 2 марта не был простым отречением. Он также (в одностороннем порядке, т. е. в нарушение Основных законов) менял политическую систему страны: «Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу»[8]. Таким образом, монарх переставал быть сувереном, полностью подчинялся закону и законодательным палатам. Иными словами, документ имел ярко выраженный революционный характер.

Николай II отрекся за себя и за наследника. Между тем монарх обязан был соблюдать законы престолонаследия (ст. 39 ОГЗ). Конечно, он мог предварительно изменить эти законы, лишить прав собственного сына и передать власть младшему брату. Но для этого требовалось соблюсти еще два условия. Во-первых, великого князя Михаила Александровича требовалось восстановить в правах престолонаследия, которых он был лишен в 1912 г. в связи с морганатическим браком — женитьбой на дважды разведенной Н. С. Вульферт (Брасовой). Во-вторых, великий князь должен был дать свое предварительное согласие на назначение наследником: ст. 37 ОГЗ предусматривала право наследника заранее отказаться от своих прав в случае наличия других правообладателей.

С юридической точки зрения Акт 2 марта является наиболее значимым документом 1917 г., определившим рамки дальнейшего развития политической ситуации: прежняя законодательная система была поставлена под вопрос. Впрочем, любая революция по своему характеру (если она имеет не сугубо

[8] Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. М., 1994. С. 122–123.

верхушечный, дворцовый характер) и есть нарушение юридической системы. Тем не менее великий князь Михаил Александрович имел полное право и теоретическую возможность, вступив на престол, править суверенно, не следуя заповеди старшего брата о перемене государственного строя. Иное дело, что эта теоретическая возможность не была обеспечена политически.

Акт 3 марта (об отказе Михаила Александровича от власти) по своей сути не имел законодательного статуса, он был лишь политической декларацией — признанием победы революции. Нарушая волю старшего брата, Михаил не принимал на себя власти и не повелевал, а лишь как частное лицо обращался к гражданам с просьбой[9] поддержать Всероссийское Учредительное собрание (ВУС) и Временное правительство[10]. Констатировался переход суверенитета к народу, т. е. победа революции. ВУС и Временное правительство не наделялись верховной властью, этот статус они получали от революции (решения о создании Временного правительства, его составе и программе, созыве ВУС были приняты на переговорах двух революционных органов — Временного комитета Государственной думы и Петроградского совета — 2 марта, еще до царского отречения[11]), а великий князь лишь соглашался с этим фактом. Члены Временного правительства рассматривали ситуацию после 3 марта как Rechtsbruch («перерыв в праве»)[12], однако по сути уже сам Акт 3 марта создавался в обстоятельствах такого перерыва.

Временная верховная власть революционного правительства формально имела диктаторский характер и предполагала объединение в его руках законодательной, исполнительной и судебной власти. Революционное правительство обладало хотя и временной властью, но формально даже более широкой, чем российский самодержец с 1906 г.[13] Императорский указ 2 марта назначал князя Г. Е. Львова председателем Совета министров[14], однако Временное правительство по своему статусу принципиально отличалось от дореволюционного Совмина. Никаких особых персональных полномочий министра-председателя Временного правительства не предполагалось, все решения принимались коллегиально[15].

Парламент отстранялся от власти вслед за монархом. Акт 3 марта косвенно признавал ликвидацию прежнего парламента. Старая законодательная система продолжала действовать в той степени, в какой это определялось Временным правительством[16]. В законах о ВУС проводилась дискриминация представителей правившей династии: они (включая поддержавшего созыв ВУС Михаила

---

[9] Великий князь собственноручно исправил в тексте слово «повелеваю» на «прошу» именно потому, что не принимал на себя власть (*Шульгин В. В.* Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 547; *Гайда Ф. А.* Указ. соч. С. 310).

[10] Российское законодательство... С. 126–127.

[11] *Гайда Ф. А.* Указ. соч. С. 303–305.

[12] *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 453.

[13] *Гайда Ф. А.* Указ. соч. С. 313–316.

[14] Российское законодательство... С. 122.

[15] *Гайда Ф. А.* Указ. соч. С. 316.

[16] Там же. С. 315–316.

Александровича) лишались избирательных прав[17]. Несмотря на теоретическую возможность восстановления монархии по решению ВУС, был установлен фактический запрет на монархическую пропаганду[18]. В присяге члена Временного правительства, утвержденной им самим 11 марта, содержалось положение о недопустимости восстановления старого строя[19].

Несмотря на формальные диктаторские полномочия, революционное правительство, разумеется, вынуждено было искать политическую опору. Гораздо более тесными, чем с Государственной думой (как учреждением), были связи Временного правительства с Петросоветом, съездами Советов и их ЦИК. Эти учреждения стали воплощением идеи классового представительства, а также «выразителями воли революционного народа России»[20]. Сохраняя вплоть до осени 1917 г. ориентацию на согласие с эсеро-меньшевистскими советами, Временное правительство блокировало любые попытки возобновления работы законодательных палат[21], хотя о прекращении их полномочий было объявлено лишь 6 октября 1917 г. (в связи с истечением срока)[22]. Участники и программа первого состава Временного правительства были определены на переговорах представителей Думы и Петросовета. Впоследствии все составы и программы Временного правительства устанавливались путем договоренностей представителей самого правительства с Советами: в мае переговоры вели уполномоченные большинством правительства кн. Г. Е. Львов и А. Ф. Керенский с лидерами Петросовета (Керенский одновременно был членом Временного правительства и зампредом Петросовета)[23], в июле — уполномоченный Керенский с лидерами ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов[24], в сентябре — уполномоченный Керенский (глава Директории) с Демократическим совещанием, получившим полномочия от ВЦИК и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов[25]. Таким образом, каждый правительственный состав неизменно заручался вотумом доверия со стороны Советов, причем от все более широкого их представительства.

В октябре II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов отказался вести переговоры с Керенским и поддержал создание Временного рабоче-крестьянского правительства[26] (СНК). Большевистское правительство получило ту же санкцию, что и предыдущие составы, и обладало равной с ними революционной «легальностью». Отличие было в том, что Советы,

---

17 Российское законодательство... С. 139.

18 *Гайда Ф. А.* Указ. соч. С. 326.

19 Там же. С. 314–315.

20 Там же. С. 321–324.

21 Там же. С. 324–330.

22 Известия. 1917. 7 октября.

23 *Суханов Н. Н.* Записки о революции: в 3 т. Т. 2. Кн. 3–4. М., 1991. С. 160–172.

24 Там же. С. 359–366.

25 *Суханов Н. Н.* Записки о революции: в 3 т. Т. 3. Кн. 5, 6, 7. М., 1992. С. 194–203.

26 Декрет Второго Всероссийского съезда Советов об образовании Рабочего и Крестьянского правительства, 26 октября 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 20.

ранее имевшие статус наиболее авторитетных общественных организаций, были официально признаны как органы государственной власти. Тем самым революционное правительство официально обретало опору, которой ранее не имело. Вплоть до Учредительного собрания состав СНК неоднократно менялся, что закреплялось решениями ВЦИК (самым краткосрочным составом оказался первый, просуществовавший всего 10 дней)[27]. Таким образом, способ формирования правительства и до, и после октября оставался прежним. После разгона ВУС состав правительства (уже не Временного, а постоянного) был утвержден объединенным III Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов[28]. Вместо общенационального суверенитета, объявленного 2 марта, провозглашался суверенитет классовый («общенародное государство» будет вновь конституционно утверждено только в 1977 г.). Если Временное правительство дискриминировало представителей императорской династии, то новая власть предприняла это в отношении всех эксплуататорских классов.

По мере нарастания политического кризиса и технической невозможности скорого созыва ВУС правительство прибегало к инициированию различных форм квазипредставительства. Самостоятельной власти они не имели. Государственное совещание (август 1917 г.), сформированное из представителей «организованной общественности», вообще не обладало какими-либо властными функциями и, по сути, имело лишь политико-идеологическое значение. Демократическое совещание (сентябрь 1917 г.) состоялось по инициативе ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, было менее представительным, что придавало совещанию лишь частный характер. Наиболее значимый статус имел Временный совет Российской республики (Предпарламент, октябрь 1917 г.), которому Временное правительство даровало право законодательной инициативы и запросов, а также законосовещательную функцию (при этом никакой ответственности и никаких обязательств правительство не несло и не принимало)[29].

Объем полномочий Учредительного собрания и до, и после его созыва никак не оговаривался. Исключением были декларация Временного правительства от 2 марта и Акт 3 марта, где говорилось о созыве ВУС на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования с целью установления формы правления и конституции России. Содержание этой конституции могло быть любым: теоретически она вполне могла бы содержать положения об отмене частной собственности. Или, например, кто бы смог запретить

---

[27] Резолюция ВЦИК по вопросу о замещении должностей некоторых народных комиссаров, 4 (17) ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 45.

[28] Резолюция Третьего Всероссийского съезда Советов об одобрении политики ВЦИК и СНК и Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, 12 (25) января 1918 г. // Там же. С. 340.

[29] *Руднева С. Е.* Демократическое совещание... С. 248–249; *Ее же.* Предпарламент: октябрь 1917 г. С. 268–272.

Учредительному собранию принять решение о самороспуске бывшей Российской империи и разделении на ряд республик? Вопрос о кворуме рассматривался Совнаркомом: собрание было открыто, когда в Петроград съехалась половина от установленного Положением о выборах в ВУС числа депутатов[30]. Всего предусматривалось 820 мест, избрано было 767 человек, но в заседании приняли участие только 407–410[31]. Само Учредительное собрание вопрос собственного кворума (как и вопрос собственных полномочий) не обсуждало. После ухода большевиков и левых эсеров на собрании оставалось менее трети от определенного законом числа депутатов[32]. Именно их голосами и принимались все решения ВУС о форме правления и т. д., легитимность которых легко было поставить под сомнение, что и было сделано.

Провозглашение Керенским 1 сентября республики не имело никакого официального юридического характера (например, о республиканском строе говорилось и в более раннем антикорниловском воззвании Керенского от 27 августа[33]). В политической декларации лишь констатировалось, что с начала революции в России утвердилось народоправие, т. е. республика. Акт 1 сентября не был внесен Сенатом в Собрание узаконений и не получил законодательного статуса[34].

Заключение. Таким образом, после 2 марта 1917 г. революционная реальность доминировала над юридической, а последовательность событий вполне укладывалась в русло политической радикализации. Октябрьские события не были исключением. Говорить о свержении в октябре 1917 г. или январе 1918 г. «законной» власти в лице Временного правительства или Учредительного собрания не приходится: одни революционеры свергали других революционеров.

Литература

1. Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2003. 432 с.

2. Николаев А. Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017.

3. Николаев А. Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 г. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. 695 с.

4. Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997. 368 с.

5. Руднева С. Е. Демократическое совещание (сентябрь 1917 г.): История форума. М.: Наука, 2000. 256 с.

---

30 Учредительное собрание. Россия, 1918 г.: стенограмма и другие документы / сост. Т. Е. Новицкая. М., 1991. С. 57–58, 60.

31 *Протасов Л. Г.* Указ. соч. С. 295–296, 309.

32 Учредительное собрание... С. 120.

33 Известия. 1917. 28 августа.

34 Российское законодательство... С. 127–129.

6. Руднева С. Е. Предпарламент: октябрь 1917 г. Опыт исторической реконструкции. М.: Наука, 2006. 279 с.

7. Старцев В. И. Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте – апреле 1917 года. М.: Наука, 1978. 256 с.

8. Rosenberg W. G. Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917–1921. Princeton: Princeton University Press, 1974. 560 p.

References

1. Gayda F. A. Liberal`naia oppozitsiia na putiakh k vlasti (1914 – vesna 1917 g.) [Liberal opposition on the way to power (1914 – spring 1917)]. Moscow: ROSSPEN, 2003. 432 p. (In Russ.)

2. Nikolaev A. B. Dumskaia revoliutsiia: 27 fevralia – 3 marta 1917 goda: v 2 t. [Duma Revolution: February 27 – March 3, 1917: in 2 volumes]. St. Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2017. (In Russ.).

3. Nikolaev A. B. Revoliutsiia i vlast`: IV Gosudarstvennaia duma 27 fevralia – 3 marta 1917 g. [Revolution and power: IV State Duma February 27 – March 3, 1917]. 2-e izd., dop. i pererab. St. Petersburg:: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2005. 695 p. (In Russ.).

4. Protasov L. G. Vserossiiskoe Uchreditel'noe sobranie: istoriia rozhdeniia i gibeli [The All-Russian Constituent Assembly: the history of birth and death]. Moscow: ROSSPEN, 1997. 368 p. (In Russ.).

5. Rudneva S. E. Demokraticheskoe soveshchanie (sentiabr` 1917 g.): Istoriia foruma [Democratic Conference (September 1917): History of the Forum]. Moscow: Nauka, 2000. 256 p. (In Russ.).

6. Rudneva S. E. Predparlament: oktiabr` 1917 g. Opyt istoricheskoi rekonstruktsii [Pre-parliament: October 1917. Experience of historical reconstruction]. Moscow: Nauka, 2006. 279 p. (In Russ.).

7. Startsev V. I. Revoliutsiia i vlast`. Petrogradskii Sovet i Vremennoe pravitel`stvo v marte – aprele 1917 goda [Revolution and power. The Petrograd Soviet and the Provisional Government in March – April 1917]. Moscow: Nauka, 1978. 256 p. (In Russ.).

8. Rosenberg W. G. Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917–1921. Princeton: Princeton University Press, 1974. 560 p.

УДК 9(93)
DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.02

Беклемишева Мария Михайловна

кандидат исторических наук
Центр по изучению истории Великой Отечественной войны ИРИ РАН
Москва, Россия
mariabekl@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6648-6395

ПУБЛИЦИСТ И РЕДАКТОР А. А. БАШМАКОВ О ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОМ КУРСЕ РОССИИ В 1905–1907 гг.

Аннотация. В статье изучаются взгляды русского публициста А. А. Башмакова на ключевые события Первой русской революции. Интерес к проблеме обусловлен тем, что в этот период А. А. Башмаков не только состоял редактором нескольких периодических изданий (Journal de St.-Pétersbourg, «Санкт-Петербургский дневник», «Военное время», «Народный голос», «Правительственный вестник», «Вечернее прибавление к Правительственному вестнику»), но и участвовал в общественно-политической жизни России как лидер собственной Русской партии народного центра. Прослеживается его восприятие ряда правительственных указов, посвященных проведению реформ. Указывается его позиция по выведению страны из кризиса на разных этапах революции. Подробно характеризуется его отношение к представительному строю. Хронологические рамки исследования — от указа 12 декабря 1904 г. до Манифеста 3 июня 1907 г. Проведенное исследование показало, что на первом этапе революции А. А. Башмаков выступал за созыв законосовещательного представительного учреждения, которое позволило бы преодолеть политический кризис. С созывом II Государственной думы он убедился в том, что ее деятельность угрожала существованию исторической российской государственности, поэтому поддержал ее роспуск и новый избирательный закон 3 июня 1907 г.

Ключевые слова: власть и общество, революция 1905 г., русский консерватизм, русский национализм, политическая модернизация, Государственная дума.

© Беклемишева М. М., 2022

UDC 9(93)
DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.02

Beklemisheva Maria M.

Candidate of Historical Sciences
Center for the Study of the History of the Great Patriotic War of the IRI RAS
Moscow, Russia
e-mail: mariabekl@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6648-6395

PUBLICIST AND EDITOR A. A. BASHMAKOV ON RUSSIA'S DOMESTIC POLICY IN 1905–1907

Abstract. The article studies the views of the Russian publicist A. A. Bashmakov on the key events of the Russian Revolution of 1905. Interest in this issue is due to the fact that during this period A. A. Bashmakov was not only the editor of several periodicals (Journal de St.-Pétersbourg, "Sankt-Peterburgskii Dnevnik", "Voennoe Vremia", "Narodnyi Golos", "Pravitel'stvennyi Vestnik", "Vechernee Pribavlenie k Pravitel'stvennomu Vestniku"), but also participated in Russian social and political life as the leader of his own Russian Party of the People's Center. The author studies his perception of a number of government decrees which implemented the reforms. His position on dealing with the political crisis at different stages of the revolution is indicated. His attitude to the representative system is studied in detail. Chronologically the article covers the period starting from the decree of December 12, 1904, to the Manifesto of June 3, 1907. At the first stage of the revolution, A. A. Bashmakov advocated the convening of a legislative representative institution that would help overcome the political crisis. After the convocation of the Second State Duma, he became convinced that its activities threatened the existence of the Russian historical state power, therefore he supported its dissolution and the new electoral law of June 3, 1907.

Keywords: power and society, revolution of 1905, Russian conservatism, Russian nationalism, political modernization, State duma.

Введение. Александр Александрович Башмаков (1858–1943) — русский правовед, общественно-политический деятель, редактор ряда изданий, публицист консервативного толка. Он автор работ по юриспруденции, внешней и внутренней политике России, идее славянского единения, наследник славянофильских традиций. Государственную службу А. А. Башмаков проходил в министерствах юстиции, иностранных дел, а затем в МВД. Свою судебную деятельность он начал в Одесской адвокатуре, затем был председателем Съезда мировых судей в Курляндской губернии, проводившим в Прибалтийском крае судебные уставы, товарищем обер-прокурора Правительствующего Сената, участником работ по составлению нового Гражданского уложения. С 1898 по 1904 г. А. А. Башмаков был сотрудником Министерства иностранных дел в должности юрисконсульта. Накануне революции 1905 г. он состоял главным редактором

петербургской газеты на французском языке Journal de St.-Pétersbourg и ее русского издания «Санкт-Петербургский дневник». А. А. Башмаков был членом правого объединения «Отечественный союз», образованного в апреле 1905 г., однако впоследствии пришел к необходимости создания собственной партии и собственного печатного органа. С 1 октября 1905 г. он переименовал приобретенную им в 1904 г. ежедневную газету для сельских жителей «Военное время» в «Народный голос» и на ее страницах выступал за сохранение единства и целостности России, верховенство закона, приоритет балканского направления во внешней политике. К концу декабря газета имела уже 8,5 тыс. подписчиков[1].

В феврале 1906 г. организационно оформилась задуманная А. А. Башмаковым еще осенью Русская партия народного центра умеренно-правого толка. Это была попытка создания массовой правоцентристской партии, идейно отличавшейся как от «Союза 17 октября», так и от Союза русского народа. Программа партии была по большей части традиционалистской, выступавшей против урбанизации и уничтожения общины, солидаризировалась с другими правыми партиями в вопросе о монархической власти. Печатным органом партии стала газета А. А. Башмакова «Народный голос», выходившая до конца мая 1906 г.

Воззрениям и деятельности консерваторов в годы Первой русской революции посвящена обширная историография. Тем не менее о внутриполитических взглядах А. А. Башмакова имеются лишь небольшие работы[2]. В настоящей статье впервые подробно изучается отношение публициста и редактора к узловым моментам Первой русской революции. Основными источниками стали статьи А. А. Башмакова в его собственной газете «Народный голос» (СПб., 1905–1906), неофициальной части Journal de St.-Pétersbourg (СПб., 1905) и других газетах, а также газетные материалы его авторства, републикованные в его сборнике статей и речей «За смутные годы» (СПб., 1906). Особый интерес представляет докладная записка А. А. Башмакова А. В. Бельгарду по вопросу о публикации в «Правительственном вестнике» материалов, исходящих от Государственной думы. Документ хранится в фонде Главного управления по делам печати Российского государственного исторического архива (Ф. 776).

Ход и результаты исследования. Будучи отчасти сотрудником государственной власти в рамках занимаемой им с 26 мая 1906 г. должности главного редактора «Правительственного вестника», А. А. Башмаков стал непосредственным свидетелем масштабных преобразований, вызванных событиями

---

[1] *Башмаков А. А.* Складчина паями для издания «Народного голоса» // За смутные годы: публицистические статьи и речи А. А. Башмакова. СПб., 1906. С. 314.

[2] Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М., 2010. С. 49–52; *Смолин М. Б.* Столыпинский идеолог Александр Александрович Башмаков // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 1 (10). С. 149–158.

1905–1907 гг. Убежденный монархист, он активно участвовал в дискуссии о внутренней политике, не только, подобно другим консерваторам, выступая оппонентом либеральных кругов, но и критиком власти. «Можно и нужно, будучи советчиком, обличать перед государем зияющие язвы государственной действительности»[3], — писал А. А. Башмаков.

Начало реформированию системы государственного управления было положено Высочайшим указом 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». В нем были провозглашены меры по обеспечению верховенства закона, независимости суда, расширению самостоятельности земского и городского самоуправления, введению государственного страхования рабочих, пересмотру положения об усиленной охране, расширению религиозной свободы и др. А. А. Башмаков приветствовал провозглашение реформ, возлагая на них большие надежды: «Программа наших ближайших государственных забот начертана широко и умеренно, задачи поставлены высокие и несомненно охватывающие наиболее наболевшие стороны русской жизни, — писал он в заметке для “Санкт-Петербургского дневника”. — Если осуществление программы оправдает в полной мере напряженное ожидание, чувствующееся во всех слоях населения и, если, в особенности, переход от благородных слов к реальному делу осуществится скоро и безотлагательно, такая программа должна даровать земле русской долго ожидаемый всеми внутренний мир»[4]. Успех проведения реформ он связывал с индивидуальным вкладом каждого подданного царя.

Однако предложенные указом меры «не внесли ни единомыслия в правящие верхи, ни успокоения в общество»[5]. В январе 1905 г. повсюду проходили дворянские и земские собрания. Разноголосица, и прежде дававшая о себе знать в дворянской среде, возрастала с углублением революции[6]. 22 января 1905 г. в Москве состоялось чрезвычайное дворянское собрание, целью которого было составление адреса на имя императора. А. А. Башмаков расценил это как важное событие, поскольку в столь трудном положении взоры общественности были устремлены на московское дворянство, справедливо считавшее себя вправе говорить раньше других[7]. После долгих дебатов были составлены два адреса — от группы дворян во главе с А. Д. Самариным, где говорилось о необходимости твердой власти и незыблемости самодержавия, и от группы во главе с кн. С. Н. Трубецким и П. Д. Долгоруковым, где речь шла о конституционных преобразованиях. После баллотировки сравнительно

---

[3] *Башмаков А. А.* Верен ли курс нашего Отечественного союза? // Слово. 1905. 29 июня (12 июля). № 192.

[4] *Башмаков А. А.* Накануне реформ (Из «Санкт-Петербургского дневника», 1904 г., № 18) // За смутные годы... С. 160–161.

[5] Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005. С. 148.

[6] *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981. С. 141.

[7] *Baschmakoff, Alexandre.* Le vote de l’Assemblée de la noblesse à Moscou // Journal de Saint-Pétersbourg. 1905. 25 janvier (7 février). № 23.

незначительным большинством голосов прошел адрес группы Самарина, который и был послан государю. Не давая прямой оценки обоим адресам, А. А. Башмаков тем не менее упомянул о наивном и утопическом характере требований «конституционалистов»[8]. Он не мог принять идею конституционно-парламентского режима, поскольку она, по его мнению, в отличие от народного представительства вела к ослаблению власти и значения монарха в политической системе.

Высочайший рескрипт 18 февраля 1905 г. о привлечении выборных от населения людей к предварительной разработке законодательных инициатив, данный на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина, был встречен А. А. Башмаковым с воодушевлением. Реформирование без какого-либо потрясения исторических основ российского публичного права и прежде всего без замены императорской власти всенародным голосованием удостоилось его высокой оценки. Император, по его мнению, даровал лучшее из того, что могло желать общественное мнение, — народное представительство, призванное сотрудничать с верховной властью в разработке и обсуждении законодательных проектов[9]. Благодаря этому, писал А. А. Башмаков, внутреннее положение империи, наконец, упрочится на своих исторических основаниях и установится необходимое спокойствие. Либералы и консерваторы, объединенные общей целью служения народу и его государству, смогут сгруппироваться вокруг престола и подлинно национальной империи. При этом, пользуясь всеми преимуществами этого нововведения, верховная власть останется сильной.

Принятый правовой акт, однако, не смог остановить революцию. «…Большая часть оппозиционно настроенной общественности, которая еще пару месяцев назад с восторгом встретила бы решение царя созвать народных представителей, хотела уже значительно большего»[10]. Осенью 1905 г. небывалый размах забастовочного движения оставлял власти все меньше места для маневра. Крупнейшая железнодорожная стачка парализовала сообщение в стране. Власть стояла перед выбором: ввести диктатуру или уступить общественному мнению, встав на путь конституционных преобразований.

В качестве спасения от царившей анархии А. А. Башмаков видел не введение всевозможных свобод, а жесткое пресечение беспорядков. Он был убежден, что в сложившейся обстановке без сильной власти не было ни возможности проведения реформ, ни условий для самого простого мирного существования общества[11]. Широко цитируя статью М. О. Меньшикова из «Нового времени», Башмаков соглашался с ним в том, что расширение прав личности стране было необходимо. Однако он не думал, что путем удовлетворения «идеальных» либеральных требований можно было добиться умиротворения страны,

---

[8] *Baschmakoff, Alexandre.* Le vote de l'Assemblée de la noblesse à Moscou...

[9] *Baschmakoff, Alexandre.* L'Ere nouvelle // Journal de Saint-Pétersbourg. 1905. 20 février (5 mars). № 49.

[10] Первая революция в России... С. 208.

[11] *Башмаков А. А.* Страшные судороги // Народный голос. 1905. 14 октября. № 9.

поскольку истинной целью руководителей революции было свержение самодержавия, а не проведение реформ[12]. Его позиция в чем-то перекликалась с позицией С. Ю. Витте, который на встрече с петербургскими журналистами несколько дней спустя заявил, что принципы октябрьского манифеста нужно провести в жизнь, но для этого прежде всего требовалось восстановить безопасность на улицах и дать время правительству для самоорганизации[13].

18 октября 1905 г. А. А. Башмаков как редактор Journal de St.-Pétersbourg был приглашен принять участие в этой встрече председателя Совета министров с представителями ведущих петербургских изданий. Понимая, какой мощной силой обладала печать, С. Ю. Витте стремился сделать ее своей союзницей в деле успокоения общества. В ходе встречи редакторы газет сошлись на необходимости введения свободы печати и объявления политической амнистии, а наиболее радикальные из них выдвинули требования удалить Д. Ф. Трепова с поста столичного генерал-губернатора, отменить военное положение и усиленную охрану, вывести войска из Петербурга.

В тот же день А. А. Башмаков написал об этом заседании известному славянофильскому публицисту, генерал-лейтенанту А. А. Кирееву, охарактеризовав встречу так: «5 человек терзали С. Ю. Витте в течение двух часов детски-наивными требованиями, а 45 мудрецов молчали, предоставляя графа его злосчастной участи»[14]. На это А. А. Киреев направил А. А. Башмакову письмо, в котором спросил его, почему же, будучи несогласным с выступающими у Витте, Башмаков не вмешался, оказавшись в числе 45 «молчальников». «Зачем не заставили умолкнуть этих пятерых, которые речь держали за всех — объяснивши Витте, что крикуны составляют меньшинство совершенно ничтожное, и что если спросить русский народ, то он скажет совсем не то, что они?»[15] — писал А. А. Киреев. По мнению А. А. Башмакова, глава Совета министров при помощи этой встречи добивался одного — договориться с теми представителями печати, которые разжигали революцию. «Нужно было узнать, на каких условиях лица, проливающие керосин, соблаговолят лить воду на тот же очаг»[16], — отмечал он на страницах «Народного голоса». На фоне выступления «теоретиков революции» благоразумные доводы умеренной печати все равно бы стали бесполезной стрельбой по воробьям. «Всякая, самая умная речь, сказанная при таком исходном положении, была заранее обречена на неуместное и никому не нужное донкихотство…»[17], — писал А. А. Башмаков. Именно поэтому он считал несправедливым упрек в молчании из недостатка гражданского мужества. Единственное, за что, как он объяснял,

---

12 *Башмаков А. А.* Страшные судороги...

13 Редакторы петербургских газет и журналов у С. Ю. Витте // Народный голос. 1905. 23 октября. № 11.

14 *Башмаков А. А.* На злобу дня // Народный голос. 1905. 23 октября. № 11.

15 Там же.

16 Там же.

17 Там же.

он должен был поблагодарить редакторов, это за то, что они сформулировали требования, ведущие к углублению революции и гибели России.

А. А. Башмаков отрицательно относился к всеобщей политической амнистии. Позднее, когда Государственной думой был поднят вопрос об амнистии и отмене смертной казни, на заседании Русской партии народного центра 4 мая 1906 г. было решено составить и послать на имя императора особую челобитную с просьбой не даровать прощения тем, чье освобождение грозило бы опасностью государству, и оставить в полной силе постановления военных законов и полевых судов[18].

Публицист понимал глубину кризисной ситуации, в которой оказалось самодержавие после 17 октября 1905 г.: дальнейшее углубление реформ грозило созывом Учредительного собрания и гибелью царского авторитета; сворачивание всех реформ тоже означало потерю остатков доверия к власти[19]. По мнению А. А. Башмакова, власть вовремя не осознала, что нельзя было ни под каким предлогом откладывать выборы в Булыгинскую думу и проведение в жизнь закона 6 августа. Власть сама нанесла себе тяжелый удар, после которого осенью 1905 г. уже не могла обратиться к идее созыва законосовещательного учреждения. Он был солидарен с лидером октябристов А. И. Гучковым в том, что в сложившейся политической обстановке нельзя было откладывать созыв Государственной думы. В конце декабря 1905 г. в «Народном голосе» он подверг критике промедление в деле организации выборов. Поводом послужило правительственное сообщение, в котором населению разъяснялось, что ввиду сложности работ по созыву Государственной думы подготовка к выборам займет несколько месяцев, а для их своевременного проведения необходимо мирное течение общественной жизни. В этой связи А. А. Башмаков отмечал, что отсрочка выборов была нужна революционерам, а мирное население было давно к ним готово и ждало спасения от правительства. «Дайте же нам Думу, наконец, и перестаньте, господа правители земли русской, смешивать русский народ с теми, кто строил вам баррикады и идет на вас под складками красного флага!»[20] — призывал он.

Если избирательный закон 6 августа 1905 г. о законосовещательной Думе, несмотря на его противоречия и недостатки, А. А. Башмаков считал подходящим для того, чтобы провести выборы до конца и отстоять общественный порядок, то Манифест 17 октября, по его мнению, имел явно вынужденный характер. После провозглашения этого манифеста, наоборот, начался кровопролитный этап революции, а революционеры, по выражению Башмакова, «бросились доламывать явно затрещавшее государственное здание»[21].

---

[18] *Башмаков А. А.* За смутные годы... С. 313.

[19] *Башмаков А. А.* Дума или Земский собор? (Из «Народного голоса» 1905 г., № 55) // За смутные годы... С. 223.

[20] *Башмаков А. А.* Правительственное сообщение о подготовительных мероприятиях к созыву Думы (Из «Народного голоса» 31 декабря 1905 г., № 56) // За смутные годы... С. 225.

[21] *Башмаков А. А.* Дума или Земский собор?.. С. 224.

Однако А. А. Башмаков не соглашался с тем, что Государственная дума в том виде, в каком она была объявлена в Манифесте 17 октября, вела к вредному ограничению самодержавия. Публицист подчеркивал, что введение народного представительства не означало введения народовластия в стране, а все права Думы происходили от царя. Он одобрял идею народного представительства и признавал назревшей необходимость его введения. Народ, по его мнению, обладал государственным чутьем, с помощью которого веками строилась и крепла Россия.

В 1905 г. – начале 1906 г. А. А. Башмаков возлагал большие надежды на созыв Государственной думы, ожидая, что она, как выразительница народного правосознания, сможет вывести страну из острого кризиса. В апреле 1905 г. он выступал за учреждение законодательного представительства, которое имело бы ясные права и обязанности по выработке законов и контролированию высшего управления. По его мнению, такое учреждение дало бы «русский поворот русским делам»: «Петербург не может думать и решать по-русски. А народная масса иначе не умеет»[22], — писал он. Благо народного представительства, согласно Башмакову, заключалось и в том, что в критический момент (во время войны, например) оно могло бы выступить в защиту подлинных российских интересов. Кроме того, он полагал, что развитие народного участия в государственном управлении со временем могло усилить значение в России столь важной для него идеи славянской взаимности[23].

А. А. Башмаков подвергал критике тезис правоконсервативных мыслителей о том, что революция «взбаламутила» Россию только на поверхности, и произошло это во многом из-за интеллигенции, свернувшей с истинного пути. Хотя он и сам постоянно критиковал последнюю, он не верил, что если вернуть ее к «незыблемым заветам» православия, самодержавия и народности, то все «язвы излечатся» сами собой и «ужасающие страдания Родины исчезнут, словно их не бывало»[24]. В правом лагере, по замечанию Башмакова, с недоверием относились к рационализму и к холодному, беспощадному анализу причин политического кризиса. Между тем эти причины, по Башмакову, заключались не в том, что Россия временно перестала черпать силы в уваровской триаде. Они были глубже и возникли не в годы революции, а раньше. Внутренняя политика отличалась непоследовательностью. То же самое касалось национальной политики: за период идеологического господства принципов православия, самодержавия и народности русская власть не создала ничего прочного ни в Польше, ни в Западном крае, ни на Кавказе, ни в Средней Азии. Даже строго проведенная судебная реформа в Прибалтийском крае все же дала

---

[22] *Башмаков А. А.* Ограничено ли существо царской власти при Государственной Думе? (Из «Народного голоса» 1906 г., № 15) // За смутные годы... СПб., 1906. С. 243.

[23] *Башмаков А. А.* Народовластие и государева воля (Опыт догматического построения). СПб., 1908. С. 50.

[24] *Башмаков А. А.* Об изъянах русской государственной мысли (Из «Народного голоса», 1906 г., № 110) // За смутные годы... С. 310.

неполные плоды[25]. Как правоведа, специалиста по обычному праву, его крайне беспокоила законодательная техника в области гражданского законодательства: «Отчего законы, вышедшие в безмятежное, нереволюционное время — так мало проникнуты народным духом и связью с русской действительностью, что, например, нет у нас до сих пор кодекса русских гражданских законов, который имел бы хоть какую-нибудь связь с народными юридическими обычаями?»[26] — говорил он. Он сомневался, что в Думе найдутся депутаты, которые поймут, что гражданское право необходимо строить на народных началах.

Рассуждая о причинах непоследовательности и слабости государственной политики двух предшествовавших десятилетий, А. А. Башмаков видел выход в том, что в основу всей политики (внутренней, национальной и внешней) власть должна была поставить защиту интересов русского народа, для которого и создалась русская государственность[27]. Только идея национальной государственности и русский национализм могли идеологически сплотить империю. Среди правых идея национализма упоминалась как бы на задворках триединой формулы, что А. А. Башмаков считал слабым местом их программ, а в других партиях нападки на нее не прекращались.

С этих позиций он предлагал модифицировать и систему просвещения, поскольку ему принадлежала первостепенная роль в сохранении политической стабильности в государстве. Революция со всей очевидностью продемонстрировала масштабы студенческого движения. «Молодой человек в наши дни должен быть мятежным. У него нет выбора»[28], — отмечал А. А. Башмаков. Спасти империю могла бы «мощная организация широко задуманного национального воспитания»[29]. «Ложные идеалы должны быть обнажены до очевидности; закал характеров должен быть поднят и усилен; цели для направления воли должны быть поставлены с полной несомненностью, — писал А. А. Башмаков. — Государственная власть должна налечь всею тяжестью на необходимые рычаги, приводящие эту систему продуманных сил в действие. Если все это не будет сделано вовремя, зло разрастется дальше, гниение нашего социального тела будет продолжаться и получится неминуемая смерть России как государственного организма»[30].

В мае 1906 г. А. А. Башмаков был назначен главным редактором «Правительственного вестника» — центральной официальной газеты России. Должность была ему предложена начальником Главного управления по делам печати А. В. Бельгардом, который еще осенью 1905 г. обратил внимание на его газету

---

25 *Башмаков А. А.* Об изъянах русской государственной мысли... С. 312.

26 Там же. С. 311.

27 Там же. С. 313.

28 *Baschmakoff Alexandre.* Les gréves absurdes // Journal de Saint-Pétersbourg. 1905. 11 (24) février. № 40.

29 Вещий Олег [Башмаков А. А.]. Великое рушение. СПб., 1907. С. 16.

30 Там же. С. 14.

«Народный голос», смело ведущей борьбу с революционной агитацией без всякой поддержки со стороны правительства. Правительство, по мнению А. В. Бельгарда, было просто обязано поддержать человека, который в период наивысшего подъема революции вел борьбу с революционными настроениями и таким образом со своей стороны поддерживал правительство[31].

Ответственный, осторожный, исполнительный человек, на страницах вверенного ему «Правительственного вестника» А. А. Башмаков продолжал отстаивать, насколько это было возможно, свои убеждения. Хотя публикации в газете подлежали исключительно официальные материалы, некоторое пространство для творчества имелось в отделе фельетонов, которые представляли собой рецензии или статьи на исторические, научно-популярные и другие темы. В одной из таких рецензий А. А. Башмаков прокомментировал «кадетское» понимание самодержавия как самодержавия ограниченного. «У нас введены новые учреждения, с народным представительством; но при этом не только не отменено и не ограничено самодержавие, как первоисточник всех государственных установлений; но даже самая законная сила Государственной Думы на том основана, что Государь ее создал»[32].

С началом деятельности I Государственной думы возник принципиальный и крайне сложный вопрос о публикации исходящих от этого нового учреждения актов в официальном «Правительственном вестнике». С точки зрения А. А. Башмакова, решение этого вопроса непосредственно зависело от того, в какой мере изменилось понятие верховной власти и управления вследствие состоявшихся в 1905–1906 гг. преобразований, причем само правительство по этому вопросу колебалось между двумя противоречившими друг другу системами: сама власть разделилась, и наряду с существующими правящими учреждениями «правительственный» характер получила и Государственная дума[33].

До роспуска I Государственной думы вопрос не решился, однако с открытием II Государственной думы как требующий скорого разрешения обратил на себя внимание А. А. Башмакова. Уже в первый день работы II Государственной думы (вечером 20 февраля 1907 г.) временная канцелярия при думе обратилась в редакцию «Правительственного вестника» с требованием безотлагательно опубликовать стенографический отчет о первом заседании[34]. Главный редактор отклонил это предложение до тех пор, пока вопрос не был бы решен министром внутренних дел в окончательном виде. Ссылаясь на статьи Манифеста 20 февраля 1906 г. об учреждении Государственной думы,

---

[31] *Бельгард А. В.* Воспоминания. М., 2009. С. 297.

[32] *Башмаков А. А.* Опыт юридической конструкции наших Основных законов // Правительственный вестник. 1912. 9 (22) мая. № 103.

[33] Подробнее об этом см.: *Беклемишева М. М.* А. А. Башмаков (1858–1943): общественно-политические взгляды и деятельность в дореволюционной России: дис. … канд. ист. наук. М., 2021. С. 260–264.

[34] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776. Оп. 9. Д. 123. Л. 104 об.

А. А. Башмаков в своей докладной записке отмечал, что дума не могла принимать участия в управлении, так же как и не разделяла с императором верховную власть[35]. Отсюда главный редактор делал вывод, что «Правительственный вестник» не мог служить органом для выражения воли Государственной думы и непосредственного, по ее распоряжению, обнародования исходящих от нее актов[36].

После открытия 20 февраля 1907 г. II Государственной думы, почти половина состава которой была представлена депутатами от левых партий, по выражению А. А. Башмакова, «открылся период организованной, окрепшей на законном основании борьбы против самого существования российской государственности»[37]. Его надежды на то, что Дума станет союзником правительства в проведении реформ, окончательно рухнули. Единственной гарантией крепости государства он видел сильную самодержавную власть: «Явная крамольность II Государственной Думы неудержимо выдвигала на первый план важнее всех других государственных задач вопрос о том, сохранит ли русский царь свое принципиальное самодержавие, как последнее убежище здравого государственного смысла, в дни торжествующей демагогии, или эта ценнейшая гарантия и плотина против "народоволия" уже захлестнулась в торжественном провозглашении "парламентского" режима?»[38] — вспоминал А. А. Башмаков. Необходимость однозначно ответить на этот вопрос, по его мнению, затмила собой все другие задачи. «Если бы Петр Аркадьевич не понял безвыходности этого положения и не прибег бы к смелому хирургическому методу воздействия, мы бы получили катастрофу не в 1917 году, а десятью годами раньше, — писал А. А. Башмаков. — Честь и слава Столыпину, который сумел найти правильный выход из этого тупика, оставшись вместе с тем на законной почве»[39]. Таким образом, русское правительство нашло единственно верное решение поставленной задачи, не отрицая законности народного представительства, а освободительное движение, на протяжении 1905–1906 гг. требовавшее все больших и больших уступок, по выражению А. А. Башмакова, осталось у разбитого корыта[40].

Заключение. Подобно другим сторонникам консерватизма, А. А. Башмаков был убежден, что в результате предпринятых в 1905–1906 гг. реформ император по-прежнему оставался носителем высшей власти. Исходя из этого, консерваторы могли интерпретировать политические преобразования 1905–1906 гг. двояко: либо в октябре 1905 г. правительство совершило большую

---

35 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776. Оп. 9. Д. 123. Л. 106 об.

36 Там же. Л. 107.

37 *Башмаков А. А.* Самодержавие и народное представительство // Часовой. 1935. 11 июня. № 150. С. 19.

38 Там же. С. 20.

39 Там же.

40 *Башмаков А. А.* Народовластие и государева воля… С. 6.

ошибку, которую еще не поздно исправить; либо оно пошло на необходимое, хотя, может быть, не во всем удачное усовершенствование традиционного для России самодержавного порядка[41]. В этом отношении точка зрения А. А. Башмакова была ближе к мыслителям, которые не могли отвергнуть провозглашенных в Манифесте 17 октября реформ как выражения царской воли. Деятельность первых двух Дум стала для него серьезным разочарованием.

На протяжении всего периода революции выступая, несомненно, охранителем самодержавия, А. А. Башмаков присоединялся к той части представителей высшей бюрократии, которая видела выход из политического кризиса в создании совещательного представительного органа и проведении ряда преобразований для модернизации существующего строя. Реформирование, по его убеждению, должно было проходить в соглашении с умеренными силами оппозиционного движения. Во многом его взгляды совпадали с правительственной программой реформ. По его глубокому убеждению, модернизация не должна была противоречить национальным интересам и традициям российского государства. Будучи сторонником сохранения общины, А. А. Башмаков не обрушивался с критикой на П. А. Столыпина, как многие правые. Стоя во главе важнейшего органа официальной печати — «Правительственного вестника», — он не мог высказываться об аграрной реформе в негативном ключе.

Литература

1. Беклемишева М. М. А. А. Башмаков (1858–1943): общественно-политические взгляды и деятельность в дореволюционной России: дис. … канд. ист. наук. М., 2021. 333 с.

2. Первая революция в России: взгляд через столетие. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 602 с.

3. Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2010. 639 с.

4. Смолин М. Б. Столыпинский идеолог Александр Александрович Башмаков // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 1 (10). С. 149–158.

5. Соловьев К. А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М.: РОССПЭН, 2011. 511 с.

6. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1981. 256 с.

References

1. Beklemisheva M. M. A. A. Bashmakov (1858–1943): obshchestvenno-politicheskie vzgliady i deiatel`nost` v dorevoliutsionnoi Rossii [Alexandre Baschmakoff (1858–1943): socio-political views and activities in Imperial Russia]: dis. … kand. ist. nauk. Moscow, 2021. 333 p. (In Russ.).

[41] *Соловьев К. А.* Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. С. 60.

2. Pervaia revoliutsiia v Rossii: vzgliad cherez stoletie [The first revolution in Russia: a glance after a century]. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2005. 602 p. (In Russ.).

3. Russkii konservatizm serediny XVIII – nachala XX veka: entsiklopediia [Russian conservatism in the middle of the XVIIIth – early XXth centuries: an encyclopedia] / otv. red. V. V. Shelokhaev. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN), 2010. 639 p. (In Russ.).

4. Smolin M. B. Stolypinskii ideolog Aleksandr Aleksandrovich Bashmakov [The Stolypin ideologist Alexander Alexandrovich Bashmakov] // Problemy natsional`noi strategii. 2012. № 1 (10). P. 149–158. (In Russ.).

5. Solov'ev K. A. Zakonodatel`naia i ispolnitel`naia vlast` v Rossii: mekhanizmy vzaimodeistviia (1906–1914) [Legislative and executive power in Russia: mechanisms of interaction]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN), 2011. 511 s. (In Russ.).

6. Solov'ev Iu. B. Samoderzhavie i dvorianstvo v 1902–1907 gg. [Autocracy and nobility in 1902–1907]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1981. 256 p. (In Russ.).

УДК 94(47).083
DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.03

Иванов Андрей Александрович

доктор исторических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
andrey.a.ivanov@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6438-5200

СОЮЗ РОССИИ С ФРАНЦИЕЙ И ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ В ОЦЕНКЕ РУССКИХ ПРАВЫХ НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматривается отношение русских правых политических партий начала XX в. (черносотенцев и националистов) к союзу Российской империи с Францией и Великобританией. Показана тесная взаимосвязь внутриполитических установок русских правых с их внешнеполитическими взглядами. Отмечается общее и различное в восприятии русскими правыми монархистами Французской республики и Британской империи; обращается внимание на попытки дифференцированного подхода, отделяющего народы от их правительств. На основе широкого спектра источников, часть из которых впервые вводится в научный оборот, доказывается, что русский правый лагерь не был един по отношению к Франции и Великобритании и позиции черносотенцев и националистов заметно отличались в этом вопросе. В то время как крайне правые стремились добиться дистанцирования Российской империи от слишком тесных отношений с Англией и Францией, умеренно правые выступали сторонниками сближения с этими странами. Показано, что на риторику правых в отношении Великобритании и Франции большое влияние оказывала конкретная внешнеполитическая ситуация: до начала войны черносотенцы сомневались в целесообразности альянса с республиканской Францией и крайне негативно относились к союзу с парламентской Англией, во время войны стран Антанты с Германией крайне правые из прагматических соображений либо поменяли, либо смягчили свою позицию, а после Февральской революции, окончательно разуверившись в странах-союзницах, снова вернулись к их критике.

Ключевые слова: русские правые, черносотенцы, националисты, внешняя политика, Российская империя, Франция, Великобритания, Антанта.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00105 «Политические партии России начала XX в.».

© Иванов А. А., 2022

UDC 94(47).083
DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.03

Ivanov Andrey A.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
St. Petersburg State University
andrey.a.ivanov@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6438-5200

THE ALLIANCE OF RUSSIA WITH FRANCE AND GREAT BRITAIN IN THE PERCEPTION OF RUSSIAN RIGHT-WINGERS IN THE EARLY XXth CENTURY

Abstract. The paper describes the attitude of Russian right-wing political parties in the early XXth century (members of the Black Hundred and nationalists) toward the alliance of the Russian Empire with France and Great Britain. The paper testifies a strong relationship of domestic political attitudes of Russian right-wingers with their foreign-policy views. Common and different features of perception by Russian right-wing royalists of the French Republic and the British Empire are being noted; attempts of multi-pronged approach to separate nations from their governments are addressed. Based on a wide range of sources, some of which are introduced into scientific discourse for the first time, it is proved that the Russian right-wing camp was not united in their attitude toward France and Great Britain, and positions of the members of the Black Hundred and nationalists varied notably on this subject. Whereas the Russian extreme right-wingers strained after separation of the Russian Empire from too close relations with England and France, the moderate right-wingers expressed approval of rapprochement with those countries. It is demonstrated that the specific foreign-policy situation had a very significant effect on rhetoric of right-wingers in regard to Great Britain and France: prior to the outbreak of war, the members of the Black Hundred did not see the use of the alliance with republican France and were outspokenly critical of the union with parliamentary England, in the war of the Allies against Germany the Russian extreme right-wingers on pragmatic grounds either changed or softened their stand, and after the February revolution, wholly losing faith in allied nations, again fell back to criticism addressed to them.

Keywords: Russian right-wingers, the Black Hundred, Russian nationalists, foreign policy, Russian Empire, France, Great Britain, Entente.

The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-00105 “Political parties in Russia in the beginning of the XXth century”.

Введение. Вопросы внешней политики являлись прерогативой императора и Министерства иностранных дел — они не входили в компетенцию представительных учреждений Российской империи и не находили отражения в программных документах политических партий. Тем не менее вопросы внешнеполитической ориентации, отношения к ведущим мировым державам и о том, каким образом России следует выстраивать

свою иностранную политику, регулярно поднимались в печати, на собраниях политических партий и клубов, в стенах Государственной думы. Не были исключением и русские правые: черносотенцы (Союз русского народа — СРН), Русский народный союз имени Михаила Архангела (РНСМА), Союз русских людей (СРЛ), Русская монархическая партия (РМП), Русское собрание (РС) и др.) и националисты (Всероссийский национальный союз (ВНС), Киевский клуб русских националистов (ККРН), Всероссийский национальный клуб (ВНК) и др.), — для которых вопросы внешней политики являлись важной составляющей политической борьбы. Их геополитические воззрения, равно как и внешнеполитические взгляды, базировались на таких принципах, как укрепление самодержавия и имперского могущества России, ее суверенитет в международных делах и отстаивание особого исторического пути. Геополитические представления лидеров черносотенцев, как правило, вытекали из концепций славянофилов — Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, В. И. Ламанского и других консервативных мыслителей[1]. Исходя из них, крайне правые публицисты и политики начала XX в. писали об особой миссии России в мировой истории, верили, что она должна явить миру образец истинного «святорусского миродержавства»[2] и считали ее путь не тождественным ни западному, ни восточному. «…Во внешних делах положение нашего отечества, центральное, — между пробуждающимся полумиллиардным, с одной стороны, населением Востока, стесненным на своей территории, а с другой — с сильными государствами Запада, тоже переполненными населением и нуждающимися в расширении своих границ, — в самом недалеком будущем заставит Россию избрать одно из двух: или стать молотом настолько сильным, чтобы сковать Восток и Запад, или же, в качестве наковальни, став ареною постоянных кровавых событий, — отдать себя на растерзание, т. е. утратить свою Государственную цельность», — отмечалось в одном из документов Русского монархического союза (РМС)[3]. Как пишет С. А. Степанов, «черносотенцы использовали славянофильские тезисы, противопоставляя Россию Западу, под которым подразумевались страны Западной Европы и Северной Америки» и вслед за славянофилами повторяли, что современная им «бездуховная» западная цивилизация жила «враждой, ненавистью, разобщенностью, узким личным материалистическим эгоизмом, господством материальной силы, рабством духа и души»[4]. Позиция русских националистов была несколько иной — они, как правило, были чужды антизападничества и рассматривали Россию как неотъемлемую часть западноевропейской цивилизации.

---

1 *Омельянчук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2006. С. 480–492; *Репников А. В.* Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С. 241–276; *Линькова Е. В.* Становление и эволюция внешнеполитической концепции российских консерваторов XIX в.: дис. … д-ра ист. наук. М., 2019.

2 *Таубе М. Ф.* Образование великодержавных единиц. СПб., 1910. С. 18.

3 Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы: в 2 т. / сост., авт. предисл., введ. и коммент. Ю. И. Кирьянов. М., 1998. Т. 2. С. 424.

4 *Степанов С. А.* Черная сотня. Что они сделали для величия России? М., 2013. С. 23.

Какое-либо вмешательство иностранных держав во внутренние российские дела воспринималось черносотенцами и русскими националистами как непрошенное, недопустимое и оскорбительное[5]. Мировые события рассматривались ими сквозь призму национальных и политических интересов, сами по себе занимая весьма скромное место в их публичной риторике. «Нас, — отмечал редактор правой газеты “Земщина” С. К. Глинка-Янчевский, — <…> мировая политика мало интересует. У нас — своих забот по горло, и потому нам совершенно безразлично, о чем спорит Северная Америка с Южными республиками или с Англией, какие дрязги сеют рознь между Францией и Германией или между Германией и Англией, и тем более, как вырождается Португалия или Испания. Мы касаемся внешних осложнений постольку, поскольку они могут отразиться на России»[6]. Член Главного совета СРН философ и математик М. Ф. Таубе, определяя внешнеполитические задачи страны, писал: «Не будем мечтательны, бросим благодетельствовать чужих и подумаем… как себя сохранить и свою веру, свою царскую державу, свою самобытность или народную личность. Благотворить чужих хорошо, когда есть чем благотворить. Наша священная обязанность защититься и соблюсти свою собственную пользу»[7]. В связи с этим важнейшую роль при определении потенциальных союзников и противников России для правых играли такие вопросы, как близость государственно-политического устройства, исторически сложившийся опыт взаимоотношений, потенциал экономического и военного сотрудничества, пересечение интересов и возможность их урегулирования[8]. Именно на этих принципах правые выстраивали свои взгляды по отношению к великим европейским державам, включая Францию и Великобританию, которым суждено было вместе с Российской империей составить военно-политический блок — Антанту — и вместе выступить в годы Первой мировой войны против Германии, Австро-Венгрии и Османской империи.

Несмотря на то что внешнеполитические взгляды русских правых нашли отражение в ряде работ, посвященных как внешней политике Российской империи[9], так и собственно консервативным силам и монархическим организациям дореволюционной России[10], вопросы отношения черносотенцев

---

5 В Совете Всероссийского национального союза // Земщина. 1910. 9 мая; Правые партии... Т. 1. С. 201.

6 *Глинка С.* Внешняя политика // Земщина. 1913. 1 января.

7 *Черносотенец барон Т[аубе].* Россия, Германия и Англия // Русское знамя. 1907. 25 января.

8 *Белянкина В. Ю.* Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века (1905–1914 гг.): дис. … канд. ист. наук. Кострома, 2005. С. 33.

9 *Васюков В. С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 – февраль 1917 г. М., 1984; *Урибес-Санчес Э.* Внешнеполитические взгляды правых // История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 2018. С. 388—395.

10 *Белянкина В. Ю.* Указ. соч.; *Омельянчук И. В.* Указ. соч. С. 480–492; *Иванов А. А.* Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013. С. 77–79; *Репников А. В.* Указ. соч. С. 241–276; *Линькова Е. В.* Указ. соч. и др.

и националистов к Франции и Великобритании, на наш взгляд, раскрыты недостаточно подробно, в связи с чем целью данной публикации является не только систематизация и обобщение уже опубликованных исследователями данных, но и обогащение представлений о данном вопросе благодаря новым источникам, впервые вводящимся в научный оборот. Источниковую базу исследования составили материалы периодической печати, архивные документы, публицистическое наследие правых деятелей, стенографические отчеты Государственной думы.

Правые и Франция. К моменту появления правых партий Россия и Франция уже находились в союзных отношениях. Военно-политический альянс между странами возник еще при императоре Александре III и укрепился в годы царствования Николая II. Таким образом, в отношении Франции правые были вынуждены исходить из уже имевшейся ситуации и учитывать тот факт, что союзные отношения между двумя державами возникли по воле столь чтимого ими самодержца. Как отмечал видный монархический деятель С. А. Володимеров, «союз наш с Францией был нами заключен в условиях более-менее доказанной его необходимости для Франции и выгодности для России»[11]. Однако тесное сотрудничество православной самодержавной монархии с «безбожной республикой» не могло не вызывать у консервативных сил недовольства или, как минимум, сомнений. Освещение в правой прессе русско-французских отношений отличалось двойственностью и противоречивостью. С одной стороны, правые издания верноподданнически откликались на официальные встречи лидеров двух стран, дружественные визиты и заявления; с другой — выражали сомнение в надежности республиканской союзницы и высказывали опасения, что страна, укрывающая российских политических преступников и не сочувствующая государственному устройству России, в критический момент может оказаться не на стороне русского самодержавия.

При этом важно отметить, что позиция правого лагеря в отношении Франции (впрочем, как и по многим другим вопросам внешней политики) не была единой. Крайне правыми (черносотенцами) Франция воспринималась как рассадник революционного духа, нравственного порока, антиклерикализма и оккультизма, а ее правительство — как несамостоятельное, находящееся в зависимости от еврейства и масонства (в частности, указывалось на принадлежность к масонским ложам президентов Франции А. Фальера и Р. Пуанкаре)[12]. «Под влиянием парламентарно-республиканского правления… она (Франция. — *А. И.*) стала быстро падать, превратившись в какой-нибудь десяток лет из грозного государства в расслабленного больного… Нравственно больная Франция заразила своим недугом в виде социализма все государства Европы и сильнее всего микробы этой язвы проникли в Россию…», — писал

[11] *Володимеров С.* Посещение Москвы г. Пуанкаре // Земщина. 1912. 3 августа.

[12] См., например: Правые партии... Т. 2. С. 256, 264.

орган СРН «Русское знамя»[13]. Не последнюю роль в отношении к официальной Франции играли симпатии ее представителей к российской оппозиции и ответные чувства к ней со стороны российских либералов. После визита в Россию в 1910 г. французских парламентариев лидер РНСМА В. М. Пуришкевич обращал внимание на недопустимые с его точки зрения высказывания, сделанные как со стороны гостей, так и чествовавших их российских либералов. Заслушав доклад Пуришкевича, РНСМА постановил принять меры к недопущению в будущем пропаганды в России «чуждого ей конституционного строя», официального чествования «всякого рода наезжающих господ» и при «дальнейших попытках французов вмешательства в наши дела, немедленно заняться тем же во Франции поездкою туда и пропагандой монархизма в республике» совместно с французскими роялистами[14]. Не испытывая симпатий к французской правящей элите и установившимся во Франции порядкам, черносотенцы выражали свою поддержку консервативным силам этой страны и «искреннюю любовь к благородному французскому народу», надеясь, что наступят времена, когда «проснется и гордо встанет старая Франция, Франция Людовика Святого, Франция Иоанны д'Арк» и положит конец «иудо-масонскому хозяйничанью»[15]. Как отмечал лидер РМП В. А. Грингмут, «французский народ, конечно, всецело стоит на нашей стороне, но правительственный якобинский "блок" в парламенте нисколько не разделяет чувств французского народа и относится к нам с полным равнодушием, чтобы не сказать с затаенною враждой»[16]. Но были и те, кто считал, что «самобытная французская нация перестала существовать», ибо вся Франция «ожидовела»[17].

Тревогу крайне правых также вызывала постоянно растущая финансовая зависимость России от своей союзницы, ставившая, по их мнению, нашу страну в крайне невыгодное положение и заставлявшая действовать не из своих национальных интересов, а исходя из пожеланий кредитора. При этом уверенности, что в трудную минуту Франция придет на помощь, у правых не было. «Русское знамя» напоминало, что «Франция как союзница не принесла никакой осязательной пользы нам в японскую войну»[18]. Военный потенциал Франции также оценивался критически, вплоть до утверждений, что «современная Франция нипочем воевать не станет»[19]. В связи с этим накануне Первой мировой войны в крайне правой печати неоднократно появлялись публикации, в которых говорилось о том, что союз с Францией потерял всякое значение, что он не приносит России никакой пользы, и есть не что иное,

---

13 *Дрозд-Бонячевский В.* Наши союзники // Русское знамя. 1907. 1 апреля.

14 Правые партии... Т. 1. С. 559–560.

15 *Володимеров С.* Указ. соч.

16 *Грингмут В. А.* Наши друзья и враги // Собрание статей В. А. Грингмута. Вып. 3. М., 1910. С. 20.

17 *Черносотенец барон Т[аубе].* Указ. соч.

18 *Дрозд-Бонячевский В.* Указ. соч.

19 *Володимеров С.* Указ. соч.

как «симпатическая иллюзия», а потому великая империя не должна зависеть «от влияния французских политических партий, которые кроме Бога отрицают отечество, военную службу и патриотизм»[20]. В 1911 г. «Земщина» резюмировала: «С формальной стороны союз существует. Но… Тут есть какое-то и притом очень крупное “но”… И оно заключается в том, что дух союза исчез. Когда подготовлялся и заключался союз с Францией, все русское общество самым искренним образом приветствовало это сближение. В России всегда замечались симпатии к прекрасной Франции и обстоятельным французам. <…> Увы, как быстро все это переменилось! <…> На бумаге сохранился, конечно, призрак союза *правительств*, но ничто его не согревает. *Народные симпатии в нем не участвуют.* Ледяным холодом веет от этого союза… Не русский, однако, народ в том виновен. Не виновны, пожалуй, и французы. Вся вина падает исключительно на французское правительство, продавшееся иудеям, порвавшее с церковью и нравственным кодексом и превратившееся в служителей золотого тельца. С правительством всяких Клемансо, Комбов, Брианов искреннего союза быть не может»[21].

Однако в годы Первой мировой войны критики Франции из правого лагеря были вынуждены сменить тон. Как бы негативно черносотенцы ни относились к порядкам в Третьей республике, необходимость совместной борьбы с общим противником заставила их на время забыть о выдвигаемых в ее адрес обвинениях и заговорить о «прекрасной союзнице»[22]. Правые газеты стали писать о мужестве и благородстве французов, о доблести французской армии, ставить в пример консолидацию французского общества, патриотизм французов, политику Франции в отношении подданных враждебных ей государств и ее промышленные успехи. Но когда речь заходила о сравнении России и Франции, то правые указывали либералам, что республиканская союзница оказалась хуже подготовленной к войне, нежели самодержавная Россия, а царящие в ней свободы не спасли страну от множества злоупотреблений[23].

Несколько иным было отношение к Франции большинства русских националистов и умеренно правых. Некоторые из них даже указывали на Францию как на пример «правильного» развития национализма[24]. Один из лидеров ВНС В. А. Бобринский, выступая в Государственной думе, подчеркивая многолетний характер союзнических отношений с Францией, указывал, что «мы находимся в союзе… со всею французскою нацией» и что «вопрос нашего союза

---

20 См.: *Белянкина В. Ю.* Указ. соч. С. 78.

21 *Глинка С.* Франко-русский союз // Земщина. 1911. 22 января.

22 Совещание монархистов 21–23 ноября 1915 года в Петрограде. Постановления и краткий отчет. М., 1915. С. 12.

23 См: Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918 гг. Т. 2: Консерваторы: великие разочарования и великие уроки / отв. ред. А. В. Репников, сост., предисл. и коммент. А. В. Репников, А. А. Иванов. М., 2014. С. 183.

24 *Коцюбинский Д. А.* Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 78, 86, 144.

с Францией — вопрос настолько бесспорный, что о нем говорить не приходится»[25]. Как правило, националисты и умеренно правые старались избегать в своих публичных выступлениях нападок на страну-союзницу, ее власти и порядки, стремились следовать в этом вопросе курсу, взятому российским МИДом. Однако и среди русских националистов звучали критические высказывания в отношении Французской республики. Так, например, М. О. Меньшиков отмечал, что «нет в пределах Франции ни одной надежды, которая не была бы горько осмеяна, ни одной святыни, которая не была бы осквернена»[26], обращал внимание, что там «давно идет яростная борьба с церковью, с армией и национальностью», а печатью «давно овладели враги христианского общества»[27]. Но, несмотря на это, умеренное крыло правого лагеря не подвергало сомнению целесообразность русско-французского союза. Как справедливо отмечает современный исследователь, если для большинства крайне правых «республиканская Франция была символом якобинства и анархии, сосредоточением зла и нравственного упадка, стремящегося под видом просвещения разрушить русские государственные и морально-этические устои», то националисты вопреки критике происходящих во Франции процессов «являлись сторонниками сохранения и развития русско-французских отношений, видя во Франции экономического партнера и военно-политического союзника»[28].

Правые и Великобритания. Еще более сложным было отношение русских правых к Великобритании. Союз Британии с Францией (1904) и последовавшее вслед за ним англо-российское соглашение о разграничении сфер влияния (1907) вызывали в правом лагере серьезные опасения. Многолетнее соперничество Российской и Британской империй было хорошо известно, а роль Туманного Альбиона в противостоянии России и Японии слишком памятна. Англия, писала «Земщина», «целое столетие издевалась над Россией, натравливала на нас всех, кто подворачивался ей под руку, и почти открыто плевала нам в лицо»[29]. Казалось бы, мирное разграничение сфер влияния России и Британской империи в Средней Азии, означавшее прекращение «Большой игры», можно было только приветствовать, но крайне правых не устраивали условия этого договора. Соглашения по Ирану, Афганистану и Тибету воспринимались ими как неоправданные уступки, лишавшие Российскую империю самостоятельности в регионе[30]. Как отмечал член Главной палаты РНСМА и бывший дипломат Ю. С. Карцов, «вступив с Россией

---

25 Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия II. Ч. 4. СПб.,1914. Стб. 378–379.

26 *Меньшиков М. О.* Великорусская идея: в 2 т. / сост., предисл., коммент. В. Б. Трофимовой. М., 2012. Т. 2. С. 7, 195, 198.

27 Там же. Т. 1. С. 117.

28 *Белянкина В. Ю.* Указ. соч. С. 81.

29 Глинка С. Внешняя политика...

30 *Белянкина В. Ю.* Указ. соч. С. 47, 50–51.

в соглашение и заключив с нею ряд конвенций, Англия 1) заставила Россию отказаться от самостоятельных выступлений не только в Турции, но и в других странах Ближнего Востока; 2) наложила свое вето на участие России в каких бы то ни было политических комбинациях, направленных против английской всесветной гегемонии на море и 3) выговорила английскому предпринимателю и капиталу обеспеченное и льготное положение на русском внутреннем рынке»[31]. Кроме того, их тревогу вызывал факт складывания новой коалиции держав — Антанты. Крайне правые указывали, что сближение с Англией вело Россию к обострению отношений с Германией, поскольку конкуренция между этими двумя державами, их борьба за обладание колониями являлась одной из важнейших причин назревавшей войны. «Нынешний век должен решить борьбу двух великанов — Германии и Англии, — писал в 1910 г. С. К. Глинка-Янчевский. — <…> И как бы ни старались заверить друг друга оба эти государства в своем миролюбии и дружеских чувствах, сама необходимость возьмет свое, и они сцепятся в смертном бое. Ни династические соображения, ни родство коронованных особ, ни посредничество тех или иных держав, ничто не предотвратит рокового столкновения, ибо дело идет о самых жизненных интересах обеих стран»[32]. Если заключение франко-русского союза, по мнению черносотенцев, было в свое время оправдано тем, что позволяло установить равновесие сил в Европе, и не угрожало жизненным интересам Германии, то присоединение к нему Англии в корне изменило ситуацию[33]. Уже в эмиграции лидер СРН Н. Е. Марков отмечал: «Пока был франко-русский союз, войны не было, войной и не пахло. Как только масонское влияние увлекло русскую дипломатию в объятия управляемого масонами “коварного Альбиона”, тотчас обострились русско-германские отношения, и Россия оказалась втянутой в мировую войну…»[34]

Но если Англия рассчитывала при помощи этого союза получить для себя сильного континентального союзника в борьбе с Германией, то России, по мнению черносотенцев, трудно было ожидать от этого соглашения каких-либо выгод. «Основа нашей теперешней политики — соглашение с Англией, очень похожее на союз, — писал товарищ председателя Главной палаты РНСМА Н. Д. Облеухов. — Мы, люди монархических партий, этому союзу, как известно, не сочувствуем. Мы указывали и будем указывать, что Англия, опасная в качестве врага, совершенно бесполезна и даже вредна в качестве друга»[35]. Как отмечал Пуришкевич, отдававший дань «чувству глубокого патриотизма английского народа», Британия — этот «современный Карфаген», будущее которого оказалось под угрозой из-за выдающихся успехов Германии, чтобы спасти свое положение, «мечется в поисках не за союзником, а за тем государственным

---

31 Опасно ходим // Объединение. 1912. № 2. С. 2.

32 *Глинка С.* На чью сторону стать? // Земщина. 1910. 27 января.

33 *Глинка С.* Наши отношения с Германией // Земщина. 1909. 11 июня.

34 *Марков Н. Е.* Войны темных сил. Париж, 1928. С. 158.

35 *Ухтубужский П.* Русский народ в Азии. СПб., 1913. С. 68.

телом, которое могло бы… в самый критический для нее момент… принять на себя удар наиболее страшного для нее политического противника и тем отдалить час ее экономического и политического падения. Трудно допустить, чтобы та страна, которая 3 года назад делала все от нее зависящее к унижению России, чтобы страна эта искала возрождения ее военной мощи и роста ее авторитета в кругу великих держав современного мира. Англии нужна Россия как тот кулак, который должен во чтобы то ни стало столкнуться с кулаком немецким во славу... английской гегемонии на море и сохранения за нею рынков мира. Результаты войны ей почти безразличны, разбитая Россия и вконец обессиленная хотя бы и победоносная Германия, обе они вынут каштаны только для Англии, для нее одной»[36]. О желании Англии — «нашего исконного, естественного врага и соперника, вредившего нам, где и чем только мог», — спрятаться «за нашу… широкую спину, и заставить нас принять на себя удары ее врагов», писал член РС и РМС К. Н. Пасхалов, отмечавший, что расчет Британии, стремившейся к «исключительному господству над миром», заключался в том, чтобы «заставить Россию и Германию разбиться друг от друга и разом освободиться от обоих конкурентов»[37]. Характеризуя дружественные жесты со стороны Британии, Карцов характеризовал их как желание «приглядеться к России и ее природным богатствам и оценить, во что обойдется пушечное мясо, нужное им (британцам. — *А. И.*) на случай войны с Германией»[38]. «Воевать ради защиты владычества Англии на морях, служить ей экономическими кабальниками и поставщиками пушечного мяса — роль для нашего самолюбия чрезвычайно обидная и унизительная, — заключал Карцов. — Лезть в объятия Англии, разумных причин нет, а еще менее есть оснований заключать с нею формальный союз. Всякий шаг в этом направлении отнимет у нас свободу действия и приблизит нас к войне с Германией…»[39]. Еще более категоричен был один из основателей СРН А. А. Майков, отмечавший, что Британия, «ослабив Россию ружьями Японии и революцией», стремится теперь «ослабить нас при помощи Германии»[40]. В случае же войны, полагали крайне правые, «временная дружба России с неверным естественным врагом обеспечит Англии ее тыл в Индии и откроет плохо защищенные западные границы России для нападения воинственной Германии: как бы она ни была разбита на водах (британским флотом. — *А. И.*), она разобьет наши войска на суше. <…> Англия своим флотом России помочь не сможет, да и не захочет…, наоборот, ей выгодно, когда немцы расколотят русские военные силы — никто ей угрожать из середины Азии не будет. Тут одно предстоит: окончательное падение и сокрушение России»[41].

---

[36] Правые партии... Т. 1. С. 449–450.

[37] *Пасхалов К. Н.* С Англией или Германией? // Пасхалов К. Н. Русский вопрос / сост., предисл. и коммент. Д. И. Стогова. М., 2008. С. 589.

[38] Опасно ходим... С. 3.

[39] Там же.

[40] *Майков А.* Не-легенда // Земщина. 1909. 5 июля.

[41] *Черносотенец барон Т[аубе].* Указ. соч.

Тревогу крайне правых также вызывала возможность захвата Британией российских рынков, экспансия английской промышленности и подчинение российской экономики интересам Лондона[42]. «Дайте Англии зацепиться за кончик мизинца, — писал С. К. Глинка-Янчевский, — и она начнет у нас хозяйничать, как в своей колонии: всюду будет находить и отстаивать свои интересы»[43].

Кроме того, Великобритания, подобно Франции, воспринималась крайне правыми как государство враждебное православной самодержавной монархии и стремящееся к изменению государственного строя в России. «Англофильство в нашей внешней политике, — писал Н. Д. Облеухов, — это то же, что "конституционализм" во внутренних делах России»[44]. «…Англия неоднократно силой добивалась ниспровергнуть наш самодержавный строй…», — утверждал Глинка-Янчевский[45]. Черносотенцы были убеждены, что Лондон является центром мирового масонства и колыбелью едва ли не всех происходящих в мире революций[46]. Таким образом, через свои печатные органы крайне правые старались убедить российские власти и общество, что верить Британии нельзя, что английское стремление к сближению с Россией преследует лишь интересы Лондона, а за заявлениями о дружбе и сотрудничестве скрываются интриги, коварство и враждебность. «Англия продаст, ибо вечно продает, и продажа вошла в ее право и плоть — предупреждала "Земщина". — Англия уже не может действовать честно. Она не может не продавать»[47]. Страной «классического коварства» называл Англию и Пуришкевич[48]. Обращая внимание на взаимные симпатии британских политических кругов и российской либеральной оппозиции, рупор СРН писал: «Вся, так называемая, "прогрессивная"… часть общества, разумеется, тянет Россию на сторону Англии. Вся же русская Россия с содроганием отворачивается от всякого сближения с этой предательницей, с этим гнездом масонства, политической провокации и всякого шантажа»[49]. В связи с этим черносотенцы являлись убежденными противниками российско-британского сближения, выступали с протестами против дружественных визитов друг к другу английских и российских парламентариев и обвиняли либеральную оппозицию в том, что она, пользуясь симпатиями Англии, устанавливает тесные контакты с ее деловыми и политическими кругами в ущерб российским интересам. Впрочем, зависимые от правительственных субсидий правые могли иногда снижать градус в критике Британии и от резких выпадов в ее адрес переходить к дипломатично выраженным тревогам и озабоченностям, но общей их позиции по отношению к российско-английскому союзу до начала Первой мировой войны это не меняло.

---

42 *Майков А.* Указ. соч.

43 *Глинка С.* Внешняя политика...

44 *Ухтубужский П.* Германия или Англия? // Земщина. 1910. 9 мая.

45 *Глинка С.* Последние свидания // Земщина. 1909. 23 июля.

46 *Глинка С.* На перепутьи // Земщина. 1909. 5 июля.

47 *Глинка С.* На чью сторону стать?..

48 Правые партии... Т. 1. С. 450.

49 *Глинка С.* На чью сторону стать?..

Иначе смотрели на Англию русские националисты и умеренно правые. Лидер ККРН и член Главного совета ВНС А. И. Савенко, комментируя заключение российско-английской конвенции, вспоминал: «Я первый горячо приветствовал это соглашение, ибо Россия никогда не была врагом Англии, нападала и враждовала Англия, и если она прекратила свою вражду, то это крупная удача для нас, которой нельзя не радоваться»[50]. Многие националисты смотрели на Британию как на страну, в которой удалось примирить монархию и парламентаризм, где национализм и патриотизм завоевали себе прочные позиции в образованном обществе, где даже либеральные силы были национально ориентированы и ставили интересы английской нации выше инородческих. «Английский парламент, самый древний на свете и образец парламентов, строго национален, — писал М. О. Меньшиков. — В нем заседают представители только британской островной группы»[51]. «Английские либералы? Да какие же это либералы! Ведь это — точный сколок с нашей русской родовой аристократии», — отмечал член Главного совета ВНС граф В. А. Бобринский[52]. Учившийся в свое время в Эдинбургском университете Бобринский, по словам современного исследователя, умел «органично сочетать русский национализм, славянофильство и “англоманию”» и «предлагал русскому обществу брать первоочередной парламентский пример с англичан»[53]. Таким образом, русские националисты не чурались контактов с британскими политиками, а поддерживавшее их «Новое время» придерживалось проанглийской ориентации, выступало за русско-английские союзнические отношения и восхваляло «доблестную союзницу»[54] (за что нередко именовалось черносотенцами прислужницей Англии[55]). Российско-английское соглашение 1907 г. трактовалось большинством националистов и умеренно правых в позитивном ключе: устранение противоборства с Британией в Средней Азии, считали они, давало России возможности для решения других задач (укрепления позиций на Балканах и борьбы за черноморские проливы). В отличие от черносотенцев, считавших, что сближение с Британией ведет к ненужному для России конфликту с Германией, националисты исходили из того, что в условиях роста экспансионистских и милитаристских настроений в Рейхе, в интересах России заручиться поддержкой Англии[56]. Но проанглийская ориентация русских националистов во внешней политике не превращала их в послушных проводников британских интересов внутри России: как только со стороны британских политических кругов предпринимались попытки оказать давление

---

50 *Савенко А.* Заметки // Киевлянин. 1908. 29 мая.

51 *Меньшиков М. О.* Пунцово-розовая точка зрения // Меньшиков М. О. Русское пробуждение / под ред. В. С. Чижевского. М., 2007. С. 59.

52 Цит. по: *Коцюбинский Д. А.* Указ. соч. С. 91.

53 Там же. С. 173–174.

54 *Белянкина В. Ю.* Указ. соч. С. 39.

55 *Глинка С.* Внешняя политика...

56 *Белянкина В. Ю.* Указ. соч. С. 45.

на внутриполитическую ситуацию в Российской империи (например, по финляндскому вопросу), националисты сразу же давали им отпор[57].

Необходимость воевать в союзе с Англией против Германии не вызвала у большинства крайне правых всплеска симпатий к Туманному Альбиону. Исключение составил лишь РНСМА, который благодаря позиции своего лидера В. М. Пуришкевича с первых же дней войны принялся прославлять «доблестную союзницу». Член РНСМА Н. Д. Облеухов, корректируя довоенную риторику правых, пытался делать акцент на монархическом, а не на конституционном характере Британии. «Конституционализм в Англии не есть порождение революционных принципов XVIII столетия, — писал правый политик. — Он развился из средневекового феодализма, из средневековых городовых свобод. Английский строй есть нечто неподражаемое и неповторяемое во всем мире. Английский конституционализм тесно сочетается с монархизмом. Назвать англичанина республиканцем значило бы его оскорбить. Монархические чувства в английском народе чрезвычайно сильны. Для нас русских союзная и дружественная ныне Великобритания есть прежде всего могущественная монархия, королем и императором которой является, близкий родственник нашего возлюбленного Государя, Его Величество Король Великобритании и Император Индии Георгий V»[58]. Но наиболее крутой поворот от прогерманских взглядов к англофильству сделал Пуришкевич, что обусловливалось желанием политика вывести себя и свою партию из-под критики антигермански настроенного общества, что ему в целом удалось. Посол Великобритании Дж. Бьюкенен в ответ на приветственную телеграмму Пуришкевича направил ответное письмо, в котором оказывал моральную поддержку дружелюбно настроенному по отношению к Англии русскому монархисту[59]. Показательно, что когда один из лидеров СРН П. Ф. Булацель выступил в печати с критикой требования британского премьера Г. Асквита привлечь к ответственности за военные преступления германцев императора Вильгельма II, позволив заметить, что британские войска за два года войны продвинулись лишь на несколько сот метров, поскольку цель их — свалить все тяготы войны на Россию, Пуришкевич отмежевался от своего недавнего соратника и потребовал от членов РНСМА, разделяющих взгляды Булацеля, немедленно покинуть союз. В письме к Бьюкенену он называл Англию «великим и доблестным союзником» и от лица РНСМА выражал «глубокое восхищение» Англией, «жертвы коей на алтарь общего дела будут оценены рядом русских грядущих поколений»[60]. Впрочем, нахваливая в годы войны «доблесть британских союзников» и английское отношение к войне, обращаясь к русской публике, Пуришкевич все же вынужден был признать: «Будем откровенны: если бы Англия не была слаба до такой степени, то, конечно, ей желательно было бы…

---

57 В Совете Всероссийского национального союза // Земщина. 1910. 9 мая.

58 *Ухтубужский П.* Еще о нашем мнимом германофильстве // Русское знамя. 1916. 5 марта.

59 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1817. Л. 94 об.

60 Правые партии... Т. 2. 1911–1917 гг. С. 440.

сильное ослабление России, хотя и ее союзника, ослабление, которое не дало бы возможности в будущем, если Россия победит Германию, занять ей место Германии»[61]. Но тут же замечал: «захваченная врасплох, проспавшая Англия», теперь «идет рука об руку с исконным своим врагом в прошлом — Россией, веря, что лишь наша мощь похоронит в сугробах русского снега те тевтонские полчища, которые… наводняют сейчас Россию. Она (Англия. — *А. И.*) верит, что империалистические стремления и аппетиты Вильгельма могут быть похоронены только в России, которую она должна снабдить оружием и неисчислимым количеством средств, так как людей дать она не может. …впервые Англия, приняв участие в континентальной войне, должна отступить от своих традиций, диктовавшихся ей политическим разумом»[62]. Однако после событий 1917 г., во время своих публичных выступлений на Белом юге, Пуришкевич снова заговорил о Британии в весьма критическом духе, обвиняя ее в активном участии в русской революции, стремлении поживиться бывшими владениями Российской империи и навязать антибольшевистским силам определенное государственное устройство будущей России[63].

Большинство же черносотенных политиков, прекратив во время Первой мировой войны явные нападки на Англию, вместе с тем продолжали смотреть на союзницу с большим подозрением. Как отмечалось в жандармском отчете о настроениях политических партий, правых беспокоил риск того, что в войне, ведущейся преимущественно русскими силами, «победа достанется англичанам»[64]. В связи с этим член правой группы Государственного совета А. А. Римский-Корсаков указывал правительству: «Необходимо использовать все силы союзников, не упуская из виду, что гнет Англии в итоге так же недопустим, как и немецкий»[65]. Революционные события февраля 1917 г., признание и активная поддержка Англией и Францией Временного правительства вынудили правых высказываться о союзниках более определенно. Ультраправая «Гроза», отвечая на раздражение Англии и Франции развалом русской армии и ее неспособностью продолжать войну так, как она вела ее прежде, замечала: «Сами англо-французы постарались разрушить занесенный над немцами броневой кулак. Они хорошо знали, что русский христолюбивый воин бился до смерти за три святыни: “за Веру, Царя и Отечество”, написанные на ополченском кресте и строго чтимые всем русским народом. Ныне эти святыни у него похищены: Отечество заменено международным братанием, Вера отменена приказом о необязательности молитвы Богу,

---

61 *Пуришкевич В. М.* Чего хочет Вильгельм II от России и Англии в великой битве народов. Пг., 1916. С. 38–39.

62 Там же. С. 56–57.

63 См.: *Иванов А. А.* Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. СПб., 2020. С. 547–548.

64 Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 23.

65 Программа Союза русского народа перед Февральской революцией // Красный архив. 1927. Т. 1 (20). С. 243.

а Царя нет благодаря тем же англичанам и французам. <…> Следовательно, исключение Царя из святынь, за которые только и готов русский народ идти на смерть, ответствует желанию Франции и Англии, и потому они должны примиряться со всеми вытекающими отсюда последствиями»[66]. Таким образом, делало вывод издание, пришел черед союзников, которых в начале войны Россия спасла от разгрома, нанести решительный удар по Германии, а русскому народу хватит «жертвовать собою на благо других и на погибель себе»[67].

Заключение. Подводя итог, следует отметить, что русский правый лагерь по отношению к Франции и Великобритании не был един. Крайне правые (черносотенцы), за редкими исключениями, не испытывали симпатий к государственному устройству, правительствам и внешней политике этих стран, в то время как умеренная часть правого лагеря (националисты) в целом была настроена по отношению к союзникам по Антанте весьма дружелюбно. Если первые стремились добиться дистанцирования Российской империи от слишком тесных отношений с Англией и Францией, то вторые ратовали за сближение с этими державами. Принципиально важным здесь являлась не только оценка внешнеполитических устремлений этих государств, но и их внутриполитическая доктрина. Для приверженцев православной самодержавной монархии республиканская Франция и парламентская Англия не могли быть близки (как не были близки французским и английским государственным и политическим деятелям русские правые), но для русских националистов, приветствовавших становление парламентаризма в России и восхищавшихся национальной политикой Парижа и Лондона, отношение было принципиально иным. Кроме того, следует отметить, что черносотенцы в своей критике указывали на принципиальное отличие союза России с континентальной Францией и островной Британией: если союз с Третьей республикой находил в их геополитических взглядах хоть какое-то оправдание, то сближение с Туманным Альбионом казалось им роковой ошибкой. Однако публичные высказывания правых политиков по адресу Британии и Франции могли сильно меняться, исходя из конкретной внешнеполитической ситуации. Если до войны с Германией, стремясь воздействовать на российское внешнеполитическое ведомство, крайне правые делали акцент на критике этих держав, то во время войны прагматические интересы заставили их либо отказаться от этой риторики, либо существенно смягчить ее. Февральская революция 1917 г., в ходе которой союзники по Антанте оказались на стороне противников русского самодержавия, заставили монархистов снова менять риторику в отношении этих стран, напоминая свои предвоенные предостережения, но разгромленные, дискредитированные и лишенные общественной поддержки, они уже были мало кому интересны.

---

66 Гроза. 1917. 18 июня.

67 Там же. 2 апреля.

Литература

1. Белянкина В. Ю. Внешнеполитические взгляды русских правых в начале XX века (1905–1914 гг.): дис. … канд. ист. наук. Кострома, 2005. 215 с.
2. Васюков В. С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 – февраль 1917 г. М.: Наука, 1984. 308 с.
3. Иванов А. А. Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. СПб.: Владимир Даль, 2020. 621 с.
4. Иванов А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. 520 с.
5. Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М.: РОССПЭН, 2001. 528 с.
6. Линькова Е. В. Становление и эволюция внешнеполитической концепции российских консерваторов XIX в.: дис. … д-ра ист. наук. М., 2019. 500 с.
7. Омельянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев: МАУП, 2006. 744 с.
8. Репников А. В. Консервативные модели российской государственности. М.: РОССПЭН, 2014. 527 с.
9. Степанов С. А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М.: Яуза-пресс, 2013. 672 с.
10. Урибес-Санчес Э. Внешнеполитические взгляды правых // История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М.: Академический Проект; Парадигма, 2018. С. 388–395.

References

1. Beliankina V. Iu. Vneshnepoliticheskie vzgliady russkikh pravykh v nachale XX veka (1905–1914 gg.) [Foreign policy views of the Russian right at the beginning of the XXth century (1905–1914)]: dis. … kand. ist. nauk. Kostroma, 2003. 215 p. (In Russ.).
2. Vasiukov V. S. Vneshniaia politika Rossii nakanune Fevral'skoi revoliutsii. 1916 – fevral' 1917 g. [Russia's foreign policy on the eve of the February Revolution. 1916 – February 1917] Moscow: Nauka, 1984. 308 p. (In Russ.).
3. Ivanov A. A. Plamennyi reaktsioner Vladimir Mitrofanovich Purishkevich [Fiery reactionary Vladimir Mitrofanovich Purishkevich]. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2020. 621 s. (In Russ.).
4. Ivanov A. A. Pravye v russkom parlamente: ot krizisa k krakhu (1914–1917) [Right in the Russian parliament: from crisis to collapse (1914–1917)]. Moscow; St. Petersburg: Alliance-Arheo, 2013. 520 s. (In Russ.).
5. Kotsiubinskii D. A. Russkii natsionalizm v nachale XX stoletiia: Rozhdenie i gibel` ideologii Vserossiiskogo natsional`nogo soiuza [Russian nationalism at the beginning of the XXth century: The birth and death of the ideology of the All-Russian National Union]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 528 p. (In Russ.).
6. Lin'kova E. V. Stanovlenie i evoliutsiia vneshnepoliticheskoi kontseptsii rossiiskikh konservatorov XIX v. [Formation and evolution of the foreign policy concept of Russian conservatives in the XIXth century]: dis. … doktora ist. nauk. Moscow, 2019. 500 s. (In Russ.).

7. Omel'ianchuk I. V. Chernosotennoe dvizhenie v Rossiiskoi imperii (1901–1914) [The Black Hundred Movement in the Russian Empire (1901–1914)]. Kiev: MAUP, 2006. 744 p. (In Russ.).

8. Repnikov A. V. Konservativnye modeli rossiiskoi gosudarstvennosti [Conservative models of Russian statehood]. Moscow: ROSSPEN, 2014. 527 p. (In Russ.).

9. Stepanov S. A. Chernaia sotnia. Chto oni sdelali dlia velichiia Rossii? [Black Hundred. What did they do for the greatness of Russia?]. Moscow: Iauza-press, 2013. 672 s. (In Russ.).

10. Uribes-Sanches E. Vneshnepoliticheskie vzgliady pravykh [Foreign policy views of the right] // Istoriia vneshnei politiki Rossii. Konets XIX – nachalo XX veka (Ot russko-frantsuzskogo soiuza do Oktiabr`skoi revoliutsii). Moscow: Akademicheskii Proekt; Paradigma, 2018. P. 388–395. (In Russ.).

УДК: 94(47).084.6
DO: I 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.04

Чемакин Антон Александрович

кандидат исторических наук
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
a.chemakin@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6078-4044

В. В. ШУЛЬГИН И НАЦИОНАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СОЮЗ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена сотрудничеству известного политического деятеля и публициста Василия Витальевича Шульгина (1878–1976) с одной из самых заметных организаций русской эмиграции — Национально-трудовым союзом нового поколения (НТС). Источниковая база исследования — печатные издания НТС, хранящиеся в научной библиотеке Государственного архива Российской Федерации, Российской государственной библиотеке, Славянской библиотеке в Праге и Гуверовском архиве, а также воспоминания самого Шульгина и других членов Союза.

Первые контакты с будущим НТС у Шульгина установились еще в 1930 г., но наиболее активный период их взаимодействия относится к 1933–1936 гг. Не будучи членом НТС из-за возрастного ценза, Шульгин являлся одним из руководителей Комитета содействия НТС в Белграде, участвовал в пропагандистской и организационной работе Союза, выступал с лекциями и вел занятия для молодежи, писал статьи для союзной газеты «За Россию». Шульгин упоминал о сотрудничестве с НТС в своих позднейших воспоминаниях, но при этом особо не распространялся о содержании своих печатных и публичных выступлений, носивших открыто пораженческий характер.

Парадоксально то, что Шульгин, являвшийся сторонником немецкой «ориентации», из-за конфликта с одним из руководителей Союза М. А. Георгиевским отошел от деятельности организации, пересмотрел свои взгляды и в годы Второй мировой войны никак не был связан с коллаборационистами, в то время как многие другие члены НТС, в 1930-е гг. не имевшие однозначно пронемецких симпатий и впоследствии пытавшиеся играть роль третьей силы, все равно де-факто оказались на стороне Третьего рейха.

Ключевые слова: Национально-трудовой союз нового поколения, НТС, В. В. Шульгин, М. А. Георгиевский, эмиграция, «За Россию», пораженчество, коллаборационизм, нацистская Германия.

Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ для молодых ученых — кандидатов наук МК-98.2022.2 «Эмигрантская публицистика В. В. Шульгина 1921–1939 гг.: Русское зарубежье, Советская Россия, украинский вопрос».

© Чемакин А. А., 2022

UDC: 94(47).084.6
DOI 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.04

Chemakin Anton A.

Candidate of Historical Sciences
Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia
a.chemakin@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6078-4044

V. V. SHULGIN AND THE NATIONAL LABOR UNION OF THE NEW GENERATION

Abstract. The article is devoted to the cooperation of the famous politician and publicist Vasily Vitalievich Shulgin (1878–1976) with one of the most prominent organizations of the Russian emigration — the National Labor Union of the New Generation (NTS). The source base of the study is the printed editions of the NTS stored in the Scientific Library of the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Library, the Slavonic Library in Prague and the Hoover Institution Archives, as well as the memories by Shulgin and other members of the Union.

Shulgin established his first contacts with the future NTS as early as 1930, but the most active period of their interaction dates back to 1933–1936. Not being a member of the NTS due to the age limit, Shulgin was one of the leaders of the NTS Assistance Committee in Belgrade, participated in the propaganda and organizational work of the Union, gave lectures and taught classes for young people, wrote articles for the Union's newspaper *For Russia*. Shulgin mentioned cooperation with the NTS in his later memoirs, but at the same time he did not particularly talk about the content of his printed and public speeches, which were openly "defeatist" in nature.

It is paradoxical that Shulgin, who was a supporter of the German "orientation", due to a conflict with one of the leaders of the Union, M. A. Georgiyevsky, moved away from the organization's activities, revised his views and during the World War II was in no way connected with collaborators, while many other members of the NTS, who did not have unequivocally pro-German sympathies in the 1930s and subsequently tried to play the role of the third force, still de facto ended up on the side of the Third Reich.

Keywords: National Labor Union of the New Generation, NTS, V. V. Shulgin, M. A. Georgiyevsky, emigration, *For Russia*, defeatism, collaborationism, Nazi Germany.

The research was carried out within the framework of the grant of the President of the Russian Federation for young scientists — candidates of sciences MK-98.2022.2 "Emigrant publicity of V. V. Shulgin 1921–1939: Russian abroad, Soviet Russia, the Ukrainian question".

Введение. Известный деятель дореволюционной России, а затем русского зарубежья Василий Витальевич Шульгин прожил почти век. За время своей активной политической работы он состоял во множестве партий и организаций: черносотенных Союзе русского народа и Русском народном союзе имени Михаила Архангела, умеренно-правом

Всероссийском национальном союзе; в годы Гражданской войны возглавлял Внепартийный блок русских избирателей Киевской губернии и Южно-Русский национальный центр, а также входил в руководство Всероссийского национального центра. В 1922 г., во время проживания в Берлине, Шульгин вошел в центральный комитет Русского народно-монархического союза (конституционных монархистов), созданного левым крылом монархического движения[1]. В последующие годы он не проявлял активной деятельности на ниве партийной политики, а после скандала, вызванного делом «Треста», и вовсе на некоторое время отошел от общественной жизни, лишь изредка печатая статьи в прессе на отвлеченные темы.

Последней политической организацией, к которой имел отношение Шульгин, стал Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП), одна из самых активных и известных структур эмиграции, в разное время именовавшаяся Национальным союзом русской молодежи (НСРМ), Национальным союзом нового поколения (НСНП) и Народно-трудовым союзом российских солидаристов и наиболее известная по своей последней аббревиатуре — НТС. О сотрудничестве Шульгина с НТС упоминается в изданиях, посвященных истории Союза или биографии самого Василия Витальевича[2], но отдельных работ по данной теме пока что не выходило. Именно этот пробел мы и постараемся закрыть в нашем исследовании. К сожалению, личный архив Шульгина за 1930-е – начало 1940-х гг. погиб, поэтому круг имеющихся источников крайне ограничен и приходится опираться преимущественно на печатные издания НТС, хранящиеся в научной библиотеке Государственного архива Российской Федерации, Российской государственной библиотеке, Славянской библиотеке в Праге и Гуверовском архиве, а также на воспоминания самого Шульгина и других членов Союза.

Ход и результаты исследования. Первое соприкосновение Шульгина с «нацмальчиками», как впоследствии стали именовать членов Союза, состоялось в 1930 г. Тогда еще только готовился съезд, который должен был объединить молодежные национальные организации русской эмиграции из разных стран. Весной 1930 г. организационное бюро по созыву съезда стало издавать в Париже газету «Национальные Союзы Русской Молодежи за Рубежом», Шульгин же, живший на тот момент на юге Франции, вероятно, поддерживал контакты с парижским Клубом русской национальной молодежи и поэтому

---

[1] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5955. Оп. 1. Д. 11. Л. 106; Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 142. Л. 1 об., 10.

[2] *Арро С.* Точка опоры. «Дети» русской эмиграции. Судьбы и трагедии. Фрагменты истории Народно-Трудового Союза российских солидаристов (НТС) и его издательства «Посев». Франкфурт-на-Майне, 2020. С. 115–124; *Бабков Д. И.* Политическая деятельность и взгляды В. В. Шульгина в 1917–1939 гг.: дис. … канд. ист. наук. Брянск, 2008. С. 88–89; *Репников А. В., Гребенкин И. Н.* Василий Витальевич Шульгин // Вопросы истории. 2010. № 5. С. 33.

согласился дать для их газеты статью «Мы хотим служить Родине. Мы — националисты», посвященную разбору понятий «патриот» и «националист» и объяснению того, почему, по его мнению, второе является предпочтительным[3].

На I съезде Национального союза русской молодежи, состоявшемся в Белграде летом 1930 г., Шульгин не присутствовал, так как в то время он еще только готовился к переезду из Франции в Югославию. П. Н. Милюков впоследствии утверждал, что группа «нового поколения» ведет «свое идейное начало от Шульгина и общевоинского союза»[4], но, на наш взгляд, это значительное преувеличение. В начале 1930-х гг. Василий Витальевич жил в разных городах Югославии, преимущественно хорватских, и лишь после переезда в Белград в 1933 г. его связи с «нацмальчиками» восстанавливаются. НТСовец Б. В. Прянишников вспоминал, что «знаменитый» В. В. Шульгин бывал на заседаниях, проходивших в белградском союзном клубе по средам[5]. 1 ноября 1933 г. именно во время одной из подобных сред Шульгин прочитал лекцию про «Трест»[6], которая, по всей видимости, и стала началом его непосредственного сотрудничества с Союзом. Сам Василий Витальевич вспоминал, что к деятельности новопоколенцев был привлечен в 1933 г. бывшим сотрудником «Нового времени», председателем Союза русских писателей и журналистов в Югославии и одним из спонсоров «нацмальчиков» А. И. Ксюниным[7]. Эти слова вполне подтверждаются и одним из лидеров НТС М. А. Георгиевским[8], и тем фактом, что именно осенью 1933 г. Шульгин был избран членом правления и товарищем председателя Союза русских писателей и журналистов в Югославии[9].

Членом НТС Шульгин быть не мог из-за установленного в организации возрастного ценза (единственное исключение делалось для идеолога Союза профессора М. А. Георгиевского). Я. А. Трушнович, один из руководителей НТС в 1960–1980-е гг., узнал о существовании данного ценза именно от Шульгина и его жены Марии Дмитриевны. В середине 1930-х гг. семья Трушновича, только что вырвавшаяся из СССР, жила в деревне, где у его отца была практика, сам же он должен был учиться в белградской гимназии, и поэтому чета Шульгиных временно приютила его в своей двухкомнатной

---

[3] Общая информация Организационного Бюро по объединению и созыву съезда русской национальной молодежи // Национальные Союзы Русской Молодежи за Рубежом. 1930. 15 апреля. № 2.

[4] Сегодня. 1935. 3 января. № 3.

[5] *Прянишников Б.* Новопоколенцы. Силвер Спринг (Мэриленд), 1986. С. 121.

[6] За Россию. 1933. Декабрь. № 22.

[7] Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключенного / сост., вступ. ст. В. Г. Макарова, А. В. Репникова, В. С. Христофорова; коммент. В. Г. Макарова, А. В. Репникова. М., 2010. С. 182, 191.

[8] Там же. С. 222.

[9] Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2482. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–1об.

полуподвальной квартирке. «По вечерам Василий Витальевич рисовал (помню: затонувший парусник, мачты, торчащие из воды, и странные продолговатые фигуры-тени на реях), — вспоминал Трушнович. — Или клал на колени тяжелый глиняный сербский дуршлаг, а сверху доску, на которую он натянул струны. Дуршлаг хорошо резонировал, звук был чистый, пальцы, уже морщинистые, быстро бегали по струнам. Иногда Мария Дмитриевна пела, а он аккомпанировал. Как-то она спела “В степи молдаванской”. От Вертинского я тогда поеживался, но Мария Дмитриевна при словах “и российскую горькую землю узнаю я на том берегу” чуть не расплакалась и стала мне говорить о том, как они любят Россию и что пытаются для нее сделать. Вот, недавно она читала доклад в клубе НТС, очень хорошей, “стоящей лицом к России организации”». Трушнович сказал, что знает про НТС, и поинтересовался, состоят ли они в нем. М. Д. Шульгина ответила, что «нет, но состоят в Комитете содействия НТС, который не так давно основал проф[ессор] Билимович. А в НТС не подходят по возрасту. В НТС могут вступать люди, родившиеся в 1895 году и позже. То есть те, кому в начале войны 1914 года было не более 19 лет, а во время переворота 1917-го — не более 21 года»[10]. Возможно, Трушнович не совсем точно передал ее ответ, ведь Мария Дмитриевна была младше мужа на двадцать с лишним лет и вполне соответствовала требованиям Союза. Так или иначе, Шульгин состоял именно в Комитете содействия, члены которого должны были обратить свой авторитет, влияние и связи на благо Союза[11].

Учитывая возраст Шульгина, руководители Союза В. М. Байдалаков и М. А. Георгиевский предложили ему вести работу в зависимости от его инициативы[12]. В итоге Шульгин, став «штатным лектором по всем общим политическим вопросам»[13], прочитал публичные лекции о столыпинской реформе, работе Государственной думы, Особом совещании по обороне, деникинском правительстве[14], делился своим опытом в разведывательной и контрразведывательной работе, приобретенным во время руководства «Азбукой» в годы Гражданской войны[15] (так, например, в беседах с Георгиевским рассказывал о том, что видел в Советском Союзе во время нелегальной поездки в 1925–1926 гг., каким путем была осуществлена переброска через границу[16]).

Он вел курсы «умения говорить», на которых готовил будущих пропагандистов Союза, и семинар, «где воспитывал эмигрантскую молодежь в антисоветском духе и подготавливал ее к политической и государственной деятельности, на случай свержения советской власти»[17]. Самому Шульгину

---

10 *Трушнович Я.* К истории Народно-Трудового Союза. Вступление // Посев. 1990. № 1. С. 147.
11 За Россию. 1934. Май. № 27.
12 Тюремная одиссея Василия Шульгина… С. 182.
13 Там же. С. 146.
14 Там же. С. 182, 191, 198, 214
15 Там же. С. 146–147.
16 Там же. С. 192.
17 Там же. С. 197–198, 214, 276–277.

хотелось, чтобы участники его семинара (восемь юношей) «больше думали, чем чувствовали», поэтому, говоря на первом занятии о возможном перевороте, он предлагал обсудить не то, кто его совершил, а то, в какое время года он был сделан: «Время года имеет самое важное значение. Если надвигается весна, то нужно думать о посевах, потому что для посева необходимо зерно. Благодаря перевороту никакого зерна не будет в запасе. Тогда его надо доставать за границей. А с этим неизбежно связаны отношения с державами, которые могут дать зерно. Это означает, что время, когда произойдет переворот, продиктует ту или иную международную политику. Иначе будет голод, а новое правительство станет ненавистным». Другое его задание выглядело так: «Переворот произошел, вы на радиостанции, народ ждет вашего обращения к нему. Говорите!» Но «никто ничего не говорил, им просто нечего было сказать»; «нацмальчики» «хотели перемены, но ощущать себя ответственными за эту перемену они не хотели»[18]. Еще во время сотрудничества с НТС Шульгин выражал определенный скепсис касательно работы Союза, отмечая противоречие между воинственной риторикой и деятельностью, сводившейся в Югославии преимущественно к учебе в рамках так называемого курса национально-политической подготовки. Председатель Союза В. М. Байдалаков вспоминал о своем разговоре с Шульгиным, состоявшемся осенью 1934 г. после собрания белградского отделения: «Спускаясь после собрания по крутой лестнице, [Шульгин] спросил меня (не без нотки ехидства) своим сипловатым голосом: “Кадры Союза собраны на призывах к героике. Вы же им предлагаете вместо нагана и бомбы букварь и указку. Удовлетворятся ли они этой подменой?”»[19].

В той или иной мере в работе НТС принимали участие не только сам В. В. Шульгин и его жена, но и многие родственники и соратники. Так, в люблянском отделении Союза состояли сын Шульгина Дмитрий, его первая и вторая жены Т. А. Билимович и А. И. Гуаданини[20]. Председателем люблянского Комитета содействия был упомянутый выше профессор А. Д. Билимович[21], первой женой которого была умершая к тому времени старшая сестра Шульгина, членом Комитета содействия в Сремских Карловцах являлся один из руководителей шульгинской тайной организации «Азбука» в годы Гражданской войны полковник П. Т. Самохвалов[22]. Ольга Матич, внучатая племянница В. В. Шульгина и дочь Т. А. Билимович от второго брака с Б. А. Павловым, вспоминает: «Мои родители вступили в НТС еще в Любляне (в Югославии)

---

18 *Шульгин В. В.* Тени, которые проходят / сост. Р. Г. Красюков. СПб., 2012. С. 437.

19 *Байдалаков В. М.* Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена…: Воспоминания председателя НТС. 1930–1960 гг. М., 2002. С. 13.

20 За новую Россию. 1936. Январь. № 44 (9); За Россию. 1934. Май. № 27; За Россию. 1934. Август. № 30; За новую Россию. 1936. Март. № 46 (11); *Матич О.* Записки русской американки: Семейные хроники и случайные встречи. М., 2017. С. 180–181.

21 За Россию. 1934. Июнь. № 28.

22 За новую Россию. 1936. Июнь. № 49 (14).

в начале 1930-х годов. Читателям, выросшим в Советском Союзе, это может показаться удивительным, но многие русские монархисты из первой эмиграции считали НТС "левой", прокоммунистической организацией. Я помню, как дети из этих семей дразнили меня, называя моих родителей коммунистами. Такая репутация нашей семьи, кроме всего прочего, была связана и с тем, что дядя моей матери Василий Шульгин, хотя и был монархистом, имел непосредственное отношение к отречению Николая Второго от престола. Русские монархисты так и не простили ему участия в этой акции»[23]. Обвинения НТС в «коммунизме» были, конечно, совершенно беспочвенны, но нельзя отрицать, что риторика Союза, выступавшего за солидаризм и национально-трудовой строй, не вызывала никаких симпатий у ортодоксальных монархистов.

На III съезде Союза, состоявшемся в Белграде 15–19 апреля 1934 г., Шульгин вместе с А. И. Ксюниным и секретарем IV отдела Русского общевоинского союза ротмистром А. Н. Комаровским был кооптирован в состав пленума съезда, состоявшего из членов Совета и представителей отделений в разных странах, и получил право решающего голоса. Кроме того, он был избран членом редакционной комиссии съезда[24] (о совместной работе с ним в данной комиссии вспоминал член болгарского отделения Союза А. А. Чернов[25], хотя последний формально состоял в другой комиссии — инструкционной). Председателем редакционной комиссии в отчете о съезде был обозначен К. И. Коновалов, но в статье, посвященной впечатлениям о прошедшем мероприятии, отмечено, что во главе нее стоял именно Шульгин, «друг Союза и его ценнейший сотрудник»[26]. В вечернем заседании первого дня съезда Шульгин сделал доклад о положении в России, ярко характеризовав «современную хозяйственную разруху в СССР» и «иллюстрируя ее многочисленными данными»[27]. Выступление Шульгина было дополнено рассказом врача А. Р. Трушновича, только что приехавшего из СССР и бывшего «свидетелем всех ужасов прошлого года при коллективизации и усмирении кулаков»[28] (именно его сыном был Я. А. Трушнович, проживавший на квартире Шульгина).

Время от времени Шульгин ездил по местным отделениям Союза. Так, например, в июне 1934 г. он выступил в Загребе с докладом о «Тресте» и в Любляне с докладом об украинском вопросе[29]. В апреле 1936 г. в качестве члена белградского Комитета содействия посетил местные отделения Союза

---

23 *Матич О.* О моем отце // Павлов Б. Первые четырнадцать лет. Посвящается памяти алексеевцев. М., 1997. С. 157.

24 За Россию. 1934. Май. № 27.

25 Полвека служения России. Интервью А. А. Чернова «Посеву» // Посев. 1979. № 10. С. 41.

26 За Россию. 1934. Май. № 27.

27 Там же.

28 Сегодня. 1934. 20 апреля. № 109.

29 За Россию. 1934. Июль. № 29.

в Любляне и Зайчаре (Заечаре)[30]. Как вспоминал профессор Е. В. Спекторский, тесно сотрудничавший с НТС, Шульгин и Георгиевский приезжали в Любляну для того, чтобы «наставлять» местных «нацмальчиков»[31]. В Любляне Шульгин также вел занятия по «умению говорить», причем одной из учениц была будущая жена его сына Антонина Гуаданини (Тося). «В общем, у них была плохая дикция, — вспоминал Василий Витальевич. — Я знал средство и заставлял их говорить шепотом так, чтобы было все слышно»[32].

На протяжении всего 1934 г. Шульгин активно писал статьи для союзной газеты «За Россию». По словам М. А. Георгиевского, Шульгин «стал постоянным членом совещаний, происходивших на квартире Ксюнина с Байдалаковым, Перфильевым и мною» и посвященных обсуждению плана союзной газеты[33]. Согласно воспоминаниям самого Шульгина, газета эта была «очень скучная», он иногда «пописывал в ней, но никогда не ставил под статьями своего имени»[34]. Уже в 1970-е гг. в интервью В. Д. Дувакину Шульгин между делом вспомнил, что в газете «За Россию» было опубликовано его неподписанное «Открытое письмо Сталину» — «такая очень вызывающая» инвектива[35]. Благодаря этому указанию нам удалось выявить не только этот текст, в действительности называвшийся «Ответ тов. Сталину», но и ряд других статей Василия Витальевича, опубликованных на страницах союзной газеты. На наш взгляд, с полной определенностью можно говорить о восьми статьях, опубликованных Шульгиным в газете «За Россию» на протяжении 1934 г. (общее их количество, вероятно, было больше, но далеко не все из них удается идентифицировать). Три статьи вышли в основном эмигрантском издании газеты, а пять — в специальном листе для России, который должен был распространяться среди «подсоветских» людей (члены НТС пытались переправлять свои издания в СССР разными путями: забрасывали их в поезда или упаковывали в пересылаемые на родину товары; отправляли по рекам или по воздуху при помощи метеорологических воздушных шаров, пытались передавать находившимся в Европе советским гражданам, — таким образом, газета действительно попадала в Россию, но в очень ограниченном количестве[36]). Статьи были в основном посвящены критике советских порядков, сталинского режима и социализма как такового. «Наступит день и рухнут стены чудовищного застенка. Они раздавят под собою палачей. Две страшные тени побегут тогда из развалин Марксизма: *Нищета* и *Рабство*. На месте

---

30 За новую Россию. 1936. Июль. № 50.

31 *Спекторский Е. В.* Воспоминания. Рязань, 2020. С. 541.

32 *Шульгин В. В.* Тени, которые проходят... С. 436.

33 Тюремная одиссея Василия Шульгина... С. 222.

34 *Шульгин В. В.* Тени, которые проходят... С. 440.

35 «Я иду с тем, что придет». Рассказ В. В. Шульгина о жизни в эмиграции / публ. Д. Б. Спорова // Диаспора. Новые материалы. Вып. IX. Париж; СПб., 2007. С. 479.

36 *Рар Л. А., Оболенский В. А.* Ранние годы. Очерк истории Национально-Трудового Союза (1924–1948). Вып. 1. М., 2003. С. 84, 91–93.

проклятого Богом и людьми СССР возродится Россия, она принесет измученному народу свои дары: *Достаток* и *Свободу*!» — писал Шульгин в «Ответе тов. Сталину»[37]. В статье «Плебисцит» Шульгин критиковал И. В. Сталина за то, что тот боится поставить перед народными массами вопрос: «Люб ли я вам? Хорошо ли я правлю? Править ли мне и дальше?» В качестве антипода Сталина Шульгину виделся А. Гитлер, который 19 августа 1934 г. провел референдум об объединении государственных постов президента и канцлера: «Гитлер, а не вы, обратился к пролетариату, к трудящимся массам, к крестьянам и рабочим. Обратился с вопросом, поставленным крайне остро. Ведь Гитлер сделал себя и главой правительства, и президентом Республики, то есть и товарищем Сталиным и товарищем Калининым — сразу! И вот в этой двойной роли он поставил вопрос народу: “Люб ли я вам?” И получил ответ, подобный которому история еще не знала. Тридцать восемь мильонов пролетарских, трудящихся, рабоче-крестьянских голосов закричали: — Да, люб, люб, люб!!!»[38] Хотя процесс установления нацистской диктатуры в Германии еще только шел и имелась возможность проголосовать против (так поступили более 10 % участников референдума), шульгинские рассуждения о «демократичности» Гитлера сегодня выглядят крайне наивно. Статьи Шульгина, опубликованные в газете «За Россию», носили грубо пропагандистский характер и вряд ли могут быть отнесены к лучшим образцам его творчества. Так, например, появление «Ответа тов. Сталину» производило удручающее впечатление: «Какая длинная, тягучая и тусклая статья! Автор повторяет в ней все обвинения, которые предъявляются большевикам всей эмигрантской прессой, повторяет еще раз все то, что уже сказано раньше его и значительно сильнее его»[39].

На 1934 г. пришелся пик активности Шульгина в рамках НТС. В дальнейшем он, по всей видимости, практически перестал писать для союзной газеты, но при этом продолжал заниматься пропагандистской и организационной работой. Так, например, в июне 1935 г. на одном из клубных еженедельных собраний им была прочитана лекция «О Столыпине»[40]. В феврале 1936 г. белградский Комитет содействия организовал публичную лекцию Шульгина на тему «Мир или Война?»[41] Содержание ее не сохранилось, но, очевидно, он отстаивал «пораженческую» точку зрения. На другом собрании, проходившем в Белграде в 1934 г. и посвященном международной обстановке, Василий Витальевич вспомнил, как в 1914 г. австрийцы обстреляли свой полк, состоявший из чехов и в полном составе переходивший на русскую сторону. «Что же мы должны были сказать? —“Братья чехи, возвращайтесь под ваши знамена?” — задавался вопросом Шульгин. — Представим случай, что во время возможной японо-советской войны целый полк в буденовских шлемах

---

37 За Россию. 1934. Июнь. № 28.

38 За Россию. 1934. Специальный лист для России.

39 Русский голос. 1934. 1 июля. № 169.

40 За новую Россию. 1936. Июль. № 39 (4).

41 За новую Россию. 1936. Март. № 46 (11).

перейдет на сторону Японии. Кто решится предложить им вернуться под знамена социалистического отечества?» Аналогичная ситуация могла сложиться и на западном фронте. Хотя Шульгин и соглашался с тем, что Гитлер в своей книге открыто говорит о «рабстве русского народа» как о задаче немецкой политики, он считал невозможным осудить те советские полки, которые перейдут на немецкую сторону. Шульгин не призывал «солидаризироваться с теми, кто хочет рабства России», но все же надеялся, что немцы изменят свою политику: «Норманны исторически всегда стремились к порабощению русского народа, но судьба их была иная — они сами ославянивались. В нашей русской церкви покоится прах норманна из норманнов — генерала Врангеля, русского национального героя, защищавшего последнюю пять нашей земли… Что же? Если Адольф Гитлер хочет быть Врангелем — милости просим»[42]. Примерно те же взгляды на внешнюю политику Шульгин защищал в 1934 г. в союзной газете «За Россию»[43], а в 1936 г. на страницах дружественной НТС софийской газеты «Голос России»[44].

31 мая и 1 июня 1936 г. Шульгин присутствовал на IV поместном съезде НТС и I съезде Комитетов содействия, одновременно проходивших в Белграде. «Публичное собрание НТС. На эстраде большое трехцветное полотнище. Белое, синее, красное. На этом поле знак св. Владимира золотой вязью. Золото таинственно поблескивает», — вспоминал Василий Витальевич[45]. Несмотря на то что на съезде основные противоречия между «отцами» и «детьми» были как будто урегулированы, время работы Шульгина с НТС подходило к концу из-за конфликта с М. А. Георгиевским. Когда в конце Второй мировой войны и Шульгин, и Георгиевский будут арестованы в Югославии советскими органами и доставлены на Лубянку, каждый из них выдвинет свою версию произошедшего между ними конфликта. «От меня добивались, чтобы я говорил о нем, от него добивались, чтобы он показал против меня, — вспоминал Шульгин. — Грозили очной ставкой, но так ее и не устроили. Это означало, что следователи не могут выяснить, что же они хотят. Как я понял, главным образом их интересовало, были ли руководители организации в связи с немцами»[46].

Шульгин на допросе пояснил, что отошел от Союза, так как разочаровался в нем и к тому же, перебравшись в 1938 г. в город Сремски Карловцы, вообще перестал заниматься политической деятельностью[47]. Версия эта выглядит не очень убедительно, так как его публицистическая работа продолжалась: в 1938 и 1939 гг. в Белграде вышли шульгинские брошюры «Аншлусс и мы!» и «Украинствующие и мы!» Окончательный переезд в Сремски Карловцы, вероятно, также стоит отнести к более позднему периоду: по мнению

---

42 Русский голос. 1934. 11 марта. № 153.

43 За Россию. 1934. Февраль. № 24.

44 Голос России. 1936. 25 июня. № 2; Голос России. 1936. 8 декабря. № 25.

45 Голос России. 1936. 18 июня. № 1.

46 *Шульгин В. В.* Тени, которые проходят... С. 440.

47 Тюремная одиссея Василия Шульгина... С. 182.

А. Я. Трушновича, он произошел в 1941 г., уже после немецкой оккупации Югославии[48]. На это указывает и то, что в январе 1939 г. в письме к В. А. Маклакову Шульгин сообщал, что находится в Любляне, а в качестве своего постоянного места пребывания указывал белградский адрес своей сестры (Vojvode Milenka, 28, Belgrade)[49].

На одном из последующих допросов Шульгин уточнил, что в 1936 г. у него возникли разногласия с руководителями Союза Байдалаковым и Георгиевским, «которые стали относиться ко мне неприязненно, боясь, как бы я не оттеснил их от руководства "НТСНП"»[50]. В позднейших мемуарах он немного подкорректирует эту версию. По его словам, среди новопоколенцев назревал кризис: «взаимные распри, обвинения, доходившие до смешного, будто кто-то кого-то хотел отравить размельченными алмазами». Георгиевский якобы подозревал А. Д. Билимовича в том, что тот хочет встать во главе новопоколенцев. По мнению Шульгина, «это было неверно, но часть молодежи сочувствовала Билимовичу». Во время одного из походов новопоколенцев в словенские горы, оставив основную массу в коче (нечто вроде туристической базы), Шульгин и небольшая группа вместе с ним прошли на высоту в 1200 м, где состоялось обсуждение сложившейся ситуации. В итоге было установлено, что «если Билимович и желателен в качестве руководителя некоторым новопоколенцам, то он сам этого не добивается». Также было признано, что Георгиевский «склонен к интригам, но заменить его некем, к тому же он действительно предан делу». Поэтому было решено оставить его на посту одного из руководителей и постараться внести мир в организацию. «На этом и порешили, — заключал Шульгин. — Вернулись вниз к основной группе, где и заночевали. На следующий день шли обратно под трехцветным флагом, распевая песни»[51]. Несмотря на то что противостояние между «белградцами» и «люблянцами», очевидно, имело место, переворот в Союзе в пользу Шульгина или Билимовича был в принципе невозможен, так как оба они по своему возрасту не могли состоять в организации, а уж тем более возглавлять ее. Кроме того, после ухода Шульгина все его родственники и соратники, включая и сына Дмитрия, и Билимовича, продолжили работу с НТС.

Георгиевский на допросе выдвинул свою версию: «Шульгин, инспирируемый Ксюниным, всячески стремился повлиять на изменение характера газеты и ослабить, в частности, мое влияние в исполнительном бюро "НТСНП". Одновременно с этим через того же Ксюнина Шульгин завязал связи с руководителем антисоветской организации "Партия крестьянской России" Масловым. Тем самым Шульгин вступил в связь с группой эмигрантских

---

48 *Трушнович Я.* Первый год войны. К истории Народно-Трудового Союза // Посев. 1991. № 2. С. 140.

49 Спор о России: В. А. Маклаков – В. В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. / сост., автор вступ. ст. и примеч. О. В. Будницкий. М., 2012. С. 424.

50 Тюремная одиссея Василия Шульгина... С. 278.

51 *Шульгин В. В.* Тени, которые проходят... С. 439–440.

деятелей, образовавших так называемый “Республиканский блок”. Это были Гучков А. И., Ксюнин, Маслов и другие, мне неизвестные. Эти лица, находясь в различных пунктах Европы, пытались вести общую линию борьбы против советской власти и были намерены использовать “НТСНП” как резервуар молодой силы для достижения своих целей, в частности проектировали использовать “НТСНП” для покушения на Литвинова в Женеве». Согласно Георгиевскому, Шульгин, желая усилить свое влияние в организации, устраивал у себя на квартире встречи с руководящими и влиятельными членами Союза[52]. Вполне вероятно, что интриги со стороны Шульгина имели место, но они также не могли быть причиной разрыва, так как вся эта история о контактах между группой Ксюнина, Гучковым и «Крестьянской Россией» относится к 1930–1934[53], а не 1936–1937 гг. (Шульгин на допросе подтвердил, что в 1934 г. Ксюнин рассказывал ему о планах убийства наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова, но Василий Витальевич категорически заявил, что никакого участия в этом принимать не будет[54]).

Более вероятно, что причиной разрыва послужил вопрос о внешнеполитической «ориентации». Согласно Георгиевскому, Шульгин свержение советской власти «представлял себе не иначе как при помощи иностранцев. Главные свои надежды в этом он возлагал на немцев и постоянно говорил, что надо действовать в направлении обеспечения себе немецкой поддержки». В 1936 г. Шульгин дал Георгиевскому свою рукопись «Пояс Ориона», которую просил «как-нибудь протолкнуть в немецкие круги». В этой рукописи предполагалось «освобождение» России от советской власти при помощи Германии и Японии, за что «союзники», в первую очередь немцы, должны были получить щедрую компенсацию: «Он предполагал передачу совхозов и других земельных угодий для хозяйствований немцам. Точно так же открывались двери и для “союзнического” капитала и предприятий в России». Так как Георгиевский не разделял эту точку зрения, он, хотя и обещал Шульгину выполнить его просьбу, решил рукопись никуда не передавать. Затем, в последние предвоенные годы, его связи с Шульгиным оборвались: «Отношения наши стали натянутыми, и мы перестали встречаться»[55].

Узнав на очередном допросе о показаниях Георгиевского, Шульгин был вынужден признать, что он в 1934 г. действительно написал рукопись «Пояс Ориона», а в 1936 или 1937 г. пытался передать ее немцам. Правда, версия Шульгина была немного иной: «…Перед своей поездкой в Германию в 1936 или 1937 г. Георгиевский сам зашел ко мне на квартиру, сказал, что он едет в Германию, где будет искать путей для связи с влиятельными немцами, и при этом спросил, нет ли у меня руководящих мыслей, которые бы он мог

---

52 Тюремная одиссея Василия Шульгина… С. 223, 276.

53 *Соколов М. В.* Соблазн активизма. Русская республиканско-демократическая эмиграция 20–30-х гг. XX века и ОГПУ СССР. М., 2011. С. 396–399.

54 Тюремная одиссея Василия Шульгина... С. 214, 216–217.

55 Там же. С. 223–224.

использовать при разговорах с немцами, напомнив о “Поясе Ориона”. Я ему дал сокращенный мною экземпляр рукописи для личного пользования, имея в виду, что Георгиевский при разговоре с влиятельными немцами передаст эту рукопись им». По возвращении из Германии Георгиевский сообщил, что «он встречался с какой-то видной немкой, имевший близкую связь с Гитлером, однако передал ли ей рукопись “Пояс Ориона”, Георгиевский не сказал, а я об этом его специально не спрашивал»[56]. Полтора месяца спустя Василий Витальевич частично изменил показания: «…Как мне сообщил впоследствии Георгиевский, он не имел доступа к высшим германским правительственным кругам и мою записку передать не смог»[57]. В своих позднейших мемуарах Шульгин утверждал, что именно Георгиевский, который «наводил тень на ясный день», планировал ехать к Гитлеру и перед поездкой спрашивал совета, о чем стоит говорить с фюрером. Шульгин якобы ответил ему, что «о Брестском мире не может быть и речи, мы его никогда не признаем»[58]. На наш взгляд, в данном случае Василий Витальевич лукавил: все источники свидетельствуют о том, что именно он был сторонником немецкой ориентации. Георгиевский же, напротив, являлся самым решительным противником какого бы то ни было сотрудничества с немцами и в 1941 г. собирался войти в состав делегации НТС, которую планировалось перебросить из Югославии в Англию или США. Проект этот не удался из-за захвата Югославии Германией, и Георгиевский, вынужденный остаться в Белграде, вышел из состава Исполнительного бюро и полностью отошел от работы Союза[59].

Показания Георгиевского были включены в обвинительное заключение[60] по делу Шульгина, приговоренного в итоге к 25 годам заключения, и поэтому впоследствии Василий Витальевич отзывался о своем бывшем соратнике резко негативно. По мнению Шульгина, Георгиевский, дав показания против него, что-то выиграл для себя: «Если мне дали двадцать пять лет, то ему надо было дать сорок, а он получил двадцать. Но он умер раньше срока»[61]. В действительности же показания эти никак не помогли Георгиевскому: он был приговорен к расстрелу, приведенному в исполнение в 1950 г. В своих мемуарах Шульгин также приводил характеристику Георгиевского, данную бывшим руководителем белградских «нацмальчиков» Е. И. Дивничем (к тому времени, правда, работавшим на советскую пропаганду и поэтому вряд ли сохранявшим объективность): «Какое ничтожество!»[62]

Впоследствии, живя в СССР, Шульгин мало вспоминал о своем периоде работы с НТС, видимо, опасаясь того, что может всплыть и его «германофильство»

---

[56] Тюремная одиссея Василия Шульгина... С. 226.
[57] Там же. С. 277.
[58] *Шульгин В. В.* Тени, которые проходят. С. 465.
[59] *Рар Л. А., Оболенский В. А.* Указ. соч. С. 122; *Трушнович Я.* Первый год войны... С. 139–140.
[60] Тюремная одиссея Василия Шульгина... С. 295.
[61] *Шульгин В. В.* Тени, которые проходят... С. 465.
[62] Там же. С. 440, 465.

1930-х гг. Об НТС теперь Шульгин отзывался резко негативно: «В конце концов, это новое поколение так же неспособно было мыслить, как и старое, которых они называли “трупами”. В итоге, когда дело пошло серьезно, то “трупы” взяли винтовки в руки и кое-что делали. Они пошли неправильным путем, так как поступили под команду немцев и образовали так называемые шюцкоры, то есть некие батальоны для охраны складов разного рода». Новое же поколение якобы ничего не сделало, «часть была арестована после прихода советских войск в страны Восточной Европы, часть отошла от дел еще до войны»[63]. В действительности же НТСовцы сыграли заметную роль в истории отечественного коллаборационизма и, в частности, власовского движения. Так, например, сын Шульгина Дмитрий поступил в Русскую освободительную армию (РОА) с целью организации подпольных ячеек НТС на оккупированных территориях и впоследствии «никогда не скрывал, что служил у Власова, а скорее гордился этим»[64]. В начале 1960-х гг., когда на «Ленфильме» снимался фильм «Перед судом истории», изначально планировалось, что в картине примет участие не только Шульгин, но и бывший руководитель чехословацкого отдела «нового поколения» Д. В. Брунст. В первой редакции сценария Брунст должен был рассказывать, среди прочего, и о деятельности НТС в годы Второй мировой войны[65]. Обо всем этом Шульгин, конечно, не мог не знать[66], но он предпочитал на данные темы лишний раз не распространяться.

Заключение. Подводя итоги, можно отметить, что сотрудничество В. В. Шульгина с НТС началось еще в 1930 г., даже до момента формального возникновения организации, а в наиболее активной форме продолжалось с 1933 до рубежа 1936–1937 гг. Не будучи членом НТС из-за возрастного ценза и занимаясь прежде всего преподавательской и пропагандистской работой, Шульгин пытался оказывать влияние на руководство Союза, но в конце концов из-за конфликта с М. А. Георгиевским отошел от новопоколенцев. Если допустить, что причиной расхождения Шульгина с НТС действительно стали разные взгляды на внешнеполитическую ориентацию организации, то можно только удивляться причудам судьбы: Василий Витальевич, бывший в середине 1930-х гг. сторонником союза с Третьим рейхом, во время Второй мировой войны никак не запятнал себя сотрудничеством с немецкими оккупантами[67]; многие же другие члены НТС, до войны не испытывавшие особых иллюзий

---

63 *Шульгин В. В.* Тени, которые проходят... С. 437.

64 *Матич О.* Записки русской американки. С. 247.

65 Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 166. Оп. 1. Д. 80. Л. 62–65.

66 Личный архив А. А. Чемакина. Шульгин В. В. Некоторые мысли по поводу сценария «Дни», написанного В. П. Владимировым. 31 августа 1963 г. Авторизованная машинопись. Л. 1.

67 Подробнее см.: *Чемакин А. А.* «Неонационализм»: гитлеровская Германия и вопрос о немецкой интервенции в работах В. В. Шульгина 1930-х гг. // Вопросы национализма. 2017. № 2 (30). С. 99–114.

по поводу гитлеровской Германии, де-факто оказались, несмотря на все разговоры о третьей силе, на стороне немцев.

Литература

1. Арро С. Точка опоры. «Дети» русской эмиграции. Судьбы и трагедии. Фрагменты истории Народно-Трудового Союза российских солидаристов (НТС) и его издательства «Посев». Франкфурт-на-Майне: Посев, 2020. 698 с.

2. Бабков Д. И. Политическая деятельность и взгляды В. В. Шульгина в 1917–1939 гг.: дис. … канд. ист. наук. Брянск, 2008. 336 с.

3. Рар Л. А., Оболенский В. А. Ранние годы. Очерк истории Национально-Трудового Союза (1924–1948). М.: Посев, 2003. 192 с.

4. Репников А. В., Гребенкин И. Н. Василий Витальевич Шульгин // Вопросы истории. 2010. № 5. С. 25–40.

5. Соколов М. В. Соблазн активизма. Русская республиканско-демократическая эмиграция 20–30-х гг. XX века и ОГПУ СССР. М.: ИЦ «Азбуковник», 2011. 550 с.

6. Чемакин А. А. «Неонационализм»: гитлеровская Германия и вопрос о немецкой интервенции в работах В. В. Шульгина 1930-х гг. // Вопросы национализма. 2017. № 2 (30). С. 99–114.

References

1. Arro S. Tochka opory. “Deti” russkoi emigratsii. Sud`by i tragedii. Fragmenty istorii Narodno-Trudovogo Soiuza rossiiskikh solidaristov (NTS) i ego izdatel’stva “Posev” [Foothold. “Children” of the Russian emigration. Fate and tragedy. Fragments of the history of the National Alliance of Russian Solidarists (NTS) and its publishing house “Posev”]. Frankfurt-na-Maine: Posev, 2020. 698 p. (In Russ.).

2. Babkov D. I. Politicheskaia deiatel`nost` i vzgliady V. V. Shul’gina v 1917–1939 gg. [Political activity and views of V. V. Shulgin in 1917–1939]: dis. … kand. ist. nauk. Briansk, 2008. 336 p. (In Russ.).

3. Rar L. A., Obolenskii V. A. Rannie gody. Ocherk istorii Natsional`no-Trudovogo Soiuza (1924–1948) [Early years. Essay on the history of the National Alliance of Russian Solidarists (1924–1948)]. Moscow: NP “Posev”, 2003. 192 c. (In Russ.).

4. Repnikov A. V., Grebenkin I. N. Vasilii Vital’evich Shul’gin // Voprosy istorii. 2010. № 5. S. 25–40. (In Russ.)

5. Sokolov M. V. Soblazn aktivizma. Russkaia respublikansko-demokraticheskaia emigratsiia 20–30-kh gg. XX veka i OGPU SSSR [Temptation of activism. Russian republican-democratic emigration of the 20–30s of the XX century and the OGPU of the USSR]. Moscow: Azbukovnik, 2011. 550 p. (In Russ.).

6. Chemakin A. A. “Neonatsionalizm”: gitlerovskaia Germaniia i vopros o nemetskoi interventsii v rabotakh V. V. Shul’gina 1930-kh gg. [“Neo-Nationalism”: Nazi Germany and the question of German intervention in the works by V. V. Shulgin in the 1930s] // Voprosy natsionalizma. 2017. № 2 (30). P. 99–114. (In Russ.).

УДК 94(47+57)
DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.05

Мокшин Геннадий Николаевич

доктор исторических наук, доцент
Воронежский государственный университет
Россия, Воронеж
mok410@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3890-2723

И. И. КАБЛИЦ-ЮЗОВ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. Статья посвящена новейшей литературе об одном из видных теоретиков и практиков русского народничества И. И. Каблице-Юзове. Анализируются основные этапы становления и развития современного «каблицеведения», его главные достижения и некоторые спорные вопросы. Иосиф Каблиц прошел сложный путь от юношеского максимализма семидесятников к зрелому прагматизму народников 1880-х гг., отражающий общую тенденцию идейной эволюции народничества в последней трети XIX в. Неслучайно интеллектуальная биография Каблица, его книги о расколе, основах русского народничества и проблеме взаимоотношений интеллигенции с народом по-прежнему привлекают внимание исследователей. За тридцать лет в изучении взглядов и деятельности Каблица, в том числе как идеолога правого народничества, был сделан существенный шаг вперед. К главным достижениям новейшей отечественной историографии автор относит, во-первых, появление более подробной политической биографии Каблица, доступной широкому читателю через энциклопедии; во-вторых, более основательное изучение особенностей его народнических взглядов и отстаиваемой им (по сути культурнической) программы общественных преобразований и, наконец, включение «аутсайдера» Каблица в общую типологию русского народничества как представителя его крайне правого фланга, что, по мнению автора, является свидетельством зрелости современного отечественного народниковедения.

Ключевые слова: Каблиц-Юзов, интеллектуальная биография, народниковедение, историографические концепции, революционное движение, правое народничество, интеллигенция и народ.

© Мокшин Г. Н., 2022

UDC 94(47+57)
DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.05

Gennady N. Mokshin

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Voronezh State University
Russia, Voronezh
mok410@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3890-2723

I. I. KABLITZ-YUZOV IN MODERN NATIONAL HISTORIOGRAPHY

***Annotation*.** This article is devoted to the latest literature on one of the prominent theorists and practitioners of Russian populism I. I. Kablitze-Yuzov. It analyzes the main stages of formation and development of modern "Kablitze-Yuzov", his main achievements and some controversial issues. Joseph Kablitz has passed a difficult path from the youthful maximalism of the seventies to the mature pragmatism of the populists in the 1880s, which reflects the general trend in the ideological evolution of Narodnikism in the last third of the XIXth century. It is not by chance that the intellectual biography of Kablitz, his books on schism, the basis of Russian populism and the relationship between the intelligentsia and the people still attract the attention of researchers. Over the past 30 years, the study of Kablitz's views and activities, including as an ideologist of right-wing populism, has made significant progress. The author refers to the main achievements of the modern Russian historiography as: first, the appearance of a more detailed political biography of Kablitz, accessible through encyclopedias to the general reader; second, a more thorough study of the features of his populism and the (essentially cultural) program of social transformation advocated by him; and, finally, the inclusion of "outsider" Kablitz in the general typology of Russian populism, as a representative of its extreme right wing, which, according to the author, is evidence of maturity of modern Russian narodnikovedeniya.

***Keywords*:** Kablitz-Yuzov, intellectual biography, narodnikovedeniye, istoriographic concepts, revolutionary movement, right-wing populism, intellectuals and the people.

Введение. Иосиф Иванович Каблиц-Юзов (1848–1893) — личность хорошо известная тем, кто занимается историей русского народничества. Бакунист, вспышкопускатель, автор первого динамитного плана покушения на царя. Но участие в движении революционного народничества — это только первый этап его политической биографии. На рубеже 1870–1880-х гг. Каблиц неожиданно для своих товарищей переходит на позиции крайне правого народничества и становится первым его идеологом.

Жизнь Каблиц-Юзов прожил небольшую, всего 44 года. Но след после себя оставил яркий. Как и П. Н. Ткачев. Вместе они олицетворяют две крайности классического русского народничества. «Ткачевизм» — это полнейшая идеализация интеллигенции, «юзовщина» — народа.

Данная статья посвящена изучению биографии и идейного наследия Каблица в новейшей отечественной историографии.

Ход и результаты исследования. До начала 1990-х о Каблице писали мало. Во-первых, народничество Каблица изначально имело подмоченную репутацию из-за его откровенной интеллигентофобии. Во-вторых, идейное наследие Каблица сравнительно небольшое: три книги и примерно две сотни статей и рецензий (в основном в газете «Неделя» первой половины 1880-х гг.). В-третьих, долгое время Каблиц считался народником второго ряда, так как не входил в состав крупных народнических организаций 1870-х гг. (Кстати, в стороне от них он держался в силу своей амбициозности, не имея возможности занять там лидирующие позиции.)

В 2023 г. исполняется 175 лет со дня рождения этого видного народника. В преддверии этой даты нами был подготовлен 200-страничный биобиблиографический указатель, посвященный его жизни и деятельности[1]. Как оказалось, за последние тридцать лет объем литературы о Каблице увеличился почти в два раза (учтено 424 публикации). В основном это, конечно, упоминания о каких-то отдельных событиях и фактах, связанных с Каблицем. Но есть и целые главы в диссертациях и монографиях, а также два десятка специальных статей, правда, в основном справочного характера.

Чем интересен Каблиц-Юзов для российских исследователей? Очевидно, не своим революционным прошлым, а теми идеями, которые он развивал, находясь на позициях легально-реформаторского народничества. Дело в том, что интеллектуальная биография Каблица, прошедшего путь от юношеского максимализма семидесятников к зрелому прагматизму народников 1880-х гг. есть отражение общей тенденции в идейной эволюции народничества в последней трети XIX в.

Выделим основные этапы становления и развития современного «каблицеведения», его главные достижения и нерешенные вопросы.

Российская историография Каблица как идеолога правого народничества может быть разделена на три этапа, связанных с возникновением новых концепций истории этого направления русской общественной мысли[2].

Первый этап: 1992–1996 гг. — постмарксистский, так как тогда еще преобладала ленинская интерпретация позднего народничества. В 1995 г. Б. П. Балуев, пытаясь приспособить ее к новым историческим реалиям, обосновывает концепцию поступательного развития либерального народничества от «неделизма» (теории «малых дел») к политической программе партии энесов. По Балуеву, Каблиц — это первый сложившийся идеолог правого народничества. Однако его доктрина крестьянского демократизма была ограничена резким неприятием политической программы «Народной воли» (на почве чрезмерной идеализации народа) и потому не получила широкого распространения[3].

---

[1] Каблиц Иосиф Иванович: биобиблиографический указатель [1878–2021 гг.] / сост. Г. Н. Мокшин. Воронеж, 2021.

[2] *Мокшин Г. Н.* Основные концепции истории легального народничества в современной отечественной историографии // История и историография правого народничества. Воронеж, 2014. С. 9–26.

[3] *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995. С. 42, 47, 48, 258.

Второй этап: 1997–2009 — это время утверждения нового подхода к народничеству (в том числе и наследию Каблица) как идеологии самобытной модернизации страны. В 1997 г. В. В. Зверев озвучивает концепцию эволюции реформаторского народничества, основанную на идее его поляризации (раскола на сторонников и противников социалистических преобразований). Именно Зверев восстановил репутацию Каблица как одного из ведущих теоретиков позднего народничества. В то же время вслед за Балуевым Зверев отводил «малоделу» Каблицу роль «аутсайдера» русского освободительного движения, поскольку он был главным противником тогдашнего идейного вождя радикальной молодежи — Н. К. Михайловского[4].

Третий этап (с 2010 г.) связан с развитием социокультурного подхода к истории народничества как идеологии пореформенной интеллигенции, опирающейся в своем развитии на две базовые модели общественных преобразований — социальную и политическую. Как показала история народничества, обе они были равно необходимы. С точки зрения социокультурной концепции эволюции легального народничества, патриархальное культурничество Каблица как бы уравновешивало интеллигентский политицизм Михайловского, придавая развитию данного направления более устойчивый и органичный характер[5].

Рассмотрим основные достижения российских исследователей в изучении наследия Каблица как мыслителя и общественного деятеля.

Начнем с политической биографии народника. Лучшим ее знатоком по праву считается В. И. Харламов — автор кандидатской диссертации о Каблице, защищенной еще в 1980 г.[6] В начале 1990-х гг. он подготовил первую подробную статью для биографического словаря «Русские писатели»[7]. Участие Каблица в народническом движении 1870-х гг. освещается также в работах Б. П. Балуева[8], В. Л. Телицына[9] и Г. Н. Мокшина[10]. Более подробно изучена его деятельность в студенческих кружках конца 1860-х – начала 1870-х гг., хождение в народ, пребывание за границей и т. д. Выявлены расхождения в мемуарной литературе по поводу «динамитного плана» Каблица и причин его разрыва со старыми товарищами в начале 1880-х гг. Самым большим белым пятном

---

4 *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России, от сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997. С. 178–196.

5 *Мокшин Г. Н.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010. С. 281.

6 *Харламов В. И.* Из истории либерального народничества в России в конце 70-х – начале 90-х годов XIX в. Общественно-политические воззрения Каблица-Юзова: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1980.

7 Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь. Т. 2. М., 1992.

8 *Балуев Б. П.* Указ. соч. С. 42–47.

9 *Телицын В. Л.* Каблиц Иосиф Иванович // Большая российская энциклопедия. Т. 22. М., 2013.

10 *Мокшин Г. Н.* «Человек борьбы»: И. И. Каблиц в народническом движении 1870-х годов // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 1 (74). С. 24–32.

остается служба Каблица в Государственном контроле на рубеже 1880–1890-х гг. и его отношения с неославянофилами во главе с В. В. Розановым.

Изучение литературно-общественной деятельности Каблица в 80-е гг. XIX в., как и в советской историографии, в основном ограничивается анализом его трудов в контексте обсуждения той или иной общественно значимой темы. О взаимоотношениях ведущего публициста «Недели» с редакцией газеты и ее сотрудниками, не говоря уже о других изданиях, практически ничего не известно[11]. Хотя, возможно, все дело в замкнутом образе жизни Каблица. С 1876 по 1883 г. он находился на нелегальном положении и редакционными делами не занимался. Тесные отношения поддерживал только с издателем «Русского богатства» Л. Е. Оболенским. Они были соседями по даче.

Наибольшее количество исследований о Каблице, по понятным причинам, посвящено его интеллектуальной биографии. Как известно, у этого народника было три конька: история раскола, обоснование народничества и проблема взаимоотношений интеллигенции с народом. Каждой из этих тем Каблиц посвятил по книге (точнее по сборнику статей).

С жизнью раскольников Каблиц познакомился еще во время своего хождения в народ, и, собственно, с этой темой связаны его первые публикации в конце 1870-х гг. Ей же посвящена первая книга Каблица «Русские диссиденты» (СПб., 1880). Современные исследователи относят данный труд к народнической историографии темы, поскольку раскол преподносится в ней как форма протеста русского народа против «татарско-немецких нововведений»[12]. Отмечается влияние на Каблица идей А. П. Щапова о социально-экономической природе данного движения[13]. Вклад самого народника в изучение раскола оценивается довольно скромно, с акцентом на его излишнюю идеализацию. В то же время, по мнению Б. Б. Сажина, доводы Каблица в пользу развития в среде старообрядцев «революционных чувств» вполне могли подтолкнуть народников к продолжению деятельности в народе, если бы не раскол «Земли и воли» в 1879 г.[14]

Доктрина крайне правого народничества Каблица-Юзова, автора книги «Социологические очерки. Основы народничества» (СПб., 1882), — тема

---

[11] *Лапшина Г. С.* Газета «Неделя» Гайдебуровых // Русская литература и журналистика в движении времени. 2017. № 2. С. 61–90.

[12] *Леонтьева О. Б.* «Не религия, а нечто другое»: образы старообрядцев в исторической науке и культуре пореформенной России // Национальные образы прошлого: этническая доминанта в историографии и философии истории: Третьи Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории, 20–21 апреля 2007 г. / отв. ред. А. В. Малинов. СПб., 2008. С. 133–135.

[13] *Корнилова А. С.* Вопрос о государственной политике по отношению к старообрядцам в первой половине XIX в. в отечественной историографии // Великий волжский путь: человек, пространство, документ. 2008. С. 42.

[14] *Сажин Б. Б.* Тема старообрядчества в ранней публицистике И. И. Каблица: взгляд революционера-анархиста // Старообрядчество: история, культура, современность. 2018. Вып. 16. С. 167.

не новая, но по-прежнему привлекающая внимание историков. Основные подвижки в ее осмыслении связаны с интерпретацией «юзовщины» как идеологии консервативного народничества, основанного на гармоничном сочетании национальных и социальных идей. (Сам термин появился в 2004 г. в статье В. Д. Жукоцкого и Ф. П. Фурмана[15].) В настоящее время все большее число исследователей считает, что народничество Юзова отражало не только «мнения» простого народа (консерватора и монархиста), но и его первоочередные потребности, которые заключались в решении земельного вопроса, развитии местного самоуправления, обеспечении свободы вероисповедания (для раскольников и сектантов). Именно эту программу отстаивал Каблиц в 1880-е гг.[16] Только при этом следует учесть, что откровенный популизм умеренно правого народничества был обусловлен его тактикой общественных преобразований страны, направленных, в свою очередь, на построение социалистического общества. Впрочем, мнение о том, что все народники были социалистами, тоже уже не является общепризнанным.

В 1886 г. Каблиц опубликовал еще одну книгу — «Интеллигенция и народ в общественной жизни России», буквально пропитанную откровенной интеллигентофобией. Над причинами недоверия Каблица к представителям радикальной, а заодно и либеральной интеллигенции («злобному направлению» интеллигентов-бюрократов) исследователи до сих пор ломают голову. Самое простое из предложенных объяснений — неготовность народа к радикальным политическим преобразованиям[17]. Более глубокое понимание позиции Каблица, на наш взгляд, демонстрируют те исследователи, которые вслед за В. И. Харламовым апеллируют к анархической природе взглядов народника как бывшего бакуниста[18]. Только у Каблица, привыкшего во всем доходить до крайних пределов, традиционное недоверие анархистов к руководящей роли интеллигенции вылилось в целое учение о ее стремлении к установлению политического господства над народом[19].

Еще одна важная тема, получившая развитие именно в российской историографии, — это национализм Каблица, которого Борис Савинков однажды назвал первым русским фашистом. Конечно, современные исследователи

---

[15] *Жукоцкий В. Д., Фурман Ф. П.* Народничество русской интеллигенции и культуры // Философия и общество. 2004. № 3 (36). С. 160.

[16] *Жвания Д. Д.* И. И. Каблиц о крестьянской общине и самобытной модернизации России // История и историография правого народничества. Воронеж, 2014. С. 180, 184; *Касторнов С. Н.* Народники-реформисты о проблемах развития местного самоуправления // Там же. С. 86, 88.

[17] *Виноградов П. Г.* Россия на распутье: историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 437.

[18] *Харламов В. И.* Идеология правого народничества в публицистике Каблица-Юзова (1880-е гг.) // Вестник Московского университета. 1982. № 1. С. 33–34.

[19] *Колоницкий Б. И.* «Интеллигентофобия» в конце XIX – начале XX в.: к постановке вопроса // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века. 1999. С. 268; *Павлова Н. Г.* Роль «народнического наследия» в марксистской концепции интеллигенции // История и историография правого народничества. Воронеж, 2014. С. 135–136.

не так категоричны. Например, М. В. Кирчанов пишет о народничестве как о «национализме без национализма», имея в виду народническую концепцию самобытного развития России[20]. Хотя отдельные высказывания Каблица по еврейскому и польскому вопросам все-таки дают некоторым обществоведам повод назвать «Основы народничества» «катехизисом левого национализма»[21], а его общую позицию в отношении нацменьшинств ревизией народнического варианта решения национального вопроса[22]. Интересно, что роль защитника русского народа взял на себя человек, в котором не было ни единой капли русской крови, т. е. «немец».

С именем Каблица связан еще целый ряд вопросов оценочного характера, важных для современного понимания его места и роли в народническом движении последней трети XIX в.

Первый вопрос: следует ли считать Каблица настоящим революционером, учитывая резкое «поправение» его взглядов на рубеже 1870–1880-х гг.? Например, Н. А. Троицкий — один из самых авторитетных историков революционного народничества — сильно сомневался, был ли он искренен со своими товарищами[23]. Однако никто из них, вспоминая о Каблице, не называет его ренегатом, а некоторые даже относят его к числу наиболее крупных, выдающихся бунтарей. Кроме того, есть исследования, доказывающие, что так называемая юзовщина выросла из бакунизма, сохранив многие его родовые черты, например недоверие к интеллигенции и всяческое преувеличение роли народа в будущем общественном переустройстве[24].

Второй важный вопрос — это вклад Каблица-Юзова в развитие идеологии русского народничества в 1880-е гг. Здесь позиции исследователей совпадают только в признании его приоритета в постановке вопроса «Что такое народничество?» (в 1880 г. на страницах газеты «Неделя»). А вот было ли «истинное» народничество Юзова шагом вперед в развитии народнической мысли — это, как говорится, бабушка надвое сказала. Лишь немногие народниковеды готовы признать его (а не Я. В. Абрамова) отцом теории малых дел и первым крупным теоретиком культурного народничества, обосновавшим необходимость развития культурной самобытности народа[25]. Считается, что для «обскуранта» Каблица, враждебно относившегося к мысли об особой просветительской миссии интеллигенции, культурнические идеи не так характерны, как для того же Абрамова[26].

---

[20] *Кирчанов М. В.* Русское народничество и национализм: национальное движение в донациональную эпоху // Воронеж народниковедческий: сб. статей. Воронеж, 2012. С. 11.

[21] *Лебедев С. В.* Слово и дело национальной России. М., 2007. С. 105.

[22] *Мокшин Г. Н.* Основы культурного народничества И. И. Каблица (Юзова) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 3. С. 22.

[23] *Троицкий Н. А.* Крестоносцы социализма. Саратов, 2002. С. 129.

[24] *Мокшин Г. Н.* О влиянии бакунизма на становление идеологии крайне правого народничества (юзовщины) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. № 3 (36). С. 9.

[25] *Гаврилова Е. И.* Вопрос об авторстве теории «малых дел» в современном отечественном народниковедении // Современные аспекты гуманитарного знания. Воронеж, 2017. С. 19–24.

[26] Историография истории России до 1917 года: учебник для студентов вузов: в 2 т. / А. Г. Кузьмин, М. Ю. Лачаева, Н. М. Рогожин [и др.]. М., 2003. С. 337.

Еще один камень преткновения — отношение Каблица к идейному наследству 1870-х гг. К началу 1880-х гг. Каблиц (и не он один) отказался от попыток насильственного введения социализма, в том виде как понимала его тогдашняя радикальная народническая интеллигенция. По признанию современных исследователей, это был очень важный шаг на пути превращения радикальной интеллигенции в созидательную общественную силу[27]. В то же время аполитизм Каблица по-прежнему позволяет подозревать его в примирении с действительностью, а следовательно, и в отказе от идеи построения социально однородного общества[28]. С другой стороны, Каблиц никогда не отрекался от своих идеалов, по крайней мере публично. Более того, в отличие от Михайловского он по-прежнему придерживался главного принципа народников семидесятых годов: «все для народа и через народ». Все это дает нам право оценивать культурничество Юзова как деятельность по созданию социокультурных предпосылок для прорыва русского народа в царство «всеобщего благоденствия»[29].

Заключение. Народничество — это сложное и противоречивое явление пореформенной русской жизни. И перипетии биографии И. И. Каблица, прошедшего сложную эволюцию от народника-революционера до народника-консерватора (сторонника консервативного социализма) — наглядное тому подтверждение.

За тридцать лет в изучении идейного наследия Каблица сделан значительный шаг вперед. Прежде всего, на него перестали смотреть сквозь призму ленинских цитат. А отказ от тенденциозных оценок взглядов и деятельности народника-культурника позволил вписать его идейную эволюцию в общее русло развития народнической мысли. На наш взгляд, это есть отражение зрелости современного отечественного народниковедения.

Литература

1. Балуев Б. П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М.: Наука, 1995. 265 с.

2. Виноградов П. Г. Россия на распутье: историко-публицистические статьи. М.: Территория будущего, 2008. 573 с.

3. Гаврилова Е. И. Вопрос об авторстве теории «малых дел» в современном отечественном народниковедении // Современные аспекты гуманитарного знания: материалы II Международной научно-практической конференции (г. Воронеж, март 2017 г.) / под ред. О. В. Григоренко; Научно-информационный центр «Интернум». Воронеж: Научная книга, 2017. С. 19–24.

4. Жвания Д. Д. И. И. Каблиц о крестьянской общине и самобытной модернизации России // История и историография правого народничества: сб. статей. Воронеж: Истоки, 2014. С. 175–185.

---

[27] *Колеров М.* Дитя несвободы. Рождение и смерть интеллигенции // Знание — сила. 1992. № 2. С. 109.

[28] *Зверев В. В.* Указ. соч. С. 195.

[29] *Мокшин Г. Н.* Основы культурного народничества И. И. Каблица (Юзова). С. 643, 651.

5. Жукоцкий В. Д., Фурман Ф. П. Народничество русской интеллигенции и культуры // Философия и общество. 2004. № 3 (36). С. 156–175.

6. Журавлев В. В. Патриотизм и национализм как факторы российской истории // Вестник российского гуманитарного научного фонда. 2013. № 3 (72). С. 16–40.

7. Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России, от сороковых к девяностым годам XIX в. М.: Уникум-Центр, 1997. 365 с.

8. Историография истории России до 1917 года: учеб. для студентов вузов: в 2 т. / А. Г. Кузьмин, М. Ю. Лачаева, Н. М. Рогожин [и др.]. М.: ВЛАДОС, 2003. 382 с.

9. Касторнов С. Н. Народники-реформисты о проблемах развития местного самоуправления // История и историография правого народничества: сб. статей. Воронеж: Истоки, 2014. С. 85–101.

10. Кирчанов М. В. Русское народничество и национализм: национальное движение в донациональную эпоху // Воронеж народниковедческий: сб. статей. Воронеж: Истоки, 2012. С. 9–26.

11. Колеров М. Дитя несвободы. Рождение и смерть интеллигенции // Знание — сила. 1992. № 2. С. 103–111.

12. Колоницкий Б. И. «Интеллигентофобия» в конце XIX – начале XX в.: к постановке вопроса // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб.: Алетейя, 1999. С. 266–275.

13. Корнилова А. С. Вопрос о государственной политике по отношению к старообрядцам в первой половине XIX в. в отечественной историографии // Великий волжский путь: человек, пространство, документ: материалы заочной межрегиональной университетской научно-практической конференции (Ярославль, 20 января 2008 г.) / под науч. ред. А. В. Бородкина. Ярославль: Филиал РГГУ в г. Ярославле, 2008. С. 41–45.

14. Кудряшев В. Н. Национальная составляющая проектов развития России в трудах либеральных народников (1870–1890-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 3 (19). С. 69–80.

15. Лапшина Г. С. Газета «Неделя» Гайдебуровых // Русская литература и журналистика в движении времени. 2017. № 2. С. 61–90.

16. Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. М.: Ин-т русской цивилизации, 2007. 572 с.

17. Леонтьева О. Б. «Не религия, а нечто другое»: образы старообрядцев в исторической науке и культуре пореформенной России // Национальные образы прошлого: этническая доминанта в историографии и философии истории: Третьи Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории, 20–21 апреля 2007 г. / отв. ред. А. В. Малинов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 130–139.

18. Мокшин Г. Н. О влиянии бакунизма на становление идеологии крайне правого народничества (юзовщины) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. № 3 (36). С. 9.

19. Мокшин Г. Н. Основные концепции истории легального народничества в современной отечественной историографии // История и историография правого народничества. сб. статей. Воронеж: Истоки, 2014. С. 9–26.

20. Мокшин Г. Н. Основы культурного народничества И. И. Каблица (Юзова) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 3. С. 641–653.

21. Мокшин Г. Н. «Человек борьбы»: И. И. Каблиц в народническом движении 1870-х годов // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 1 (74). С. 24–32.

22. Мокшин Г. Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX в. Воронеж: Научная книга, 2010. 298 с.

23. Павлова Н. Г. Роль «народнического наследия» в марксистской концепции интеллигенции // История и историография правого народничества: сб. статей. Воронеж: Истоки, 2014. С. 120–140.

24. Сажин Б. Б. Тема старообрядчества в ранней публицистике И. И. Каблица: взгляд революционера-анархиста // Старообрядчество: история, культура, современность. 2018. Вып. 16. С. 163–168.

25. Телицын В. Л. Каблиц Иосиф Иванович // Большая российская энциклопедия. Т. 22. М.: БРЭ, 2013. С. 187–190.

26. Троицкий Н. А. Крестоносцы социализма. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2002. 370 с.

27. Харламов В. И. Идеология правого народничества в публицистике Каблица-Юзова (1880-е гг.) // Вестник Московского университета. 1982. № 1. С. 33–48.

28. Харламов В. И. Из истории либерального народничества в России в конце 70-х – начале 90-х годов XIX в. Общественно-политические воззрения Каблица-Юзова: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1980. 18 с.

References

1. Baluev B. P. Liberal`noe narodnichestvo na rubezhe XIX–XX vekov [Liberal populism at the turn of the XIX–XX centuries]. Moscow: Nauka, 1995. 265 p. (In Russ.).

2. Vinogradov P. G. Rossiia na rasput`e: istoriko-publitsisticheskie stat`i. [Russia at the crossroads: historical and journalistic articles]. Moscow: Territoriia budushchego, 2008. 573 s. (In Russ.).

3. Gavrilova E. I. Vopros ob avtorstve teorii «malykh del» v sovremennom otechestvennom narodnikovedenii [The question of the authorship of the theory of “small affairs” in modern Russian folk studies] // Sovremennye aspekty gumanitarnogo znaniia: materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Voronezh, mart 2017 g.) / pod red. O. V. Grigorenko; Nauchno-informatsionnyi tsentr «Internum». Voronezh: Nauchnaia kniga, 2017. P. 19–24. (In Russ.).

4. Zhvaniia D. D. I. I. Kablits o krest`ianskoi obshchine i samobytnoi modernizatsii Rossii [I. I. Kablits about the peasant community and the original modernization of Russia] // Istoriia i istoriografiia pravogo narodnichestva: sbornik statei. Voronezh: Istoki, 2014. P. 175–185. (In Russ.).

5. Zhukotskii V. D., Furman F. P. Narodnichestvo russkoi intelligentsii i kul`tury [Populism of the Russian intelligentsia and culture] // Filosofiia i obshchestvo. 2004. № 3 (36). P. 156–175. (In Russ.).

6. Zhuravlev V. V. Patriotizm i natsionalizm kak faktory rossiiskoi istorii [Patriotism and Nationalism as factors of Russian History] // Vestnik rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda. 2013. № 3 (72). P. 16–40. (In Russ.).

7. Zverev V. V. Reformatorskoe narodnichestvo i problema modernizatsii Rossii, ot sorokovykh k devianostym godam XIX v. [Reform Populism and the problem of modernization of Russia, from the forties to the nineties of the XIX century.]. Moscow: Unikum-Tsentr, 1997. 365 p. (In Russ.).

8. Istoriografiia istorii Rossii do 1917 goda: uchebnik dlia studentov vuzov: v 2 t. [Historiography of the history of Russia before 1917: Textbook for university students: in 2 vols.] / A. G. Kuz'min, M. Iu. Lachaeva, N. M. Rogozhin [i dr.]. Moscow: VLADOS, 2003. 382 p. (In Russ.).

9. Kastornov S. N. Narodniki-reformisty o problemakh razvitiia mestnogo samoupravleniia [Populists-reformists on the problems of local self-government development] // Istoriia i istoriografiia pravogo narodnichestva: sbornik statei. Voronezh: Istoki, 2014. P. 85–101. (In Russ.).

10. Kirchanov M. V. Russkoe narodnichestvo i natsionalizm: natsional`noe dvizhenie v donatsional`nuiu epokhu [Russian Populism and Nationalism: the National Movement in the Pre-National Era] // Voronezh narodnikovedcheskii: sbornik statei. Voronezh: Istoki, 2012. P. 9–26. (In Russ.).

11. Kolerov M. Ditia nesvobody. Rozhdenie i smert` intelligentsia [The child of unfreedom. The birth and death of the intelligentsia] // Znanie — sila. 1992. № 2. P. 103–111. (In Russ.).

12. Kolonitskii B. I. «Intelligentofobiia» v kontse XIX – nachale XX v.: k postanovke voprosa ["Intelligentophobia" at the end of the XIX – early XX century: to raise the question] // Problemy sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rossii XIX–XX vekov. St. Petersburg: Aleteiia, 1999. P. 266–275. (In Russ.).

13. Kornilova A. S. Vopros o gosudarstvennoi politike po otnosheniiu k staroobriadtsam v pervoi polovine XIX v. v otechestvennoi istoriografii [The question of state policy towards the Old Believers in the first half of the XIX century in Russian historiography] // Velikii volzhskii put`: chelovek, prostranstvo, document: materialy zaochnoi mezhregional`noi universitetskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Iaroslavl', 20 ianvaria 2008 g.) / pod nauch. red. A. V. Borodkina. Iaroslavl`: Filial RGGU v g. Iaroslavle, 2008. P. 41–45. (In Russ.).

14. Kudriashev V. N. Natsional`naia sostavliaiushchaia proektov razvitiia Rossii v trudakh liberal`nykh narodnikov (1870–1890-e gg.) [The national component of Russia's development projects in the Works of Liberal Populists (1870–1890s)] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia. 2012. № 3 (19). P. 69–80. (In Russ.).

15. Lapshina G. S. Gazeta «Nedelia» Gaideburovykh [Newspaper "Week" of the Gaydeburovs] // Russkaia literatura i zhurnalistika v dvizhenii vremeni. 2017. № 2. P. 61–90. (In Russ.).

16. Lebedev S. V. Slovo i delo natsional'noi Rossii [The word and deed of national Russia]. Moscow: In-t russkoi tsivilizatsii, 2007. 572 p. (In Russ.).

17. Leont'eva O. B. «Ne religiia, a nechto drugoe»: obrazy staroobriadtsev v istoricheskoi nauke i kul`ture poreformennoi Rossii ["Not religion, but something else": images of Old Believers in historical Science and culture of post-Reform Russia] // Natsional`nye obrazy proshlogo: etnicheskaia dominanta v istoriografii i filosofii istorii: Tret'i Sankt-Peterburgskie chteniia po teorii, metodologii i filosofii istorii, 20–21 aprelia 2007 g. / otv. red. A. V. Malinov. St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta (SPbGU), 2008. P. 130–139. (In Russ.).

18. Mokshin G. N. O vliianii bakunizma na stanovlenie ideologii kraine pravogo narodnichestva (iuzovshchiny) [About the influence of Bakunism on the formation of the ideology of the extreme right populism (Yuzovshchina)] // Elektronnyi nauchno-obrazovatel`nyi zhurnal «Istoriia». 2015. № 3 (36). P. 9. (In Russ.).

19. Mokshin G. N. Osnovnye kontseptsii istorii legal'nogo narodnichestva v sovremennoi otechestvennoi istoriografii [The main concepts of the history of legal Populism in Modern

Russian Historiography] // Istoriia i istoriografiia pravogo narodnichestva: sbornik statei. Voronezh: Istoki, 2014. P. 9–26. (In Russ.).

20. Mokshin G. N. Osnovy kul`turnogo narodnichestva I. I. Kablitsa (Iuzova) [Fundamentals of Cultural Populism by I. I. Kablitsa (Yuzova)] // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Istoriia Rossii. 2020. T. 19. № 3. P. 641–653. (In Russ.).

21. Mokshin G. N. «Chelovek bor`by»: I. I. Kablits v narodnicheskom dvizhenii 1870-kh godov ["The Man of Struggle": I. I. Kablits in the Narodnik Movement of the 1870s] // Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina. 2022. № 1 (74). P. 24–32. (In Russ.).

22. Mokshin G. N. Evoliutsiia ideologii legal'nogo narodnichestva v poslednei treti XIX – nachale XX v. [The evolution of the ideology of legal populism in the last third of the XIX – early XX centuries]. Voronezh: Nauchnaia kniga, 2010. 298 p.

23. Pavlova N. G. Rol' «narodnicheskogo naslediia» v marksistskoi kontseptsii intelligentsii [The role of the "narodnik heritage" in the Marxist concept of the intelligentsia] // Istoriia i istoriografiia pravogo narodnichestva: sbornik statei. Voronezh: Istoki, 2014. P. 120–140. (In Russ.).

24. Sazhin B. B. Tema staroobriadchestva v rannei publitsistike I. I. Kablitsa: vzgliad revoliutsionera-anarkhista [The theme of Old Believers in the early journalism of I. I. Kablits: the view of an anarchist revolutionary] // Staroobriadchestvo: istoriia, kul`tura, sovremennost`. 2018. Vyp. 16. P. 163–168. (In Russ.).

25. Telitsyn V. L. Kablits Iosif Ivanovich // Bol`shaia rossiiskaia entsiklopediia. T. 22. [Joseph Ivanovich Kablitz // The Great Russian Encyclopedia. Vol. 22]. Moscow: BRE, 2013. P. 187–190. (In Russ.).

26. Troitskii N. A. Krestonostsy sotsializma [Crusaders of Socialism]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 2002. 370 p. (In Russ.).

27. Kharlamov V. I. Ideologiia pravogo narodnichestva v publitsistike Kab-litsa-Iuzova (1880-e gg.) [The ideology of right-wing Populism in the journalism of Kablitsa-Yuzov (1880s)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. 1982. № 1. P. 33–48. (In Russ.).

28. Kharlamov V. I. Iz istorii liberal`nogo narodnichestva v Rossii v kontse 70-kh – nachale 90-kh godov XIX v. Obshchestvenno-politicheskie vozzreniia Kablitsa-Iuzova [From the history of liberal Populism in Russia in the late 70s – early 90s of the XIX century. Socio-political views of Kablitsa-Yuzov]: avtoref. dis. … kand. ist. nauk. Moscow, 1980. 18 p. (In Russ.).

УДК 94:328.1(470)
DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.06

Кирьянов Игорь Константинович

доктор исторических наук, доцент
Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН
Пермь, Россия
ikiryanov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2866-877x

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОШЛОГО В ПАРЛАМЕНТСКИХ ДИСКУССИЯХ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ПЕРВОГО И ВТОРОГО СОЗЫВОВ ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ, 1906–1907 гг.

Аннотация. Предметом исследования стала практика политического использования исторического знания в парламентских дискуссиях в Государственной думе позднеимперской России первого и второго созывов. Теоретической рамкой исследования является концепт символической политики. Источниковую базу составили стенографические отчеты заседаний Государственной думы. Исследование проведено с применением инструментальных возможностей интернет-портала «Парламентская история позднеимперской России». Выявлены следующие приемы инструментального использования в парламентских дебатах исторического опыта/знания для разрешения проблем развития России в начале XX в.: апелляция к истории (событиям, персоналиям) в качестве весомого довода для обоснования высказываемой позиции; негативная оценка исторических познаний оппонентов с целью их политической и интеллектуальной дискредитации; объяснение происходящего в настоящем причинами из прошлого; призывы к забвению/забыванию/прощению прошлого ради социального примирения; интерпретация прошлого России для маркировки групповой идентичности партий и объединений; прошлое как негативный опыт *vs* великое прошлое; артикуляция исторической травмы/обиды. Установлено, что институционализация в позднеимперской России публичной политики открывала возможности для политической «мобилизации» прошлого различными акторами, включая их конкуренцию в сфере политики памяти и исторической политики. Репертуар «мобилизованного» прошлого, характер отношения к нему выполняли роль значимого маркера групповой идентичности не только для парламентских объединений, но и для избирателей. Исторический компонент превращался в важную составляющую формировавшегося в позднеимперской России гражданского типа политической культуры (культуры участия).

Ключевые слова: позднеимперская Россия, Государственная дума, парламентские дебаты, политическое использование истории.

© Кирьянов И. К., 2022

UDC 94:328.1(470)
DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.06

Kiryanov Igor K.

Doctor of Historical Sciences, Assistant professor
Perm Federal Research Center of Ural Branch of Russian Academy of Sciences
Perm, Russia
ikiryanov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2866-877x

ACTUALIZATION OF HISTORY IN PARLIAMENTARY DISCUSSIONS IN THE STATE DUMA OF THE FIRST AND SECOND CONVOCATIONS OF LATE IMPERIAL RUSSIA, 1906–1907

Abstract. The paper deals with the practices of using historical knowledge at the sessions of the State Duma of late imperial Russia (1st and 2nd convocations). The theoretical framework of the study is the concept of symbolic politics. The source base is the verbatim records of the State Duma meetings. The study was conducted using the instrumental capabilities of the web portal *Parliamentary History of Late Imperial Russia*. We have identified the following techniques of instrumental use of historical experience/knowledge in parliamentary debates to resolve the problems of Russia's development at the beginning of the XXth century: referring to history (events, personalities) as a weighty argument to justify the position expressed; negative assessment of the historical knowledge of opponents with the aim of their political and intellectual discreditation; explaining what is happening in the present with reasons from the past; calls for oblivion of the past / forgetting / forgiving the past for the sake of social reconciliation; interpretation of Russia's history to mark the group identity of parliamentary parties and associations: the past as negative experience *vs* as great history; articulation of historical trauma / resentment. The paper shows that the institutionalization of public politics in late imperial Russia opened up opportunities for the political "mobilization" of the past by various actors, including their rivalry in the politics of memory and historical politics. The repertoire of the "mobilized" past, a certain attitude towards it served as a significant marker of group identity not only for parliamentary associations but also for voters. The historical component turned into an important component of the civil type of political culture (the culture of participation) that was being formed in late imperial Russia.

Keywords: late imperial Russia, State Duma, parliamentary debates, political use of history.

Введение. Сюжеты, связанные с политическим использованием прошлого в парламентских дебатах, популярные в исследованиях политологов, редко становятся самостоятельным предметом академического внимания у историков. Одно из первых исторических исследований подобного рода было проведено во второй половине 1970-х гг. К.-Дж. Фабером, проанализировавшим в сравнительном ключе инструментальное использование исторического знания при обсуждении польского вопроса во Франкфуртской национальной ассамблее в июле 1848 г., Брест-Литовского

мирного договора с Советской Россией в германском рейхстаге в марте 1918 г., «восточных договоров» в бундестаге ФРГ в феврале 1972 г.[1] Отечественная исследовательница М. П. Айзенштат, посвятившая анализу британской парламентской традиции применения исторической аргументации целый ряд своих работ[2], отмечает: «В силу значимости морального авторитета прошлого, оно превратилось в важный аргумент дискуссий. При этом исторический опыт был особенно востребован в периоды политических кризисов. К давним событиям апеллировали и представители власти, и оппозиция, их противоположные цели вели к оправданию, либо критике политики кабинета на примерах истории»[3]. Л. П. Репина в рецензии на монографию М. П. Айзенштат подчеркнула значимость именно исторических исследований по проблеме инструментального использования прошлого в парламентских дискуссиях: «Думаю, что изучение вопроса о том, как в разных контекстах пространства и времени формируется идеологический конструкт, трактующий события прошлого в интересах властной элиты или соперничающих политических группировок внутри нее, откроет еще немало интересного»[4].

Между тем вплоть до последнего времени подобные сюжеты в исследованиях по парламентской истории России отсутствуют. Исключение составляет лингвистический анализ текстов думских стенографических отчетов, который позволил С. А. Громыко определить место апелляции к истории в типологии риторической аргументации, характерной для депутатов консервативной ориентации в нижней палате российского парламента начала XX в. По его мнению, «сам произвольный выбор исторических параллелей и функционирование доводов к истории в думской дискуссии говорят о том, что мы имеем дело с апелляцией к этосу (модель “так сложилось, так делали наши великие предки, поэтому и мы должны делать так”), а в ряде случаев и к пафосу (модель “это вызывает у оратора ужас, поэтому это плохо”, “это вызывает у оратора радость, поэтому это хорошо”)»[5].

---

1 *Faber K-G.* The use of History in political debate // History and Theory. 1978. Vol. 17. № 4. P. 36–67.

2 См., например: *Айзенштат М. П.* Прошлое как компонент парламентской полемики // Исторический факт как аргумент политической полемики. М., 2011. С. 137–149; *Ее же.* Историческое знание в политической культуре Британии второй половины XVIII века. М., 2019.

3 *Айзенштат М. П.* Историческое знание и политическая культура Британии XVIII в.: проблемы исследования // Люди и тексты. 2019. Вып. 12. С. 87.

4 *Репина Л. П.* События прошлого в дискуссиях настоящего: история и политика в Британии «эпохи перемен» // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 443.

5 *Громыко С. А.* Обращение к истории как риторический аргумент в русской парламентской речи (на материале выступлений депутатов-националистов в дореволюционной Государственной Думе // Международный научно-исследовательский журнал (Екатеринбург). 2017. № 7 (61). Ч. 1. С. 115; *Его же.* «Национальный аргумент» в русской парламентской риторике (на материале дискуссии в Государственной Думе Российской империи // Вестник Томского университета. Филология. 2018. № 2 (56). С. 28–29.

Предметом настоящего исследования стала практика политического использования исторического знания в парламентских дискуссиях в Государственной думе позднеимперской России первого и второго созывов. Источниковую базу исследования, проведенного с применением инструментальных возможностей интернет-портала «Парламентская история позднеимперской России», составили стенографические отчеты заседаний Государственной думы.

Теоретической рамкой исследования является концепт символической политики в интерпретации О. Ю. Малиновой, в соответствии с которой политическое использование прошлого, политика памяти и историческая политика могут рассматриваться как «проявления *символической политики*, т. е. публичной деятельности, связанной с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве»[6]. При этом политика имеет дело с актуализированным прошлым, конструируемым посредством отбора «исторических событий, фигур и символов, которые наделяются смыслами, в той или иной мере значимыми для современных политических и культурных практик». Использование исторического знания, точнее социальных представлений о прошлом, для политических акторов носит инструментальный характер: они стремятся тем самым «легитимировать собственную власть, оправдать принимаемые решения, мобилизовать электоральную поддержку, укрепить солидарность группы, продемонстрировать несостоятельность оппонентов, приобрести материальные и организационные ресурсы и проч.»[7].

История двух первых созывов Государственной думы представляет особенный интерес для анализа того, как трансформировалась символическая политика в Российской империи в связи с рождением публичной политики, основанной на конкурентном взаимодействии различных акторов в условиях начавшегося перехода от системы неограниченной и самодержавной монархии к системе дуалистической монархии.

Основная часть. Проведенное исследование позволило выделить основные приемы инструментального использования в парламентских дискуссиях исторического опыта/знания для разрешения проблем развития России в начале XX в.

Апелляция к истории (событиям, персоналиям) в качестве весомого довода для обоснования высказываемой позиции. Первым депутатом, кто применил данный прием, был профессор истории Н. И. Кареев, уже на втором думском заседании при обсуждении ответного адреса императору отметивший: «Мне, как историку, в данный момент приходит особенно на память 1789 год во Франции. Россия находится в настоящее время именно в том самом

---

[6] *Малинова О. Ю.* Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти. М.; СПб., 2018. С. 33.

[7] Там же. С. 32–33.

положении, в каком тогда находилась французская нация; она точно также страдала от тех самых зол, от которых страдаем мы»[8]. Чаще всего депутатами первого созыва актуализировались события Великой французской революции (5), крестьянская (11) и судебная (7) реформы эпохи Великих реформ в России. В корпусе упоминаемых депутатами первого созыва исторических персоналий отмечены Петр I, Екатерина I, Елизавета Петровна, Александр II, М. М. Сперанский, М. Т. Лорис-Меликов, Цезарь, Катон, Ш. Монтескье, Иосиф II, граф К. Бенсо ди Кавýр, У. Гладстон, О. фон Бисмарк.

Негативная оценка исторических познаний оппонентов с целью их политической и интеллектуальной дискредитации. Данный прием стал применяться только со второго созыва, в котором конфронтационная модель, ранее характерная для отношений между перводумцами и правительством, стала доминирующей в политической коммуникации внутри депутатского корпуса. Ранее других стали прибегать к этому приему представители консервативного думского меньшинства, в частности С. И. Келеповский («Нельзя считать серьезным аргументом аргумент, приведенный Церетели, который почерпнут из популярной книги по истории»[9]) и В. А. Бобринский («Опять всю вину за этот закон свалили на покойного Боголепова. Это тоже несправедливо. Это только доказывает незнание современной истории Аджемовым»[10]).

Объяснение происходящего в настоящем причинами из прошлого. Этот прием в первых двух созывах использовали представители социалистической и либеральной оппозиции, критиковавших существующее положение в той или иной сфере общественной жизни, в частности трудовик Т. И. Седельников («В аграрных беспорядках, в наших политических преступлениях сказывается итог нашей истории, итог точный и безошибочный»[11]); эсер И. Я. Сагателян («Чтобы знать в данном случае цель вмешательства правительства, нужно обратиться к прошлому, к недавнему прошлому этих забастовок в Баку»[12]); кадет И. В. Гессен («По словам министра юстиции, он убедился из моей речи в том, что всегда трудно было атаковать министерство юстиции на почве обсуждаемого проекта, тогда докладчик принял экскурсию к прошлому и в этом прошлом попытался отыскивать основания для того, чтобы упрекать правительство»[13]).

Призывы к забвению/забыванию/прощению прошлого ради социального примирения. Данный прием практиковался в первом созыве исключительно в связи с обсуждением вопроса об амнистии. Кадет Ф. И. Родичев, озвучивший это требование с думской трибуны, был первым, кто сформулировал идею забвения прошлого: «Когда страна охвачена порывом обновления,

---

8 Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв первый. СПб., 1906. Ч. I. С. 155.

9 Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв второй. СПб., 1907. Ч. I. Стб. 1570.

10 Там же. Ч. II. Стб. 943.

11 Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв первый. Ч. I. С. 28.

12 Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв второй. Ч. I. Стб. 1707–1708.

13 Там же. Ч. II. Стб. 1380.

когда страна жаждет успокоиться — прошлое должно быть стерто начисто»[14]. К этому сюжету в своих выступлениях он возвращался несколько раз: «…мы готовы были забыть прошлую деятельность людей, в руках которых была власть. Мы готовы были не вспоминать о том, что на порог обновленной России власть находится в руках лиц, работавших над угнетением страны»; «…нам бы хотелось забыть прошлое и первое условие этого забвения прошлого, нужно, чтобы забыли его те, на ком в прошлом лежит тяжкая вина. Вы знаете, господа, никто не помнит зла дольше, чем тот, кто его совершил»[15]. Эту идею разделяли и мирнообновленец П. А. Гейден, во многих случаях вынужденно оппонировавший думскому большинству первого созыва («мы не должны сюда приходить с воспоминанием о прошлых неправдах, о прошлой беде, мы не должны здесь разжигать чувство злобы, а мы должны быть здесь с чувством примирения и забвением прошлого и только помнить о том, что мы должны сделать в будущем»), и автономист Э. Ю. фон-дер-Ропп («Прося прощения для всех, я думаю, что Государственная Дума, которая чувствует себя как бы посредницей между Царем и народом, что она должна свое посредничество простирать тоже и на народ и обращаться совместно с теми, которые прощают. Вот поэтому мы и со своей стороны должны простить прошлое и ждать доброго желания того Государя, который выразил свое доброе желание в тронной речи»), и лидер немногочисленной фракции Партии демократических реформ М. М. Ковалевский («Мы желаем сказать: пусть прошлое будет прошлым, заживем новой жизнью!»)[16].

Интерпретация прошлого России для маркировки групповой идентичности партий и объединений: прошлое как негативный опыт vs великое прошлое. Призывы к забвению прошлого, недолго звучавшие в Таврическом дворце, с одной стороны, отражали романтические настроения, свойственные начальной стадии демократического транзита; с другой стороны, были проявлением политической тактики, тогда как жесткая дихотомия в отношении к прошлому со стороны противоборствующих политических сил носила стратегический характер. Негативное восприятие прошлого отличало позицию социалистов и либералов, в частности трудовика И. В. Жилкина («проклятое прошлое», «старое прошлое»[17]), кадета Ф. И. Родичева («гибельное прошлое», «гнилой труп прошлого режима»[18]) и обретало намек едва ли не на отказ от него даже в устах профессора истории Н. И. Кареева: «Мы теперь должны основать новую Россию… которая будет существовать не сама для себя и не для охраны каких-либо исторических традиций, а будет существовать для своих граждан»[19]. В этой связи мирнообновленец М. А. Стахович вынужден был

---

[14] Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв первый. Ч. I. С. 24.

[15] Там же. Ч. I. С. 326; Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв второй. Ч. II. Стб. 632.

[16] Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв первый. Ч. I. С. 83, 109, 344.

[17] Там же. Ч. I. С. 84; Ч. II. С. 1361.

[18] Там же. Ч. II. С. 1251, 1494.

[19] Там же. Ч. I. С. 120.

с горечью заметить: «В том то и дело, господа, мы так поглощены происходящей борьбой с нашим прошлым, что, как я много раз наблюдал что, она подчиняет себе не только нашу волю, но и самое естественное, инстинктивное и самое неизбежное чувство человека, например, национальное самолюбие»[20]. Принципиально иной подход к прошлому заявил о себе во втором созыве в выступлениях политиков консервативной ориентации, начиная с председателя Совета министров П. А. Столыпина («Государство же и в пределах новых положений не может отойти от заветов истории», «великое прошлое России», «долг хранить исторические заветы России»[21]), которого активно поддержали представители правого крыла — И. П. Созонович («вот такая разрушительная работа, направленная против нашей русской государственности, против нашего прошлого, созданного нашими предками, такая борьба ведется уже два года»), В. М. Пуришкевич («века прошлого, славного, неизгладимого прошлого, на которое мы не имеем права посягать»), В. В. Шульгин («вся история тут в том, чтобы поднять волну ненависти и злобы против <…> русской истории, против ее прошлого»)[22].

Артикуляция исторической травмы/обиды. Первыми о своей исторической обиде напомнили с думской трибуны крестьянские депутаты. Так, трудовик Л. И. Лопас заявил при обсуждении аграрного вопроса: «Сейчас же и после освобождения они не забыли всего того, что им пришлось на себе испытать. В среде крестьян существуют свои традиции. Из поколения в поколение передается история о том, как секли их и обращались с ними, ровно как со скотом, <…> они этого не забыли»[23]. Во втором созыве получил применение прием этнизации воспоминаний о социальной несправедливости, в частности трудовиком, членом украинской группы Е. А. Сайко («Теперь, господа народные представители, я скажу, что с этой трибуны говорили от имени Царства Польского, здесь мы слышали представителей Кавказа и киргизов — и меня послали особо сказать несколько слов здесь о земле другого края, того края, который летописец в XII в. окрестил именем благодатной Украйны»[24]) и членом мусульманской группы, крымским татарином Р. М. Медиевым («Я вам прочту то место наказа, где мои братья татары жалуются на свою судьбу. «Мы, татары, знаем, что не сладко живется теперь всем подданным русского государства. Теперь и самим русским живется тяжело, а нам, татарам, и другим иноплеменным народам приходится еще тяжелее, потому что мы страдаем, во-первых, от того же самого, от чего страдают и все русские люди, а кроме того, во-вторых, есть у нас беды и напасти, которые лежат только на нашем народ. <…> Все здешние земли были когда-то землями нашего народа, и все перешли в другие руки разными правдами и неправдами, и мы, татары, получили за них гроши или не получили вовсе ничего. Многие из нас были

---

20 Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв первый. Ч. II. С. 1819.

21 Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв второй. Ч. I. Стб. 110, 119, 120.

22 Там же. Стб. 146, 1014, 1141.

23 Там же. С. 416–417.

24 Там же. Стб. 1313.

обмануты и не могли найти правды ни в каком суде»[25]). Между тем исключительно в этноконфессиональном варианте артикулировалась историческая травма польскими депутатами, например Я.- С. С. Стецким: «Между этими народами, которых силился разложить и обезличить тот самый режим, который восстановил против себя русский народ, есть один, представляемый здесь нами, — это народ польский. Он по своему прошлому, по своей обособленной культуре, по своей политической зрелости занимает первое место в ряду обиженных нынешней политикой, а потому стоит также в первых рядах тех, кто добивается свободы. Он не прекращал борьбы в течение целого столетия, отстаивая свои гражданские и национальные права, и не прекратит ее до тех пор, пока не осуществит заветов чувств и мыслей своих: свободы народного развития»[26].

Заключение. Институционализация в позднеимперской России публичной политики открывала возможности для политической «мобилизации» прошлого различными акторами, включая их конкуренцию/противоборство в сфере политики памяти и исторической политики.

В Государственной думе первого и второго созывов прошла апробацию практика инструментального использования исторического опыта/знания при решении современных проблем, оформился арсенал приемов подобной практики, получивших развитие в третьем созыве, исключая, правда, призывы к забвению/забыванию/прощению прошлого, не вписывавшимся в победившую модель конфронтационного парламентского взаимодействия.

Репертуар «мобилизованного» прошлого, определенный знак отношения (+ / –) к нему выполняли роль значимого маркера групповой идентичности не только для парламентских объединений, но и для избирателей. Вместе с тем слова одного из лидеров российских правых той поры В. М. Пуришкевича: «Господа, мы делаем историю будущего, но история прошлого уже есть, она за нами, и мы должны, мы обязаны знать ее и знать хорошо»[27], — свидетельствуют, что исторический компонент превращался в важную составляющую формировавшегося в позднеимперской России гражданского типа политической культуры (культуры участия).

Литература

1. Айзенштат М. П. Историческое знание в политической культуре Британии второй половины XVIII века. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2019. 214 с.

2. Айзенштат М. П. Историческое знание и политическая культура Британии XVIII в.: проблемы исследования // Люди и тексты: исторический альманах. 2019. Вып. 12 / отв. ред. М. С. Бобкова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2019. С. 76–95.

3. Айзенштат М. П. Прошлое как компонент парламентской полемики // Историк и общество. Исторический факт как аргумент политической полемики / отв. ред. М. П. Айзенштат. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2011. С. 137–149.

---

25 Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв второй. Стб. 1792–1793.

26 Там же. Стб. 905.

27 Там же. Ч. II. Стб. 1284.

4. Громыко С. А. «Национальный аргумент» в русской парламентской риторике (на материале дискуссии в Государственной Думе Российской империи) // Вестник Томского университета. Филология. 2018. № 2 (56). С. 23–33.

5. Громыко С. А. Обращение к истории как риторический аргумент в русской парламентской речи (на материале выступлений депутатов-националистов в дореволюционной Государственной Думе) // Международный научно-исследовательский журнал (Екатеринбург). 2017. № 7 (61). Ч. 1. С. 112–115.

6. Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти / отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 27–53.

7. Репина Л. П. События прошлого в дискуссиях настоящего: история и политика в Британии «эпохи перемен» // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 438–444.

8. Faber K.-G. The use of history in political debate // History and Theory. 1978. Vol. 17. № 4. P. 36–67.

References

1. Aizenshtat M. P. Istoricheskoe znanie v politicheskoi kul`ture Britanii vtoroi poloviny XVIII veka [Historical knowledge in the political culture of Britain in the second half of the XVIIIth century]. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, 2019. 214 p. (In Russ).

2. Aizenshtat M. P. Istoricheskoe znanie i politicheskaia kul`tura Britanii XVIII v.: problemy issledovaniia [Historical knowledge and political culture of Britain in the XVIIIth century: research problems] // Liudi i teksty: istoricheskii al'manakh. 2019. Vyp. 12. / ed. by M. S. Bobkova. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, 2019. P. 76–95. (In Russ).

3. Aizenshtat M. P. Proshloe kak komponent parlamentskoi polemiki [The past as a component of parliamentary controversy] // Istorik i obshchestvo. Istoricheskii fakt kak argument politicheskoi polemiki / ed. by M. P. Aizenshtat. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, 2011. P. 137–149. (In Russ).

4. Gromyko S. A. «Natsional`nyi argument» v russkoi parlamentskoi ritorike (na materiale diskussii v Gosudarstvennoi Dume Rossiiskoi imperii) ["National argument" in Russian parliamentary rhetoric (based on the discussion in the State Duma of the Russian Empire)] // Vestnik Tomskogo universiteta. Filologiia. 2018. № 2 (56). P. 23–33. (In Russ).

5. Gromyko S. A. Obrashchenie k istorii kak ritoricheskii argument v russkoi parlamentskoi rechi (na materiale vystuplenii deputatov-natsionalistov v dorevoliutsionnoi Gosudarstvennoi Dume) [Appeal to history as a rhetorical argument in russian parliamentary speech (based on the speeches of Nationalist deputies in the pre-revolutionary State Duma)] // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal (Ekaterinburg). 2017. № 7 (61). Ch. 1. P. 112–115. (In Russ).

6. Malinova O. Iu. Politika pamiati kak oblast` simvolicheskoi politiki [The politics of memory as a domain of symbolic politics] // Metodologicheskie voprosy izucheniia politiki pamiati / ed. by A. I. Miller, D. V. Efremenko. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2018. P. 27–53. (In Russ).

7. Repina L. P. Sobytiia proshlogo v diskussiiakh nastoiashchego: istoriia i politika v Britanii «epokhi peremen» [Events of the past in discussions of the present: history and politics in Britain's "Era of Change"] // Dialog so vremenem. 2020. Vyp.73. P. 438–444. (In Russ).

8. Faber K-G. The use of history in political debate // History and Theory. 1978. Vol. 17. № 4. P. 36–67.

УДК: 94(47).083
DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.07

Стогов Дмитрий Игоревич

кандидат исторических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина)
Санкт-Петербург, Россия
bel-grigorij@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7619-7642

В. И. ИКСКУЛЬ ФОН ГИЛЬДЕНБАНДТ И ЕЕ САЛОН

Аннотация. Изучение деятельности политических салонов представляется актуальным, так как помогает выявить неофициальные политические связи, существовавшие в Российской империи в конце XIX – начале XX в. Среди петербургских аристократических салонов этого времени особое место занимал салон баронессы Варвары Ивановны Икскуль фон Гильденбандт (1850–1928). Литературно-политические вечера, проходившие обычно по четвергам, посещали известные деятели культуры и политики. Впервые в историографии привлечены архивные источники (письма, телеграммы) из фондов рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, непосредственно относящиеся к В. И. Икскуль. Делается вывод об аморфности политических и религиозных убеждений баронессы. Имевшая репутацию либералки и сторонницы эмансипации женщин, Икскуль подчас приглашала на свои собрания и убежденных консерваторов. Известная как последовательница учения Л. Н. Толстого и жестко критиковавшая царское правительство, баронесса посредством ряда высших чиновников пыталась оказывать политическое влияние (защита толстовского учения, воспрепятствование царскому указу о роспуске Первой Государственной думы и др.), однако эти попытки не имели успеха. Подчеркивается, что, будучи яркой представительницей культуры Серебряного века, Икскуль вполне можно отнести к популярному в то время философско-религиозному движению в среде интеллигенции — богоискательству. В его русле следует рассматривать увлечение баронессы Г. Е. Распутиным, приглашения его на салонные собрания. В современной историографии встречается точка зрения о том, что участники салона использовали «старца» в своих политических играх для борьбы с царской властью. В статье делается вывод о том, что увлечение баронессы личностью Распутина было вполне искренним и логично вписывалось в ее религиозно-философские представления.

Ключевые слова: Российская империя, Государственная дума, салон, кружок, Февральская революция, Толстой, Распутин.

© Стогов Д. И., 2022

UDC 94(47).083
DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.07

Stogov Dmitry I.

Candidate of Historical Sciences
Saint Petersburg Electrotechnical University
St. Petersburg, Russia
bel-grigorij@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7619-7642

V. I. IKSKUL VON HILDENBANDT AND HER SALON

Abstract. The study of the activities of political salons seems relevant, as it helps to identify unofficial political ties that existed in the Russian Empire in the late XIX – early XX century. Among the St. Petersburg aristocratic salons of that time a special place was occupied by the salon of baroness Varvara Ivanovna Ikskul von Hildenbandt (1850–1928). Literary and political evenings, usually held on Thursdays, were attended by famous cultural figures and politicians. For the first time in historiography, archival sources (letters, telegrams) from the funds of the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, directly related to V. I. Ikskul, were involved. The conclusion is made about the amorphousness of the political and religious beliefs of the baroness. Having a reputation as a liberal and a supporter of the emancipation of women, Ixkul sometimes invited staunch conservatives to her meetings. Known as a follower of the teachings of L. N. Tolstoy the baroness, who harshly criticized the tsarist government, tried to exert political influence through a number of senior officials (defending Tolstoy's teachings, obstructing the tsarist decree on the dissolution of the First State Duma, etc.), but these attempts were unsuccessful. It is emphasized that, being a bright representative of the culture of the Silver age, Ikskul can be attributed to the popular philosophical and religious movement among the intelligentsia at that time — God-seeking. In its course, one should consider the baroness Rasputin's infatuation, his invitations to salon meetings. In modern historiography, there is a point of view that the participants of the salon used the "elder" in their political games to fight against the tsarist government. The article concludes that the baroness' fascination with Rasputin's personality was quite sincere and logically fit into her religious and philosophical ideas.

Keywords: Russian Empire, State duma, salon, circle, February Revolution, Tolstoy, Rasputin.

Введение. В настоящее время многие исследователи изучают причины кризиса самодержавия в Российской империи в начале XX в., причины Февральской революции 1917 г., приведшей к уничтожению самодержавия и становлению новой республиканской политической системы. В условиях первичного формирования, достаточно слабого развития гражданского общества и политической системы России на рубеже веков особое место занимали неофициальные политические структуры (кружки,

салоны), через которые те или иные политические деятели пытались оказывать влияние на политику властей страны.

Особое место среди кружков и салонов занимали правые (консервативные, монархические) неофициальные политические организации, пытавшиеся проводить свою политику через сочувствующих им чиновников[1]. Вместе с тем среди аристократов Петербурга существовало довольно значительное либеральное лобби, пытавшееся, в том числе через свои салоны (адвоката и писателя К. К. Арсеньева, писателя и драматурга П. П. Гнедича[2] и др.), воздействовать на царскую политику. Особое место среди кружков Петербурга либеральной направленности занимает салон баронессы Варвары Ивановны Икскуль фон Гильденбандт (1850–1928).

Деятельность В. И. Икскуль весьма поверхностно рассматривалась в отечественной историографии. Отдельные упоминания имени баронессы содержатся в статье П. Е. Крайнюкова, посвященной петроградской общине сестер милосердия имени генерал-адъютанта М. П. фон Кауфмана[3], в статье Е. И. Сумбуровой о сестрах милосердия в период Первой мировой войны[4]. О литературной деятельности В. И. Икскуль можно встретить краткую информацию в нескольких статьях, посвященных истории русской литературы[5]. В отдельных работах содержится упоминание ее салона, однако отсутствует

---

1 *Гайда Ф. А.* «Кабинет» князя Н. Д. Голицына и поиски политического курса зимой 1916–1917 гг. // Российская история. 2020. № 1. С. 75–90; *Котов А. Э.* Консервативные публицисты на страницах дневника А. В. Богданович // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 10. С. 24–30; *Его же.* «Ненадежный друг»: А. С. Суворин и салон Богдановичей в конце XIX в. // Российская история. 2020. № 1. С. 107–114; *Леонов М. М.* Российские салоны второй половины XIX – начала XX в.: патронат и протежирование. Самара, 2010; *Мамонов А. В.* Граф М. Т. Лорис-Меликов и салон Богдановичей // Российская история. 2020. № 1. С. 101–107; *Розенталь И. С.* Политические клубы, кружки, салоны // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. 2. Власть. Общество. Культура. М., 2012; *Стогов Д. И.* Правомонархические салоны Петербурга – Петрограда (конец XIX – начало XX в.). СПб., 2007; *Его же.* Правые кружки Петрограда в предреволюционной политической борьбе (июль 1914 – февраль 1917 гг.). СПб., 2020.

2 См.: *Стогов Д. И.* Литературно-политические салоны конца XIX – начала XX вв. в истории Санкт-Петербурга // Университетские петербургские чтения / под ред. Ю. В. Кривошеева, М. В. Ходякова. СПб., 2003. С. 158, 159.

3 *Крайнюков П. Е.* Петроградская община сестер милосердия им. генерал-адъютанта М. П. фон Кауфмана в событиях Первой мировой войны // Вестник национального медико-хирургического центра Н. И. Пирогова. 2017. Т. 12. № 1. С. 97, 100–102.

4 *Сумбурова Е. И.* Сестры милосердия Первой мировой войны: на материалах автодокументальных текстов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2019. № 2. Т. 1. С. 102.

5 *Коростелев О. А.* Круг Мережковских о Вл. Соловьеве до революции и в эмиграции // Соловьевские исследования. 2018. Вып. 3 (59). С. 76–77; *Корчикова С. Л.* Из истории русской поэзии Серебряного века // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 1999. № 1. С. 243; *Яковлева Т. М.* Коллекция открыток собирательницы В. П. Шнейдер // Иллюстративные коллекции Кунсткамеры / Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); [отв. ред. В. А. Прищепова]. СПб., 2014. С. 379.

характеристика его деятельности[6]. Вместе с тем в историографии нет специальных работ, дающих развернутую характеристику салона баронессы. Настоящая работа призвана восполнить этот пробел.

Основные источники, использованные в статье (письма, дневники, мемуары), содержатся в ряде российских архивов (Российский государственный исторический архив, Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив литературы и искусства, рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук, отдел рукописей Российской национальной библиотеки). Кроме того, нами использованы опубликованные воспоминания, дневники, письма ряда посетителей салона В. И. Икскуль.

Ход и результаты исследования. Варвара Ивановна Икскуль фон Гильденбандт (урожденная Лутковская, по первому мужу Глинка), родилась 29 ноября (ст. ст.) 1850 г. Была дочерью генерала от артиллерии Ивана Сергеевича Лутковского и Марии Алексеевны Штерич. Первый муж В. И. Икскуль — камергер, действительный статский советник, бывший генеральный консул России во Франкфурте-на-Майне Н. Д. Глинка-Маврин (1838–1884). В 1874 г. вышла замуж за действительного тайного советника, барона К. П. Икскуль фон Гильденбандта (1818–1894), в 1876–1891 гг. являвшегося послом России в Риме. Основала Высшие женские курсы в Петербурге[7], общежитие при Женском медицинском институте, возглавляла Кауфмановскую общину Красного Креста, Общество для усиления средств женского медицинского института[8], была членом различных благотворительных обществ[9]. Являлась ревностной поклонницей Л. Н. Толстого[10]. Знала М. Горького и оказывала ему покровительство в 1901–1902 гг.[11]

В. И. Икскуль активно занималась благотворительностью, работала в лазарете Кауфмановской общины по поручению императрицы Марии Федоровны[12], создавала приюты, школы-колонии, благотворительную ярмарку в Соляном городке[13], входила в Санкт-Петербургский дамский лазаретный комитет Российского общества Красного Креста, устраивала заседания Комитета для организации помощи пострадавшим от неурожая[14]. Во время Балканской войны

---

6 *Шруба М.* К типологии литературных объединений в дореволюционной России // Рема. Rhema. 2020. № 4. С. 28.

7 Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–2001 гг.: в 6 т. / сост. В. Н. Чуваков. М., 2001. Т. 3. С. 67.

8 Алфавитный указатель жителей города С.-Петербурга // Весь Петербург. Адресная и справочная книга за 1914 г. СПб., 1913. С. 267.

9 Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1927. Т. 5. С. 258–259.

10 *Суворин А. С.* Дневник. М., 1992. С. 176.

11 *Чуваков В. Н.* Русский зарубежный некрополь. М., 1967. С. 212.

12 Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук (РО ИРЛИ). Ф 340. Оп. 1. Д. 68. Л. 15, 19.

13 Там же. Д. 19.926. Л. 4, 7 об.

14 В. И. Икскуль — Е. Н. Половцовой, декабрь 1904 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 601. Д. 1032.

(1877–1878) выезжала с отрядом сестер милосердия в Болгарию[15]. Широко известно о благотворительной деятельности В. И. Икскуль[16]. В Первую мировую войну она получила от генерала А. М. Каледина Георгиевский крест за работу в Красном Кресте.

Баронесса написала ряд литературных произведений, публиковала критические статьи. Печаталась в журнале «Русское богатство», переводила на французский язык сочинения Ф. М. Достоевского[17]. Источники свидетельствуют об интересе В. И. Икскуль к литературе, в том числе к произведениям Г. И. Успенского, А. М. Сибирякова[18].

Салон баронессы В. И. Икскуль фон Гильденбандт существовал в Санкт-Петербурге с 1880-х гг. Его посещали известные писатели, литературные критики различных направлений — писатель Г. И. Успенский, писательница и литературный критик З. А. Венгерова[19], писательница и критик, сотрудница «Северного вестника» Л. Я. Гуревич[20], поэтесса З. Н. Гиппиус (Мережковская)[21], писатель и религиозный философ Д. С. Мережковский, поэт и религиозный мыслитель Н. М. Минский (Виленкин)[22], драматург А. Н. Островский[23], журналист А. С. Суворин[24], известный юрист А. И. Урусов[25]. Наместник на Кавказе генерал Илларион Иванович Воронцов-Дашков общался с В. И. Икскуль[26]. Сохранились письма баронессы министру внутренних дел В. К. Плеве[27]. Известный политик, впоследствии член Государственной думы, кадет Ф. И. Родичев также бывал у хозяйки салона[28].

Литераторы читали в салоне свои произведения. Присутствовали там и известные художники, в их числе И. Е. Репин, который демонстрировал у В. И. Икскуль свои полотна[29]. Знаменитый портрет баронессы, известный как «Женщина в красном» «Красная баронесса», написанный Репиным во весь рост, хранится в Третьяковской галерее.

---

15 Незабытые могилы... Т. 3. С. 67.

16 ОР РНБ. Ф. 601. Д. 1032. Л. 1–2.

17 *Чуваков В. Н.* Указ. соч. С. 212.

18 РО ИРЛИ. Ф. 313. Оп. 4. Д. 69. Л. 1.

19 Там же. Ф. 39. Д. 563.

20 Там же. Д. 19 926.

21 Там же. Д. 1220.

22 Там же. Д. 85, 234.

23 Там же. Д. 234.

24 Там же.

25 Там же.

26 См.: Объяснительная записка (копия) баронессы Икскуль В., поданная в Министерство юстиции, по делу о завещании барона Икскуль, оспариваемого зятем его, Кознаковым. Приложена копия письма барона Икскуль Николаю II и письма баронессы Икскуль ему же. 22 марта 1894 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 919. Оп. 2. Д. 450. 4 л.

27 Письма В. И. Икскуль к В. К. Плеве, 21 мая 1892 – 3 декабря 1902 // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 586 (Плеве). Оп. 1. Д. 740.

28 *Родичев Ф. И.* Из воспоминаний // Николай Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 41.

29 РО ИРЛИ. Ф. 39. Д. 234.

По свидетельству революционерки Е. Д. Стасовой, для одной из фигур картины Репина «Запорожцы» художнику позировал сын Икскуль[30]. Как отмечал искусствовед И. А. Бродский, И. Е. Репин создал целую серию рисунков, сделанных в ее салоне. В частично сохранившемся альбоме он запечатлел многих участников литературных вечеров баронессы[31].

Литературные вечера у В. И. Икскуль проводились обычно по четвергам. В конце 1890-х гг. она проживала по адресу: Озерный переулок, д. 12[32]. Там и собирались участники ее кружка. В предреволюционные годы В. И. Икскуль жила по адресу: Кирочная улица, д. 18, телефон 729[33]; этот дом она купила в конце 1890-х г.[34] Известный художник, историк искусств А. Н. Бенуа оставил воспоминания о доме и квартире В. И. Икскуль. Он отмечает, что баронесса жила в квартире, где ранее проживал бывший министр народного просвещения А. А. Сабуров с семьей. Сам Бенуа побывал в последний раз в этом доме весной 1918 г., когда В. И. Икскуль перед своим отъездом из Петрограда позвала его, чтобы «помочь ей выбрать то, что стоило бы взять с собой в эмиграцию»[35].

Летом салон собирался на даче баронессы, которая располагалась на Аптекарском острове по адресу: Лопухинская улица, дом 4[36]. На «четвергах» в салоне обсуждались современные литературные произведения (Г. Ибсена, Ги де Мопассана, С. Г. Фруга, А. Стриндберга), новости внутренней и внешней политики, читали стихи Н. М. Минского, драмы Д. С. Мережковского и другие произведения.

З. Н. Гиппиус в письме к литературному критику и искусствоведу А. Л. Волынскому от 1 ноября 1896 г. описывала один из вечеров в салоне В. И. Икскуль. Поэтесса и писательница назвала баронессу неинтеллигентной дамой, а группу людей, окружавшую ее, «так не интеллигентной, до неприличия»; вечер же в салоне она охарактеризовала как скучный. Она сообщала, что философ В. С. Соловьев читал на вечере статью о поэте, писателе и драматурге К. К. Случевском[37].

Более развернутое описание салона В. И. Икскуль содержится в мемуарах епископа Холмского Евлогия (Георгиевского), впоследствии митрополита. В эмиграции он вспоминал, что бывал неоднократно у баронессы В. И. Икскуль, которая «была великосветская дама, живо интересовавшаяся всем: литературой, искусством, политикой, церковными делами»[38]. По словам архиерея,

---

30 Новое о Репине. Статьи и письма художника. Воспоминания учеников и друзей. Публикации / ред.-сост. И. А. Бродский и В. Н. Москвинов. Л., 1969. С. 137.

31 Там же. С. 363–364.

32 РО ИРЛИ. Ф. 39. Д. 563. Л. 5 об.

33 Весь Петербург. Адресная и справочная книга за 1914 г. СПб., 1913. С. 267.

34 Особняк Ц. А. Кавоса [Электронный ресурс] // Архитектурный сайт Санкт-Петербурга. URL: https://www.citywalls.ru/house2152.html (дата обращения: 13.03.2022).

35 Там же.

36 РО ИРЛИ. Ф. 39. Д. 234.

37 Письма З. Н. Гиппиус к А. Л. Волынскому / публ. А. Л. Евстигнеевой и Н. К. Пушкаревой // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 12. М.; СПб., 1993. С. 327–328.

38 *Евлогий (Георгиевский),* митрополит. Путь моей жизни. Воспоминания, составленные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 201.

«принимала она у себя самых разнообразных лиц». У нее, как отмечал владыка Евлогий, «бывали и великие князья, и министры, и партийные социалисты, Распутин и толстовцы, декаденты и сотрудники “Русского Богатства”»[39].

В квартире В. И. Икскуль на Кирочной улице, как пишет владыка Евлогий, «в одной из комнат, в углу, вместо иконы висел портрет Толстого, а под ним было прикреплено чучело огромной совы»[40].

По словам писательницы, публицистки, общественного деятеля баронессы Л. С. Врангель[41], В. И. Икскуль блистала красотой и умом[42]. Как отмечала мемуаристка, в салоне баронессы на Сергиевской улице «собирались писатели, сановники и некоторая часть гвардейской молодежи»[43].

Наиболее развернутую характеристику деятельности В. И. Икскуль и ее салона оставил художник М. В. Нестеров. Впервые он услышал это имя на одной из выставок художников-передвижников, где демонстрировался выполненный И. Е. Репиным ее портрет. После этого о баронессе заговорили в светских кругах. По свидетельству художника, «Варваре Ивановне не отказывали в уме, энергии, находчивости, в сильной воле»[44].

В начале 1907 г. на Малой Конюшенной улице Санкт-Петербурга, в доме шведской церкви, открылась выставка Нестерова, на которой Икскуль приобрела его картину «Богоматерь с Младенцем», а через несколько дней лично познакомилась с ним. В мемуарах художник подробно описал внешность баронессы и сообщил, что их первая встреча закончилась приглашением к обеду[45].

Далее М. В. Нестеров описал свой визит к Икскуль на Кирочную. В ее квартиру на второй этаж вела широкая лестница, в гостиной «во вкусе 80-х годов» было много тканей, шелка, парчи[46]. Встретив художника «с любезной простотой», она села на кушетку, а Нестеров — в кресло напротив. На одном из столов стоял портрет Максима Горького[47].

Вскоре приехали и другие гости. Среди них — ученый секретарь Академии наук С. Ф. Ольденбург, псковский вице-губернатор барон Н. Н. Медем и его супруга Т. И. Медем, бывший премьер-министр И. Л. Горемыкин и его супруга А. И. Горемыкина. Все они были приглашены в столовую, Нестерову указали место справа от хозяйки, рядом сел Горемыкин, далее Медем. По свидетельству М. В. Нестерова, сервировка стола была прекрасная, «обед не очень изысканный, но вкусный; винам особого значения не придавали». Беседа

---

39 *Евлогий (Георгиевский),* митрополит. Указ. соч. С. 201.

40 Там же.

41 *Врангель Л.* Из воспоминаний юности // Возрождение: литературно-политические тетради / под ред. С. П. Мельгунова. Париж, 1953. Т. 28. С. 71–72.

42 Там же. С. 72.

43 Там же.

44 *Нестеров М. В.* Давние дни. Встречи и воспоминания / подгот. текста, введение и примечания К. Пигарева. М., 1959. С. 178.

45 Там же. С. 180–181.

46 Там же. С. 181.

47 Там же.

велась на общие темы, в том числе о выставке, об искусстве. Затем разговоры продолжились в гостиной[48]. Позднее художник неоднократно посещал салон, где он познакомился с лейб-медиком Н. А. Вельяминовым[49].

Итак, на «четвергах» у баронессы В. И. Икскуль присутствовали известные литераторы, художники, священнослужители, политики, причем различных убеждений (от правоконсервативных (И. Л. Горемыкин, епископ Евлогий и др.) до либеральных (И. Е. Репин, З. Н. Гиппиус и др.)). Круг обсуждаемых в кружке вопросов — новости литературы, искусства, политики, религиозная жизнь.

Убеждения баронессы В. И. Икскуль были либеральными, о чем свидетельствует увлеченность идеями Л. Н. Толстого и ее покровительство М. Горькому. В письме художнице А. П. Шнейдер из Финляндии баронесса восхищалась местным бытом: «Должна сказать, что после долгого безвыездного проживания в России я с удовольствием снова увидела “культуру” европейскую, и <…> только что обстоятельства того сложились, что не могла остаться подольше. <…> Все-таки там живется и полнее и легче»[50].

В своей политической деятельности В. И. Икскуль, судя по ее высказываниям, старалась вести себя независимо. В мемуарах о Г. Е. Распутине, написанных ею для журналиста и издателя Л. М. Клячко (1873–1934), она отмечала, что «люди, самые высокопоставленные, заболели холопством, <…> и каждый из них старался гласно или исподтишка угодить тому, кого хулил во всех салонах»[51].

Приведем свидетельства о попытках В. И. Икскуль и ее кружка оказывать влияние на властные структуры Российской империи. В. М. Нестеров отмечал, что женские медицинские курсы, закрытые в конце царствования Александра II, возобновили работу в царствование Александра III «благодаря умелому ходатайству баронессы Икскуль», поскольку она обладала связями с нужными людьми[52]. Мало того, именно Александр III выделил землю под это учреждение и обеспечил существование курсов впоследствии. По свидетельству М. В. Нестерова, баронесса смогла поговорить с генералом П. П. Черевиным и убедить его «доложить царю о курсах» и о пользе женского медицинского образования. После этого слава В. И. Икскуль еще больше возросла[53].

Ряд источников свидетельствует, что баронесса пыталась примирить официальные власти Российской империи с известными либеральными деятелями, в том числе с Л. Н. Толстым. Старшая дочь писателя Т. Л. Сухотина-Толстая 11 мая 1896 г. посетила баронессу в Гельсингфорсе[54]. Та рассказала, что ее родственник, тогдашний министр внутренних дел И. Л. Горемыкин

---

48 *Нестеров М. В.* Указ. соч. С. 181.

49 Там же. С. 181–182.

50 РО ИРЛИ. Ф. 340. Оп. 1. Д. 68. Л. 13 об. – 14.

51 Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1208 (Л. М. Клячко (Львов)). Оп. 1. Д. 22. Л. 63.

52 *Нестеров М. В.* Указ. соч. С. 179.

53 Там же. С. 179–180.

54 *Сухотина-Толстая Т. Л.* Дневник / сост., вступ. ст. и примеч. Т. Н. Волковой. М., 1987. С. 386.

сообщил ей о получении письма от Л. Н. Толстого. На ее вопрос, какого содержания это письмо, Горемыкин сказал: «Вызов правительству». Тогда В. И. Икскуль спросила его, будет ли он отвечать на письмо. Последовал отрицательный ответ. Баронесса поведала дочери Толстого о том, что его учение в правительстве считают вредным, «потому что результатом его являются отказы от военной службы». Кроме того, В. И. Икскуль отметила, что не знает, как поступать в этих случаях[55]. Впрочем, мемуаристка сомневалась в строго отрицательном отношении баронессы к правительству[56].

Известный публицист И. В. Гессен в мемуарах описал свое посещение В. И. Икскуль в одно из воскресений 1906 г. по неотложному делу. Вместе с ним на встречу с баронессой прибыли редактор журнала «Мир Божий» Ф. Д. Батюшков и сотрудник журнала «Русское богатство» А. И. Иванчин-Писарев[57]. По мнению В. И. Икскуль, роспуск Первой Государственной думы якобы произошел случайно, а именно потому, что камердинер И. Л. Горемыкина не передал ему вовремя депешу об отмене роспуска Думы[58]. Баронесса желала, чтобы Гессен сообщил сведения об этом собравшимся в Выборге депутатам, призвавшим к пассивному сопротивлению властям, «полагая, что такое сведение может иметь влияние на предстоявшее принятию решение»[59]. Однако Гессен счел, что умиротворяющим это решение «во всяком случае быть не могло», и никаких мер для передачи ее сообщения в Выборг он не принял[60].

Приведенные свидетельства говорят о том, что фактически В. И. Икскуль хотя и не особо удачно, но пыталась исполнять роль связующего звена между представителями царской семьи и либеральной оппозицией. Этому способствовало личное знакомство баронессы не только с представителями оппозиции, но и с членами царской семьи. Так, она была хорошо знакома с вдовствующей императрицей Марией Федоровной[61], которая принимала ее у себя, в частности 27 февраля 1912 г.[62] Камер-фурьерские журналы свидетельствуют, что баронесса 8 октября 1915 г. была в Зимнем дворце у императрицы Александры Федоровны[63]. Александра Федоровна принимала баронессу 29 июня 1916 г. как почитательницу Г. Е. Распутина[64].

Примечательно весьма комплементарное свидетельство императрицы Александры Федоровны о В. И. Икскуль. 8 октября 1915 г. императрица писала Николаю II о встрече с баронессой: «…Я ее в первый раз видела, — и мы хорошо

---

55 *Сухотина-Толстая Т. Л.* Указ. соч. С. 386–387.

56 Там же. С. 287.

57 *Гессен И. В.* Жизненный отчет // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Берлин, 1937. Т. 22. С. 231.

58 Там же.

59 Там же. С. 232.

60 Там же.

61 Там же. Л. 15.

62 РГИА. Ф. 516. Оп. 1. Сд. оп. 219/2728. Д. 34. Л. 252.

63 Там же. Д. 41. Л. 212.

64 Последний временщик последнего царя // Вопросы истории. 1964. № 10. С. 129.

поговорили»[65]. Она подчеркивала, что баронесса «очень любит нашего Друга» (т. е. Распутина)[66].

Как видим, В. И. Икскуль, используя свои личные качества (обаяние, коммуникабельность), умела налаживать контакты как с членами царской семьи и высшими правительственными чиновниками, так и с представителями либеральной оппозиции, пыталась (хотя и не всегда успешно) примирить оппозицию с властью.

Особое место в политической деятельности В. И. Икскуль и ее салона занимают взаимоотношения с другом царской семьи Г. Е. Распутиным (Новых). Интерес к сибирскому «старцу» вполне логично вписывался в повальное увлечение тогдашней петербургской интеллигенцией богоискательством. К моменту знакомства баронессы с сибирским крестьянином она, судя по всему, уже успела охладеть к учению Л. Н. Толстого и, познакомившись со «старцем», поставила на письменный стол его портрет вместо портрета писателя.

Почитательница Распутина Мария (Муня) Головина описала первую встречу баронессы со «старцем»[67]. Распутин поинтересовался, почему у баронессы столько икон, сказав ей: «Я не думаю, что ты часто молишься, ты не умеешь молиться, но сердце твое доброе, и я не хочу видеть тебя с людьми твоего круга, никогда их не приглашай, когда я у тебя в гостях!» В. И. Икскуль ответила Г. Е. Распутину: «Ты должен познакомиться с некоторыми из них. Я им скажу, что ты не чудовище и не самозванец, как многие считают»[68]. После этой встречи баронесса стала всем расхваливать «старца» и даже посетила его родину, село Покровское»[69].

По словам лидера «Союза 17 октября» А. И. Гучкова, именно он, желавший «иметь объективную оценку, что это за явление», попросил баронессу познакомить его со «старцем»[70].

Статистик и публицист Г. П. Сазонов, очевидец событий, описал прием Распутина в салоне Икскуль. В один из праздников в ее доме на Петроградской стороне 30–40 человек слушали «старца», который «сосредоточенно расхаживал по комнате»[71].

Известный исследователь сектантства В. Д. Бонч-Бруевич, впоследствии управляющий делами Совета народных комиссаров, лично встречался со «старцем» в салоне В. И. Икскуль[72], проявив к его деятельности профессиональный интерес и выступив затем с сообщением о Распутине на заседании октябристской партии, опровергнув домыслы о принадлежности «старца» к секте хлыстов[73].

---

65 Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Пг., 1923. Т. 3. С. 401.

66 Там же.

67 Цит. по: *Боханов А. Н.* Правда о Григории Распутине. М., 2011. С. 216.

68 Там же. С. 216–217.

69 Там же. С. 217.

70 Александр Иванович Гучков рассказывает… Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 84.

71 Там же.

72 Александр Иванович Гучков рассказывает… С. 84–85.

73 *Гурко В. И.* Царь и Царица. Париж, 1927. С. 104–105.

Митрополит Евлогий в эмиграции свидетельствовал, что баронесса желала познакомить его с Распутиным, но тот категорически отказывался. Евлогий отмечал: «Она отзывалась о нем (Г. Е. Распутине. — *Д. С.*) без восхищения, а просто как о диковинке, которая ее забавляла. “Он вне условностей... Мы, здороваясь и прощаясь, — целуемся...” — и добавляла с наивностью: “В деревнях ведь все целуются...”»[74].

В современной историографии встречается точка зрения о том, что участники салона использовали Распутина в своих политических играх для борьбы с царской властью[75]. Вне всякого сомнения, среди таких участников был ненавистник «старца» А. И. Гучков. Однако сведений о политических интригах самой баронессы с участием Распутина нами не выявлено.

Итак, В. И. Икскуль являлась почитательницей Г. Е. Распутина, который сам, а также его поклонники (М. Головина, Г. П. Сазонов и др.) посещали ее салон. Баронесса познакомила «старца» с А. И. Гучковым и В. Д. Бонч-Бруевичем. На почве отношения к Григорию Ефимовичу у нее сложились хорошие отношения с императрицей Александрой Федоровной. Вместе с тем фактов, свидетельствующих о попытках Икскуль через Распутина оказывать политическое влияние, нами не выявлено.

Представим основные сведения о салоне В. И. Икскуль в виде таблицы:

Время существования	**Адреса**	**Участники**	**Круг вопросов**	**Источники**
1880-е гг. – 1917 г.	▪ Озерный пер., 12, ▪ Кирочная ул., 18 (с конца 1890-х гг.), ▪ Лопухинская ул., д. 4 (летние собрания)	И. Л. Горемыкин, И. В. Гессен, Г. И. Успенский, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, А. С. Суворин, Г. Е. Распутин и др.	▪ Критика литературных произведений, ▪ политические события, ▪ религиозная жизнь	РО ИРЛИ (Ф. 39. Д. 85, 234, 563, 1220; Ф. 313. Оп. 3. Д. 122; Оп. 4. Д. 69; Ф. 340. Оп. 1. Д. 68); РГАЛИ (Ф. 1208. Оп. 1. Д. 22); РГИА (Ф. 516. Оп. 1. Сд. оп. 219/2728. Д. 34)

После Октябрьской революции баронесса была выселена из своего дома, но благодаря ходатайству М. Горького ее удалось приютить в Доме искусств на Невском проспекте. В самом начале 1920-х гг. баронесса уехала в Финляндию, затем в Париж.

---

74 *Евлогий (Георгиевский),* митрополит. Указ. соч. С. 201.

75 *Фомин С. В.* Анна Вырубова и царская семья [Электронный ресурс] // Блог-платформа «Живой Журнал (LiveJournal)». URL: https://sergey-v-fomin.livejournal.com/383530.html (дата обращения: 14.03.2022).

Скончалась В. И. Икскуль 20 февраля 1928 г. в возрасте 77 лет[76]. По словам митрополита Евлогия, перед смертью баронесса исповедовалась и причастилась, при этом напутствовал ее сам Евлогий[77].

Л. С. Врангель свидетельствовала, что в эмиграции, в Париже, она решила навестить В. И. Икскуль «в огромной квартире у Этуаль», но «нашла Варвару Ивановну мертвой, лежащей на кровати». По словам мемуаристки, «ее лицо было также прекрасно, и маленькие ручки сжимали Распятие»[78]. На другой день, как отмечала Л. С. Врангель, П. Н. Милюков «поместил о ней свой трогательный, душевный некролог»[79].

В. И. Икскуль была похоронена на кладбище Батиньоль.

Заключение. Среди петербургских аристократических салонов конца XIX – начала XX в. салон баронессы Варвары Ивановны Икскуль фон Гильденбандт занимал особое место. Литературно-политические вечера, проходившие обычно по четвергам, посещали известные деятели культуры и политики, в том числе Г. И. Успенский, Н. М. Минский, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, А. С. Суворин, Г. Е. Распутин, И. Л. Горемыкин и др. Источники свидетельствуют об аморфности политических и религиозных убеждений баронессы. Имевшая репутацию либералки и сторонницы эмансипации женщин, Икскуль подчас приглашала на свои собрания и убежденных консерваторов. Известная как последовательница учения Л. Н. Толстого и жестко критиковавшая царское правительство, баронесса посредством ряда высших чиновников пыталась оказывать политическое влияние (защита толстовского учения, воспрепятствование царскому указу о роспуске Первой Государственной думы и др.), однако эти попытки не имели успеха.

Будучи яркой представительницей культуры Серебряного века, Икскуль увлекалась вопросами богоискательства — столь популярным в то время философско-религиозным движением в среде интеллигенции. В его русле следует рассматривать интерес баронессы к личности Г. Е. Распутина. В современной историографии встречается точка зрения о том, что участники салона использовали «старца» в своих политических играх для борьбы с царской властью. На наш взгляд, увлечение баронессы было вполне искренним и логично вписывалось в ее религиозно-философские представления.

Литература

1. Боханов А. Н. Правда о Григории Распутине. М.: Русский издательский центр, 2011. 608 с.

2. Гайда Ф. А. «Кабинет» князя Н. Д. Голицына и поиски политического курса зимой 1916–1917 гг. // Российская история. 2020. № 1. С. 75–90. DOI: 10.31857/S086956870008272-0

---

76 *Чуваков В. Н.* Указ. соч. С. 211.

77 *Евлогий (Георгиевский),* митрополит. Указ. соч. С. 201.

78 *Врангель Л.* Указ. соч. С. 72.

79 Там же. См.: *Некролог П. Н.* Милюкова // Последние новости. 1928. № 2526. 21 февраля.

3. Коростелев О. А. Круг Мережковских о Вл. Соловьеве до революции и в эмиграции // Соловьевские исследования. 2018. Вып. 3 (59). С. 74–86.

4. Корчикова С. Л. Из истории русской поэзии Серебряного века // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 1999. № 1. С. 238–244.

5. Котов А. Э. Консервативные публицисты на страницах дневника А. В. Богданович // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 10. С. 24–30.

6. Котов А. Э. «Ненадежный друг»: А. С. Суворин и салон Богдановичей в конце XIX в. // Российская история. 2020. № 1. С. 107–114. DOI: 10.31857/S086956870008278-6

7. Крайнюков П. Е. Петроградская община сестер милосердия им. генерал-адъютанта М. П. фон Кауфмана в событиях Первой мировой войны // Вестник национального медико-хирургического центра Н. И. Пирогова. 2017. Т. 12. № 1. С. 97–102.

8. Леонов М. М. Российские салоны второй половины XIX – начала XX вв.: патронат и протежирование. Самара: Изд-во СМИУ, 2010. 144 с.

9. Мамонов А. В. Граф М. Т. Лорис-Меликов и салон Богдановичей // Российская история. 2020. № 1. С. 101–107. DOI: 10.31857/S086956870008277-5

10. Розенталь И. С. Политические клубы, кружки, салоны // Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. 2. Власть. Общество. Культура. М.: Изд-во МГУ, 2012. С. 161–201.

11. Стогов Д. И. Литературно-политические салоны конца XIX – начала XX в. в истории Санкт-Петербурга // Университетские петербургские чтения / под ред. Ю. В. Кривошеева, М. В. Ходякова. СПб.: Знаменитые универсанты, 2003. С. 155–162.

12. Стогов Д. И. Правомонархические салоны Петербурга – Петрограда (конец XIX – начало XX в.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 312 с.

13. Стогов Д. И. Правые кружки Петрограда в предреволюционной политической борьбе (июль 1914 – февраль 1917 гг.). СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020. 281 с.

14. Сумбурова Е. И. Сестры милосердия Первой мировой войны: на материалах автодокументальных текстов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2019. Т. 1. № 2. С. 100–108.

15. Шруба М. К типологии литературных объединений в дореволюционной России // Рема. Rhema. 2020. № 4. С. 23–48. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-4-23-48

16. Яковлева Т. М. Коллекция открыток собирательницы В. П. Шнейдер // Иллюстративные коллекции Кунсткамеры / Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); [отв. ред. В. А. Прищепова]. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 378–389.

References

1. Bokhanov A. N. Pravda o Grigorii Rasputine [The truth about Grigory Rasputin]. Moscow: Russkii izdatel`skii tsentr, 2011. 608 s. (In Russ.).

2. Gaida F. A. «Kabinet» kniazia N. D. Golitsyna i poiski politicheskogo kursa zimoi 1916–1917 gg. [The “Cabinet” of Prince N. D. Golitsyn and the search for a political course in the winter of 1916–1917] // Rossiiskaia istoriia. 2020. № 1. P. 75–90. DOI: 10.31857/S086956870008272-0. (In Russ.).

3. Korostelev O. A. Krug Merezhkovskikh o Vl. Solov’eve do revoliutsii i v emigratsii [The Merezhkovsky circle about V. Solovyov before the revolution and in emigration] // Solov’evskie issledovaniia. 2018. Vyp. 3 (59). P. 74–86. (In Russ.).

4. Korchikova S. L. Iz istorii russkoi poezii Serebrianogo veka [From the history of Russian poetry of the Silver Age] // Gornyi informatsionno-analiticheskii biulleten` (nauchno-tekhnicheskii zhurnal). 1999. № 1. P. 238–244. (In Russ.).

5. Kotov A. E. Konservativnye publitsisty na stranitsakh dnevnika A. V. Bogdanovich [Conservative publicists on the pages of A. V. Bogdanovich's diary] // Sovremennaia nauka: aktual`nye problemy teorii i praktiki. Seriia: Gumanitarnye nauki. 2017. № 10. P. 24–30. (In Russ.).

6. Kotov A. E. «Nenadezhnyi drug»: A. S. Suvorin i salon Bogdanovichei v kontse XIX v. ["Unreliable friend": A. S. Suvorin and the Bogdanovich salon at the end of the XIX century] // Rossiiskaia istoriia. 2020. № 1. S. 107–114. DOI: 10.31857/S086956870008278-6. (In Russ.).

7. Krainiukov P. E. Petrogradskaia obshchina sester miloserdiia im. general-ad"iutanta M. P. fon Kaufmana v sobytiiakh Pervoi mirovoi voiny [Petrograd Community of Sisters of Mercy named after Adjutant General M. P. von Kaufman in the events of the First World War] // Vestnik natsional'nogo mediko-khirurgicheskogo tsentra N. I. Pirogova. 2017. T. 12. № 1. P. 97–102. (In Russ.).

8. Leonov M. M. Rossiiskie salony vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.: patronat i protezhirovanie [Russian salons of the second half of the XIX – early XX centuries: patronage and prosthetics]. Samara: Izdatel'stvo SMIU, 2010. 144 p. (In Russ.).

9. Mamonov A. V. Graf M. T. Loris-Melikov i salon Bogdanovichei [Count M. T. Loris-Melikov and the Bogdanovich salon] // Rossiiskaia istoriia. 2020. № 1. P. 101–107. DOI: 10.31857/S086956870008277-5. (In Russ.).

10. Rozental' I. S. Politicheskie kluby, kruzhki, salony [Political clubs, clubs, salons] // Ocherki russkoi kul`tury. Konets XIX – nachalo XX veka. T. 2. Vlast`. Obshchestvo. Kul`tura. Moscow: Izdatel`stvo MGU, 2012. P. 161–201. (In Russ.).

11. Stogov D. I. Literaturno-politicheskie salony kontsa XIX – nachala XX v. v istorii Sankt-Peterburga [Literary and political salons of the late XIX – early XX centuries in the history of St. Petersburg] // Universitetskie peterburgskie chteniia / pod redaktsiei Iu.V. Krivosheeva, M. V. Khodiakova. St. Petersburg: Znamenitye universanty, 2003. P. 155–162. (In Russ.).

12. Stogov D. I. Pravomonarkhicheskie salony Peterburga – Petrograda (konets XIX – nachalo XX v.) [Right monarchical salons of St. Petersburg – Petrograd (late XIX – early XX century)]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2007. 312 p. (In Russ.).

13. Stogov D. I. Pravye kruzhki Petrograda v predrevoliutsionnoi politicheskoi bor`be (iiul` 1914 – fevral` 1917 gg.) [The right circles of Petrograd in the pre-revolutionary political struggle (July 1914 – February 1917)]. St. Petersburg: Izdatel'stvo SPbGETU «LETI», 2020. 281 p. (In Russ.).

14. Sumburova E. I. Sestry miloserdiia Pervoi mirovoi voiny: na materialakh avtodokumental`nykh tekstov [Sisters of Mercy of the First World War: based on the materials of auto-documentary texts] // Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. 2019. T. 1. № 2. P. 100–108. (In Russ.).

15. Shruba M. K tipologii literaturnykh ob``edinenii v dorevoliutsionnoi Rossii [On the Typology of Literary Associations in Pre-Revolutionary Russia] // Rema. Rhema. 2020. № 4. P. 23–48. DOI: 10.31862/2500-2953-2020-4-23-48. (In Russ.).

16. Iakovleva T. M. Kollektsiia otkrytok sobiratel`nitsy V. P. Shneider [Collection of postcards of the collector V. P. Schneider] // Illiustrativnye kollektsii Kunstkamery / Ros. akad. nauk, Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera); [otv. red. V. A. Prishchepova]. St. Petersburg: MAE RAN, 2014. P. 378–389. (In Russ.).

УДК 94
DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.08

Рокки Энтони Карл

магистр исторических наук, магистр библиотековедения
Торонто, Канада
tony.rocchi@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ДВИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ

Аннотация. Формирование политических партий и движений по всему спектру в Российской империи явилось следствием европеизации политической жизни в пореформенной империи. Примерно 300 партий существовали в бывшей империи между 1880-ми и 1920-ми гг. Однако история российских политических партий сильно отличается от истории европейских партий и можно с уверенностью говорить об их особенном пути. Данная статья прослеживает элементы различия между российскими и европейскими партиями, а именно: последовательность организации партий в России и Европе и отношение российских партий к политическому террору как средству политической борьбы. Все партии, в том числе либеральные и консервативные, признавали полезность террора для продвижения и достижения своих политических целей. Через сравнительный подход к исследованию истории партий в России и Европе мы можем определить элементы российской самобытности. Существование политических партий и движений в России стало еще одной производной напряженных отношений между самодержавием и обществом. Все партии в разной степени были в оппозиции к существующему общественно-политическому строю. Однако парадоксально, что многие представители политических движений по всему спектру разделяли несогласие последнего царя и многих членов правительства на переход Российской империи к модели европейской либеральной государственности. В истории европейских революций этот отказ от европейских норм государственности и законности был беспрецедентным и значительно предопределял ход событий в истории думской монархии и в революции 1917–1922 гг.

Ключевые слова: российские политические партии, европейские политические партии, общеимперские партии, национальные партии.

© Рокки Э. К., 2022

UDC 94
DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.08

Rocky Anthony Karl

Master of Historical Sciences, Master of Library Sciences
Toronto, Canada
tony.rocchi@gmail.com

POLITICAL PARTIES AND MOVEMENTS IN THE RUSSIAN EMPIRE AND EUROPEAN COUNTRIES: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

Abstract. The formation of political parties and movements across the spectrum in the Russian Empire was a derivative of the Europeanization of political life in the post-reform empire. About 300 parties existed in the former empire between the 1880s and 1920s. However, the history of Russian parties strongly differs from the history of European parties and one can speak with certainty about the special path of the history of Russian political parties. This article examines the elements of difference between Russian and European parties. These elements of difference included: the sequence of organization of parties in Russia and Europe and the relationship of Russian parties to political terrorism as a form of political struggle. All parties, including liberals and conservatives, recognized the usefulness of terrorism for promoting and attaining their political goals. Through a comparative approach to the study of the history of parties in Russia and Europe, we can determine elements of Russian uniqueness. The existence of political parties and movements in Russia was one more example of the strained relationships between the autocracy and society. All parties in varying degrees were in opposition to the existing political-social order. However, paradoxically, many members of political movements across the spectrum shared an unacceptance with the last tsar and many members of the government of the possibility of the Russian Empire going over to a model of European liberal statehood. In the history of European revolutions, this rejection of European norms of statehood and legality was unprecedented and significantly shaped the course of events in the history of the Duma monarchy and the Revolution of 1917–1922.

***Keywords*:** political parties Russian Empire, European political parties, empire-wide parties, national parties.

Введение. Статья прослеживает элементы различия между политическими партиями и движениями в Российской империи и европейских странах. Формирование и развитие политических партий, главным образом в период царствования Николая II, явились следствием европеизации политической жизни в пореформенной империи. Примерно 300 партий существовали в бывшей империи между 1880-ми и 1920-ми гг. Мы можем с уверенностью говорить об особенном пути истории российских партий в общеевропейском историческом контексте.

Главные элементы различия между российскими и европейскими партиями включали последовательность организации партий в России и Европе

и отношение российских партий к политическому террору как средству политической борьбы. Все партии, в том числе либеральные и консервативные, признали полезность террора в достижении своих политических целей.

Политические партии и движения возникают при конкретных исторических условиях в отдельных странах и регионах. Период оформления политических партий в России при царствовании Николая II совпадал с массовой волной террора между 1901–1911 гг., Первой российской революцией 1905–1907 гг. и становлением думской монархии. Существование политических партий и движений в России стало еще одной производной напряженных отношений между самодержавием и обществом. Все партии в разной степени были в оппозиции к существующему общественно-политическому строю. Даже самые лояльные партии, особенно черносотенные, часто выступали за «революцию справа». Самодержавие всегда не доверяло всякой общественной инициативе, даже самых лояльных партий. Парадоксально, но многие представители политических движений по всему спектру разделяли несогласие последнего царя и правительства на переход Российской империи к модели европейской либеральной государственности. В истории европейских революций этот отказ от европейских норм государственности и законности был беспрецедентным и в значительной степени предопределил ход событий в истории думской монархии и революциях 1917 г.

В статье используется сравнительный подход (компаративистика), который только зарождается в России. Используя эту методологию, мы сможем определить элементы самобытности в истории российских политических партий.

Отечественная историография политических партий имеет долгую историю. Крупным достижением в дореволюционной историографии явился выход в 1909–1914 гг. четырехтомника «Общественное движение в России в начале XX века»[1]. Его составителями были главным образом меньшевики, но этот труд является исчерпывающим исследованием, показывающим этапы возникновения и развития всех партий и движений. В первые годы советской власти исследователи опубликовали много сборников документов и полемических работ о небольшевистких партиях. В 1930–1950 гг. исследование непролетарских партий оказалось под сталинским запретом.

В 1960-х гг. советские историки начали публиковать монографии о небольшевистских партиях. Однако при жестких идеологических рамках, исследования всегда старались доказывать закономерную победу большевиков в 1917 г. и закономерное поражение небольшевистских партий. Публиковались коллективные монографии обо всех партиях[2]. Ради справедливости необходимо заметить, что советские историки вводили многие ценные первоисточники в научный оборот. Наше знание о российских политических партиях

---

[1] Общественное движение в России в начале XX-го века: в 4 т. / под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. СПб., 1909–1914.

[2] Непролетарские партии России: Урок истории / под общ. ред. И. И. Минца. М., 1984. 566 с.

и движениях особенно расширилось после распада Советского Союза в 1991 г. Поток публикаций сборников партийных документов и монографии значительно увеличился. Крупным достижением постсоветской историографии стало издание в 1996 г. энциклопедии политических партий периода 1880–1920-х гг.[3]

Ход и результаты исследования. С конца XIX века политические партии и движения стали составной частью политической жизни России и европейских стран. Процесс организаций европейских политических партий в общем начался после поражения общеевропейских революций 1848–1849 гг. До этого времени существовали тайные общества, особенно среди либералов, социалистов и националистов, неформальные кружки политических деятелей, главным образом на местном уровне, масонские ложи, группы единомышленников в парламентах и других законодательных институтах. После начала процесса формирования партий существовали и легальные, и нелегальные партии. Кроме того, некоторые движения и партии, особенно анархисты всех толков, не принимали участия в выборах и парламентах.

В России такой процесс начался главным образом в царствование Николая II, хотя уже в 1880-х гг. на окраинах империи возникали политические партии, в том числе польская революционная партия «Пролетариат», основанная в 1882 г. Заметим, что историки никогда не считали «Народную волю», существовавшую между 1879–1894 гг., партией. Народники и народовольцы часто утверждали, что они были членами социально-революционной партии, но это выражение понималось лишь как совокупность приверженцев социалистических идеалов.

О размахе многопартийности в России можно судить по подсчетам российского исследователя В. В. Кривенького. В России конца XIX – начала XX в. номинально действовало около трехсот партий — общероссийских и национальных. Если до 1905 г. в стране возникло четыре общероссийских (общеимперских) и 47 региональных партий и движений, то к февралю 1917 г. их число уже составляло 45 общероссийских и 113 региональных партий и движений, с марта по октябрь 1917 г. возникло восемь общероссийских и 46 региональных партий и движений, а с конца 1917 по 1925 г. список российских политических партий пополнился еще семью общероссийскими и 76–79 региональными организациями, большинство которых тяготело к социалистической ориентации. Таким образом, в период с 1882 по 1925 г. в России функционировало 60 общероссийских и 228–231 национальных партий и движений[4]. Подсчеты не включают многочисленные организации и группы анархистов всех толков и маргинальные группы, главным образом левые и правые, без партийной принадлежности. Разные факторы затянули процесс формирования партий, в том числе неравномерное политическое пробуждение разных слоев.

---

[3] Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: энциклопедия. М., 1996.

[4] *Кривенький В. В.* Новые данные сравнительно-количественного анализа политических партий России // История национальных политических партий России: материалы Международ. конф. (Москва, 21–22 мая 1996 г.) / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 1997. С. 123–130.

Трудно подчитать число политических партий в Европе до Первой мировой войны. Можно найти монографии о политических партиях в отдельных странах, но почти невозможно найти даже справочные работы о партиях, кроме левых, в общеевропейском масштабе. Однако вполне доступны электронные справочные материалы об исторических партиях[5].

Слово «партия» происходит от латинского partis — «часть». Что же такое политическая партия? Современные российские авторы утверждают, что это «организация политического характера… выражает интересы определенного класса или социального слоя, объединяя наиболее активных его представителей в борьбе за достижение поставленных целей. Главная цель партии — завоевание власти»[6].

Такие дефиниции описывают идеальное положение дел для политических партий, особенно когда речь идет об условиях нелегальности для большинства партий в Российской империи. Подчеркнем также, что не все партии идентифицировали себя таким образом. Например, нацистские, фашистские и другие подобные партии предпочитали называться движениями. Партия могла представлять лишь часть социума и, следовательно, была источником раздора и расколов в нации. Движение, наоборот, может представлять все части социума, способно покончить с раздорами и положить начало возрождению сплоченной нации. Анархисты предпочитали называть свои организации движениями потому, что они считали все партии, даже социалистические, составными частями продажной социально-политической системы, заслуживающей уничтожения.

Советские исследователи использовали строгий классовый подход к дефиниции партий. Историк Л. М. Спирин подчеркивал, что политические партии возникли в Европе на этапе капиталистической формации и давал следующее определение: «Политическая партия — это соответствующим образом оформленная организация самой активной части класса (или слоя класса), которая ставит своей целью ведение политической борьбы за интересы данного класса (или слоя) и наиболее последовательно их выражает и защищает»[7]. Спирин признался, что интеллигенция часто организует партии для разных классовых слоев и добавил, что часто люди ошибочно вступают в партии «чужих» классов, не представляющие их действительные интересы. По мнению Спирина, в дореволюционной России существовали четыре группы партий: помещичьи, буржуазные, мелкобуржуазные и пролетарские (т. е. большевики).

---

[5] Сайт World Statesmen.org включает списки правительств, правителей и политических партий всех стран и регионов в Европе и бывшем Советском Союзе. URL: https://www.worldstatesmen.org/EUROPE.html; https://www.worldstatesmen.org/ASIA.html; https://www.worldstatesmen.org/COLONIES.html. Бесплатная электронная энциклопедия «Википедия» тоже имеет раздел по отдельным странам о европейских политических партиях, прекративших свое существование: Wikipedia. Category: Defunct political parties in Europe. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Category:Defunct_political_parties_in_Europe

[6] Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 5.

[7] Непролетарские партии России... С. 4.

Дореволюционные партии составляли три партийно-политических лагеря: правительственный, либерально-оппозиционный, революционно-демократический[8].

Такой классовый подход чересчур схематичен и игнорирует сложности партийной истории. Постсоветская энциклопедия «Политические партии России» подчеркивает, что нет и не может быть чисто классовых партий даже если партия провозглашает, что она представляет интересы определенного класса или слоя. Характерной чертой российской многопартийности авторы энциклопедии считают то, что ее творцом и главным действующим лицом являлась интеллигенция. Поэтому как общероссийские, так и национальные партии можно считать организациями интеллигентского типа». Все партии использовали идеологические модели преобразования общества и такие модели влияли на партийные программы, организационные структуры и тактику[9]. Это еще раз доказывает, что возникновение партий в России стало еще одной производной напряженных отношений между самодержавием и обществом.

Партии представляли общество — совокупность политически сознательных людей. Заметим, что рядом с партиями существовали массовые народные протестные движения, особенно в период революции 1905–1907 гг.[10] Социальную базу российских политических партий составляли представители различных профессиональных слоев (в том числе и интеллигенции), студенчества, а также участники общественных организаций.

Самое большое различие между российскими и европейскими партиями проявляется в последовательности организации партий. Формирование политических партий и движений в европейских странах обычно шло стандартным путем. Первыми формировались либеральные партии, выступившие за продолжение экономического прогресса и расширение политических свобод. Вслед за либералами обычно, но не всегда, создавались консервативные партии, ратовавшие за медленный прогресс и сохранение наилучших традиций прошлого. Были также реакционные партии, стремившиеся к сохранению монархических, церковных и сословных привилегий. Потом формировались социалистические, социал-демократические и другие рабочие партии, выступившие за экономическое преобразование общества и ликвидацию капитализма. Многие из левых партий стали членами Социалистического (Второго) Интернационала, организованного в 1889 г.

Создавались и крестьянские партии наряду с аграрными партиями землевладельцев. Националистические партии по всему политическому спектру обычно выступали за автономию или независимость этнических групп

---

[8] Непролетарские партии России... С. 8.

[9] Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. С. 6.

[10] *Иванов А. Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991.; *Лейкина-Свирская В. Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981.; *Ее же.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971.; Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. М., 2011.

(в многонациональной Австро-Венгерской империи также возникали партии господствующих немецкой и венгерской наций). В Австро-Венгрии социалистические, крестьянские, либеральные и консервативные партии часто создавались по этническому принципу. В Османской империи доминировали партии, созданные по этноконфессиональному принципу. Региональные партии в Европе выступали за права регионов внутри государств, конфессиональные партии старались защищать интересы религиозных общин, женские и молодежные общественно-политические движения требовали изменения социальных отношений внутри государства и общества, анархические группы ратовали за замену государства свободной ассоциацией общин. В конце этой очереди стояли крайне правые популистские партии, выступившие против либерализма и социализма, а также против традиционных консервативных партий. Такие партии часто называются партиями политического антисемитизма, потому они часто обвиняли евреев в создании капитализма, либерализма и социализма. Хотя эти партии привлекали мало приверженцев, они стали предшественниками фашистских, нацистских и подобных им партий и движений в новых условиях после Первой мировой войны. Кроме того, существовали синкретические движения, сочетавшие правые и левые элементы[11].

Последовательность организации политических партий в России существенно отличалась от европейских стран (за исключением Австро-Венгерской империи). В России были и общеимперские (общероссийские), и национальные партии. Уже в 1880-х гг. на окраинах возникли национальные партии. В 1893 г. некоторые социалисты и либералы организовали «Партию народного права», чтобы соединять все оппозиционные элементы для достижения политической свободы. Партия была разгромлена через год. Организация партии совпадала с последними попытками восстановить «Народную волю».

Первыми в России институализировались социалистические партии. В 1898 г. возникла Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП), но практически сразу, на II съезде партии в 1903 г. она раскололась на большевистскую и меньшевистскую фракции, правда, разрыв этот стал окончательным только в 1917 г. Потом возникла в 1901 г. неонародническая Партия социалистов-революционеров (эсеры), наследница «Народной воли», но с сильным влиянием марксизма. Только в 1905 г. сформировалась из разных либеральных организаций («Союз земцев-конституционалистов», «Союз освобождения», «Союз союзов») главная либеральная партия — Конституционно-демократическая партия (кадеты), или Партия народной свободы (ПНС). Консерваторы и умеренные либералы организовали «Союз 17 октября»: октябристы приняли Октябрьский манифест как исходный пункт

---

[11] *Рокки Т.* Революция справа: российское черносотенство и его место в истории общеевропейских крайне правых партий и движений // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 1. С. 53.

для совместной работы с правительством. Наконец, в конце 1905 г. произошла организация массового крайне правого популистского «Союза русского народа» (СРН) (заметим, что элитарное «Русское собрание» возникло в январе 1901 г.). До Первой мировой войны СРН был не только самой многочисленной партией в России[12], но и самой большой крайне правой популистской партией в Европе. Существовали и другие черносотенные организации, а также русские правые националистические партии.

Многие партии и группировки занимали промежуточные позиции между черносотенцами и октябристами, октябристами и кадетами, кадетами и социалистами. Имелись анархистские движения разных направлений: анархисты-коммунисты, анархисты-синдикалисты, анархисты-индивидуалисты и т. д. Заметим, что анархические политические движения сильно отличались от своеобразного крестьянского монархического анархизма. Все попытки организовать общеимперские анархические федерации потерпели неудачу из-за неприятия идейными анархистами самого принципа централизации.

Кадеты, октябристы, эсеры, народные социалисты (энесы), союз эсеров-максималистов (обе партии откололись от эсеров в 1906 г.), большевики, меньшевики и «Союз русского народа» были общероссийскими партиями. Параллельно с ними существовали и десятки национальных партий среди национальных меньшинств. Эти партии были преимущественно либерального, народнического и марксистского направлений (консервативные и даже реакционные национальные партии существовали только среди поляков и немцев). Они часто вступали в блоки с кадетами, эсерами и эсдеками, выдвигали требования об автономии, или независимости. Правые партии, как «Союз русского народа», «Русское собрание» и другие, представляли интересы православно-националистически настроенных сторонников монархии и периодически (не без давления правительства) пытались вступить в блок с «Союзом 17 октября»[13]. Кроме того, в русских и этнически смешанных краях, особенно в Сибири существовали региональные партии и движения, выступающие за автономию и охватывающие весь политический спектр. Очень важно отметить, что национальные партии, особенно среди поляков, евреев, финнов, армян и прибалтийских народов, формировались до возникновения общероссийских либеральных и социалистических партий и до возникновения черносотенных и других русских националистических партий и движений. Существовали также конфессиональные партии по всему политическому спектру, представлявшие интересы людей разных вероисповеданий, не только религиозных меньшинств, но и православных. Мусульманские партии обычно были многонациональными, хотя встречались и моноэтнические. Еврейские

---

[12] *Омельянчук И. В.* Монархисты в 1905–1917 гг.: от триумфа к катастрофе // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 3.

[13] *Омельянчук И. В.* Правые партии и П. А. Столыпин // Российская история. 2012. № 2. С. 63, 67.

партии включали сионистские партии разных толков, а также представляли нерелигиозных евреев. Конфессиональные партии всех вероисповеданий часто вступали в блоки с общеимперскими партиями.

Отношения между общеимперскими и национальными партиями имели свои сложности. Многие представители нерусских народов являлись членами общеимперских партий. Представители же общеимперских социалистических партий порой выражали сомнения в приверженности национальных социалистических партий идеям социализма[14].

Несмотря на пестроту партий в дореволюционной России, их организационная структура сильно отличались от европейских партий. В условиях свободы в европейских странах партии могли развивать широкие сети аффилированных организаций — профессиональных, культурных, спортивных и т. п. В российских условиях нелегальности или полулегальности для подавляющего большинства политических организаций политические партии обычно были аморфными организациями с элементами кружковщины. Легальные партии, как, например, «Союз русского народа», действительно были конгломератами многих автономных организаций и трудно подсчитать действительную численность их членов[15]. Имели место многочисленные конфликты внутри партий, например между правыми и левыми кадетами и между различными направлениями в партии эсеров.

В отличие от европейских российские партии, особенно левые, имели заграничные штабы и приверженцев в диаспорных общинах Европы и Америки. Историки часто сосредоточивают внимание на размежевании и конфликтах партийных руководителей в эмиграции и не обращают внимания на частное сотрудничество рядовых членов партий в России для организации революционной деятельности, в том числе и терактов[16].

Уже отмечалось, что партии стали производной напряженных отношений между самодержавием и обществом. Постоянное правительственное недоверие ко всяким общественным инициативам, даже от самых лояльных партий, обостряло эту напряженность. Как предположил американский историк Дж. Дэйли, самодержавие не особо активно искало сторонников среди различных политических группировок: «Императорское правительство выжидало и не требовало большей надежности от российских подданных. Правительство хотело полагаться на них, чтобы не заниматься деятельностью, вредной для интересов государства, но не ожидало, что их подданные будут оказывать активную поддержку государству. Они были свободны придерживаться своего мнения, расходящегося с интересами правительства, возможно, даже выразить эти мнения в какой-то завуалированной или умеренной форме,

---

[14] *Рокки Т.* Революция справа... С. 53–54.

[15] *Степанов С. А.* Черная сотня: что они сделали для величия России. М., 2013. С. 179–184.

[16] *Melancon M.* “Marching Together!”: Left bloc activities in the Russian revolutionary movement, 1900 to February 1917 // Slavic Review. 1990. Vol. 49. Iss. 2. P. 239–252.

но они не должны были произносить их громко или решительно. Одним словом, просто вера была достаточна. В отличие от этого, многие русские революционеры, а затем Советское правительство ожидали, а в некоторых случаях, требовали поддержки»[17]. В отличие от самодержавия европейские правительства мобилизовали все возможные институты: школьную систему, средства массовой информации, военную службу, чтобы жители стали гражданами с сознанием своих прав и ответственности перед государством и обществом.

Особенную остроту в отношениях между правительством и партиями приобретал вопрос допустимости политического террора как средства борьбы. По статистике, приведенной американской исследовательницей А. Гейфман, между 1901 и 1911 гг. левые террористы совершили тысячи терактов, во время которых было убито или ранено примерно 17 000 людей. Подавляющее большинство терактов было совершено в период с октября 1905 г. по сентябрь 1911 г.[18] Благодаря существованию партий террористы могли развивать свою организационную, техническую, финансовую и пропагандистскую инфраструктуру, а также получать большую поддержку от сочувствующих.

С 1905 по 1911 г. представители многих левых партий и движений совершали теракты: всероссийские партии, в том числе социалисты-революционеры, отколовшиеся от них эсеры-максималисты, анархисты всех течений; социал-демократы — и большевики, и меньшевики, — несмотря на громкую критику индивидуального терроризма Г. В. Плехановым, В. И. Засулич, Ю. О. Мартовым и В. И. Лениным, национальные социалистические и народнические партии. Имели место также и теракты, совершаемые боевыми дружинами из «Союза русского народа» и других черносотенных организаций[19]. Масштабность террора заставляла все партии и движения определять свое отношение к этому насильственному средству политической борьбы.

Умеренные социалисты, как и народные социалисты и фракция трудовиков в Государственной думе, не участвовали в терроре, но и не осуждали его. Либералы, особенно из партии кадетов, поддерживали левый террор, чтобы принудить правительство пойти на уступки — дарование политической свободы и конституции. Однако кадеты и другие либералы осудили правый террор и обвиняли самодержавие в жестокой репрессивной политике против благонамеренных, хоть и наивных представителей революционного лагеря. Лишь либерально-консервативный «Союз 17 октября» осудил и левый, и правый террор по нравственным соображениям. Партии, занимающие серединную линию между октябристами и кадетами, имели различные мнения о левом

---

17 *Daly Jonathan W.* Autocracy under siege: Security police a. opposition in Russia, 1866–1905. Dekalb, 1998. P. 260.

18 *Geifman A.* Thou shalt kill: Revolutionary terrorism in Russia, 1894–1917. Princeton (N. J.), 1993. P. 21.

19 *Омельянчук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914 гг.): автореф. дис. … д-ра ист. наук. Воронеж, 2006. С. 41.

терроре. То же самое можно сказать о многих консервативных и либеральных национальных партиях. Правые и русские националистические партии осудили революционный террор. Примечательно, что и теракты черносотенных боевых дружин, а также стихийные погромы не получили однозначной поддержки консерваторов. Ведь для последних каждый акт насилия являлся нарушением порядка и первым шагом к уничтожению существующего общественно-политического строя[20].

Волна террора между 1901–1911 гг. была продолжением первой волны, проводимой главным образом «Народной волей» в 1878–1894 гг. Обе волны российского террора, в общем, совпадали с европейской «эпохой динамита» 1870–1914 гг. В то время теракты, совершаемые в основном анархистами и националистами, уносили жизни монархов, президентов, других государственных деятелей, а также многих простых людей. Российская страница «эпохи динамита» сильно отличалась от общеевропейских тенденций не только количеством жертв, но и числом партий и движений, принимавших участие в терроре или поддержавших насильственные средства политической борьбы.

Можно охарактеризовать вторую волну террора как очень многолюдное и многопартийное игровое поле участников, сторонников и противников. Все партии и движения (за исключением части консерваторов) признали полезность террора для продвижения и достижения своих политических целей. Такое явление не имело эквивалентов в истории европейского и мирового террора с конца XIX в. и вплоть до наших дней.

Заключение. Политические партии и движения возникают в конкретных исторических условиях в отдельных странах и регионах, и Российская империя не стала исключением из правил. Возникновение партий в России явилось одним из следствий европеизации политической жизни в пореформенной империи. А причиной их возникновения можно считать существование весьма напряженных отношений между самодержавием и обществом. Однако российские партии сильно отличались от европейских аналогов, в особенности последовательностью возникновения и отношением к допустимости политического террора. Все партии, в том числе большевистская, являлись интеллигентскими движениями. Кроме того, подавляющее большинство партий было в разной степени в оппозиции к правительству. Неудивительно, что самодержавие не особенно доверяло общественным инициативам.

Широкий спектр партий и движений отражал долгосрочные общественные конфликты, существовавшие в России. Отмена крепостного права в 1861 г. положила начало великому переходу России от доиндустриального порядка к индустриальному веку, который к этому времени уже осуществился в Европе.

---

[20] *Рокки Т.* Европейская «Эпоха динамита» и политический терроризм в Российской империи: уроки истории // Мир оружия: история, герои, коллекции: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (Тула, 16–18 октября 2019 г.). Тула, 2020. С. 414.

Этот переход, как в Европе, так и в России, был периодом серьезных экономических потрясений и общественно-политических кризисов, сопровождавшихся массовой социальной фрустрацией населения. Причинами последней стали распад доиндустриальных политических и социальных отношений и кризис системы ценностей. В России отмена крепостного права сломала фундамент доиндустриального порядка и положила начало разложению других традиционных отношений и ценностей. В этот период в России имели место острые конфликты между разными слоями по сословным, классовым, национальным, религиозным, региональным, возрастным, гендерным и другим линиям. Пореформенный период в России был, как выразился французский историк Ф. Бродель, une longe duree — долгосрочным периодом медленного накопления великих перемен[21].

Перед самодержавием и обществом стоял вопрос: будет ли Россия европейским государством или пойдет своим особым путем? Манифест 17 октября 1905 г. даровал Государственную думу и политические свободы, превратил самодержавный государственный строй в «полусамодержавный», «полуконституционный» строй и сблизил Россию со многими европейскими государствами. Однако на пути дальнейшего конституционного развития России встало несогласие правительственной бюрократии, части партийного спектра и даже самого императора Николая II, собственно, и даровавшего Манифест 17 октября, на движение Российской империи к модели европейской либеральной государственности и законности. Этот всеобщий отказ не имел аналогов в истории европейских революций[22].

Все небольшевистские партии и движения прекратили свое существенное в СССР или были ликвидированы органами безопасности в 1920-х гг. Многие продолжали действовать в эмиграции параллельно с новыми эмигрантскими движениями. Начиная с дореволюционных лет и вплоть до наших дней в изучении политических партий имеют место быть элементы мифотворчества, особенно идеализации и демонизации различных партий и течений. Требуется большая кропотливая работа по всестороннему исследованию российских партий и по определению их места и значения в истории европейских политических партий.

Литература

1. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века / Академия наук СССР, Институт истории СССР. М., 1991. 392 с.

2. Кривенький В. В. Новые данные сравнительно-количественного анализа политических партий России // История национальных политических партий России: материалы Междунар. конф. (Москва, 21–22 мая 1996 г.) / отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1997. С. 123–130.

3. Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М.: Мысль, 1971. 366 с.

---

[21] *Рокки Т.* Революция справа… С. 53.

[22] Там же. С. 51–52.

4. Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М.: Мысль, 1981. 287 с.

5. Непролетарские партии России: Урок истории / под общ. ред. И. И. Минца. М.: Мысль, 1984. 566 с.

6. Омельянчук И. В. Монархисты в 1905–1917 гг.: от триумфа к катастрофе // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 3–21.

7. Омельянчук И. В. Правые партии и П. А. Столыпин // Российская история. 2012. № 2. С. 62–76.

8. Омельянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914 гг.): автореф. дис. … д-ра ист. наук. Воронеж, 2006. 46 с.

9. Общественное движение в России в начале XX-го века: в 4 т. / под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1909–1914.

10. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996. 872 с.

11. Политические партии России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2000. 631 с.

12. Рокки Т. Европейская «Эпоха динамита» и политический терроризм в Российской империи: уроки истории // Мир оружия: история, герои, коллекции: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (Тула, 16–18 октября 2019 г.). Тула, 2020. С. 412–421.

13. Рокки Т. Революция справа: российское черносотенство и его место в истории общеевропейских крайне правых партий и движений // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 1. С. 47–64.

14. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. М.: РОССПЭН, 2011. 886 с.

15. Степанов С. А. Черная сотня: что они сделали для величия России. М.: Яуза-пресс, 2013. 669 с.

16. Daly Jonathan W. Autocracy under siege: Security police a. opposition in Russia, 1866–1905. Dekalb: Northern Illinois univ. press, 1998. 260 p.

17. Geifman A. Thou shalt kill: Revolutionary terrorism in Russia, 1894–1917. Princeton (N. J.): Princeton univ. press, Cop., 1993. 376 p.

18. Melancon M. “Marching Together!”: Left bloc activities in the Russian revolutionary movement, 1900 to February 1917 // Slavic Review. 1990. Vol. 49. Iss. 2. P. 239–252.

References

1. Ivanov A. E. Vysshaia shkola Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [Higher school of Russia in the late XIX – early XX century] / Akademiia nauk SSSR, Institut istorii SSSR. Moscow, 1991. 392 p. (In Russ.).

2. Kriven’kij V. V. Novye dannye sravnitel’no-kolichestvennogo analiza politicheskikh partii Rossii [New data of comparative quantitative analysis of political parties in Russia] // Istoriia natsional’nykh politicheskikh partii Rossii: materialy mezhdunarodnoi konferentsii (Moskva, 21–22 maia 1996 g.) / otv. red. V. V. Shelokhaev. Moscow: ROSSPEN, 1997. P. 123–130. (In Russ.).

3. Leikina-Svirskaia V. R. Intelligentsiia v Rossii vo vtoroi polovine XIX veka [Intelligentsia in Russia in the second half of the XIX century]. Moscow: Mysl`, 1971. 366 p. (In Russ.).

4. Leikina-Svirskaia V. R. Russkaia intelligentsiia v 1900–1917 godakh [The Russian intelligentsia in 1900–1917]. Moscow: Mysl', 1981. 287 p. (In Russ.).

5. Neproletarskie partii Rossii: Urok istorii [Non-proletarian parties of Russia: A history lesson] / pod obshch. red. I. I. Mintsa. Moscow: Mysl', 1984. 566 p. (In Russ.).

6. Omel'yanchuk I. V. Monarkhisty v 1905–1917 gg.: ot triumfa k katastrofe [Monarchists in 1905–1917: from triumph to catastrophe] // Voprosy istorii. 2017. № 7. P. 3–21. (In Russ.).

7. Omel'yanchuk I. V. Pravyye partii i P. A. Stolypin [Right parties and P. A. Stolypin] // Rossiyskaya istoriya. 2012. № 2. P. 62–76. (In Russ.).

8. Omel'yanchuk I. V. Chernosotennoye dvizheniye v Rossiyskoy imperii (1901–1914 gg.) [The Black Hundred movement in the Russian Empire (1901–1914)]: avtoref. dis. … d-ra ist. nauk. Voronezh, 2006. 46 p. (In Russ.).

9. Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale XX-go veka [Social movement in Russia at the beginning of the XXth century] / pod red. L. Martova, P. Maslova i A. Potresova. St. Petersburg: Tip. t-va «Obshchestv. pol`za», 1909–1914. (In Russ.).

10. Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – pervaia tret` XX veka: entsiklopediia [Political parties of Russia. The end of the XIX – the first third of the XX century. Encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN, 1996. 872 p. (In Russ.).

11. Politicheskie partii Rossii: istoriia i sovremennost` [Political parties of Russia: History and modernity]. Moscow: ROSSPEN, 2000. 631 p. (In Russ.).

12. Rokki T. Evropeiskaia «Epokha dinamita» i politicheskii terrorizm v Rossiiskoi imperii: uroki istorii [The European "Dynamite Era" and political terrorism in the Russian Empire: History lessons] // Mir oruzhiia: istoriia, geroi, kollektsii: sb. materialov VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Tula, 16–18 oktiabria 2019 g.). Tula, 2020. P. 412–421. (In Russ.).

13. Rokki T. Revoliutsiia sprava: rossiiskoe chernosotenstvo i ego mesto v istorii obshcheevropeiskikh kraine pravykh partii i dvizhenii [Revolution on the right: the Russian Black Hundreds and its place in the history of pan-European far-right parties and movements] // Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'. 2018. Vol. 10. № 1. P. 47–64. (In Russ.).

14. Samoorganizatsiia rossiiskoi obshchestvennosti v poslednei treti XVIII – nachale XX v. [Self-organization of the Russian public in the last third of the XVIII – early XX century]. Moscow: ROSSPEN, 2011. 886 p. (In Russ.).

15. Stepanov S. A. Chernaia sotnia: chto oni sdelali dlia velichiia Rossii [The black Hundred: what they did for the greatness of Russia]. M.: Iauza-press, 2013. 669 s. (In Russ.)

16. Daly Jonathan W. Autocracy under siege: Security police a. opposition in Russia, 1866–1905. Dekalb: Northern Illinois univ. press, 1998. 260 p.

17. Geifman A. Thou shalt kill: Revolutionary terrorism in Russia, 1894–1917. Princeton (N. J.): Princeton univ. press, Cop., 1993. 376 p.

18. Melancon M. "Marching Together!": Left bloc activities in the Russian revolutionary movement, 1900 to February 1917 // Slavic Review. 1990. Vol. 49. Iss. 2. P. 239–252.

УДК 94 (470) “1918”
DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.09

Холяев Сергей Владимирович

кандидат исторических наук, доцент
Ярославский государственный технический университет
Ярославль, Россия
holyaevsv@ystu.ru; ORCID:0000-0002-4148-2929

КОНДОТЬЕРЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (БЫЛО ЛИ ЯРОСЛАВСКОЕ ВОССТАНИЕ 1918 ГОДА БЕЛОГВАРДЕЙСКИМ?)

Аннотация. Рассматривается комплекс событий, связанных с причинами организации в Ярославле летом 1918 г. антибольшевистского восстания (мятежа). Сложилось устойчивое мнение о том, что мятеж, произошедший в Ярославле, являлся белогвардейским. Имеются объективные основания для такого утверждения, так как руководители восстания имели определенную поддержку лидеров Белого движения Л. Г. Корнилова и М. В. Алексеева, а повстанческие силы претендовали на статус Северной добровольческой армии. Но в реальности восставшие скорее выражали волю противостоявших белым социалистов, так называемой демократической контрреволюции, т. е. эсеров и меньшевиков. Ярославский мятеж представлял собой логическое продолжение разрушительных февральских процессов, едва не приведших к гибели России. «Союз защиты Родины и свободы», которым руководил бывший эсер Б. В. Савинков, полностью ориентировался на союзников и проливал русскую кровь ради интересов «союзников» только для того, чтобы они могли продолжить на территории страны уже ненужную России после Февраля Первую мировую войну. Офицеры, осуществлявшие боевую часть восстания в данной организации, были не его руководящими лицами, а исключительно наемниками, добровольно согласившимися на эту роль по предложению политиков, того же Савинкова и посла Франции Ж. Нуланса, по сути став кондотьерами русской революции. Делается вывод, что ярославский мятеж являлся, конечно, офицерским, но при этом вовсе не белогвардейским, так как был завязан на интересах тех сил в антибольшевистском лагере, которые в ходе Гражданской войны противодействовали Белому движению.

Ключевые слова: 1918, Ярославль, Белое движение, эсеры, союзники, большевики, «Союз защиты Родины и свободы», кондотьеры, Б. В. Савинков, Ж. Нуланс.

© Холяев С. В., 2022

UDC 94 (470) “1918”
DOI – 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.09

Kholyaev Sergey V.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Yaroslavl State Technical University
Yaroslavl, Russia
holyaevsv@ystu.ru; ORCID: 0000-0002-4148-2929

CONGRELAE OF THE RUSSIAN REVOLUTION (WAS THE YAROSLAVL UPRISING OF 1918 WHITE GUARD?)

Abstract. A complex of events related to the reasons of the organization in Yaroslavl in the summer of 1918 of the Anti-Bolshevik uprising (rebellion) is considered. There was a sustained view that the rebellion that occurred in Yaroslavl was White Guard. There are objective grounds for such an approval, as the leaders of the uprising had a certain support for the leaders of White Motion L. G. Kornilova and M. V. Alekseeva, and the rebel forces claimed the status of the northern volunteer army. But in reality, the rebels rather expressed the will of those opposed by white socialists, the so-called democratic counter-revolution, that is, Serc and Mensheviks. Yaroslavsky rebellion represented a logical continuation of the devastating February processes, almost those who did not lead to the death of Russia. Union of protection of the Motherland and Freedom, who led the former Ester B. V. Savinkov, fully focused on the allies, and shed Russian blood for the interests of the “allies” only so that they can continue on the territory of the country already unnecessary Russia after February the first world war. The officers who carried out the combat part of the uprising in this organization were not his senior persons, but exclusively mercenaries, voluntarily hired by politicians, the same Savinkov and Ambassador of France Zh. Nulans, in fact, by the kingdom of the Russian revolution. It is concluded that the Yaroslavl rebellion was, of course, the officer, but at the same time not by White Guard, as it was tied to the interests of those forces in the Anti-Bolshevik camp, which during the Civil War opposed white movement.

Keywords: 1918, Yaroslavl, White movement, esters, allies, Bolsheviks, Union of protection of the Motherland and Freedom, Congrelae, B. V. Savinkov, Zh. Nulans.

Введение. Уже много лет занимаясь исследованием политических процессов начала XX в. и живя в Ярославле, автор статьи ни разу не обращался к тематике ярославского восстания, состоявшегося летом 1918 года. Но обойти эту тему совсем просто невозможно. Трудно отрицать, что Ярославское восстание (или, по советской терминологии, мятеж) вышло за рамки регионального события, став полновесной частью общероссийской Гражданской войны. Но его возможности кардинально изменить ход противостояния также были ограничены — мешала близость к центру, Москве. Поэтому попытки изобразить восстание как возможный, пусть и потенциально, поворот в разворачивающейся братоубийственной войне, явно преувеличены.

Известный в Ярославле профессор ЯГПУ Е. А. Ермолин создает картину морального торжества восставших. «Ярославль в 18-м году стал тем перекрестком, той трагической сценой, где на много лет вперед решались судьбы не только жителей города, но и России, и мировой цивилизации Запада… В Ярославле был положен великий почин российского демократического сопротивления самочинной диктатуре, которая за полгода перед тем пренебрегла народным волеизъявлением, разогнав Учредительное собрание и узурпировав власть в стране»[1].

Преувеличение моральных факторов скрывает военно-техническую невозможность победы повстанцев. К лету 1918 г. советская власть достигла достаточной устойчивости для отражения восстания в центре страны. Но будь Ярославское восстание и не одиночным — целый ряд готовившихся параллельно выступлений в других городах (Рыбинск, Муром) был подавлен в самом зародыше, — ситуация для восставших все равно складывалась бы непросто. Слабо помогло и начавшееся одновременно в Москве выступление левых эсеров, поскольку оно происходило с другой стороны — внутри правительственного лагеря. Противостоять большевикам внутренними силами оппозиции было крайне сложно.

Другим общим местом относительно Ярославского восстания стало признание его белогвардейским[2]. Если отбросить большевистскую оценку событий, происходивших летом 1918 г. в городе на Волге, сразу же названных белогвардейским мятежом, то и тогда данный подход видится внешне оправданным. Б. В. Савинков, как будущий организатор восстания, прибыл с Дона от вождя Добровольческой армии на юге России Л. Г. Корнилова и вошел в доверие к генералу М. В. Алексееву. Помогли Савинкову личные контакты с Корниловым, установленные в августе 1917 г., когда, занимая пост управляющего военным министерством, он пытался объединить действия генерала с тогдашним премьером А. Ф. Керенским[3]. Генерал Алексеев в январе 1918 г. поручил бывшему террористу организовать сопротивление большевикам в Москве. В Москве к тому времени наиболее подготовленной организацией для данной цели представлялся «Союз защиты Родины и свободы». В Москве и других провинциальных городах Союз, по примеру юга, стал создавать структуру, названную Северной добровольческой армией. Командовать ею, по прямому распоряжению Алексеева, стал все тот же Савинков[4].

Так что, «белое» происхождение ярославских повстанцев сомнений вызывать не должно? Но все ли так однозначно и на что рассчитывали те, кто готовил восстание в Верхнем Поволжье? Ответу на эти два взаимосвязанных вопроса и посвящена данная статья.

---

1 *Ермолин Е. А.* За свободу и веру // Северный край (Ярославль). 2003. 5 июля. № 118 (23955).

2 Ярославское восстание. 1918 / под общ. ред. А. Н. Яковлева; сост. Е. А. Ермолин, В. Н. Козляков. М., 2007. С. 28, 33–34.

3 *Федюк В. П.* Керенский. М., 2009. С. 254.

4 *Соловьев Е. А.* Расстрелянный Ярославль: историческая панорама трагедии города на Волге. Июль 1918: к 100-летию Ярославского восстания. Ярославль, 2018. С. 194–195, 198.

Ход и результаты исследования. Летом 1918 г. в оппозиционном спектре преобладали так называемые умеренные социалисты, эсеры и меньшевики, а на самом деле радикальные силы, настроенные на восстановление февральской системы управления. Системы, показавшей полную недееспособность в дооктябрьский период революции. Выражением чего стал разлад взаимоотношений центральных и провинциальных органов власти от губернского до волостного уровня, поставивший страну на грань территориального распада. К осени 1917 г. под влиянием возрастающих противоречий между различными профевральскими силами, от либералов до эсеров как главной партии Февраля, Россия превратилась в конгломерат разрозненных образований, никому не подчинявшихся и никем не управлявших, в каждом из которых складывалась уникальная ситуация, зависевшая от соотношения партийных и общественных сил[5].

Остановил процесс намечающегося распада только приход большевиков к власти, сумевших уже в первую неделю нахождения у руля государства обеспечить согласованные действия с местным руководством. Новые губернские власти в лице Советов рабочих и солдатских депутатов почти повсеместно к концу октября объявили о переходе регионов в подчинение новому правительству, Совнаркому. В последующем начался постепенный переход на сторону новой власти и уездов с волостями. Все это стало возможно вследствие гигантской работы, проведенной большевиками в предоктябрьские дни. Когда областные партийные комитеты РСДРП (б) — органы, промежуточные между ЦК и губернскими комитетами, разработали систему паролей для парторганизаций губернских городов своих областей, состоявших в среднем из 15–20 субъектов, и заранее сообщили о них местным однопартийцам. Тексты паролей должны были приходить в соответствующие города в виде телеграмм в тот момент, когда в Петрограде начиналось свержение старого Временного правительства. В Ярославле паролем были слова: «Конференции никто не будет». Данную телеграмму ярославские большевики получили 25 октября в 12 часов дня. По телеграфу официальная информация пришла только на следующий день, 26 октября. Несомненно, четкость действий разных уровней партийных органов в октябрьские дни 1917 г. во многом способствовала процессу, который впоследствии советские историки назовут триумфальным шествием Советской власти[6].

Учитывая главенство эсеров в 1918 г. во внутреннем антибольшевистском движении, белые находились на периферии оппозиции. Основу Белого движения по-прежнему составляли вооруженные силы юга России во главе с А. И. Деникиным. Таким образом, белое влияние к лету 1918 г. не вышло за пределы региональной группы, к тому же существенно ограниченной преобладанием в ней казачества, имевшего свои узкокорыстные цели в начинавшейся Гражданской войне. Те желали лишь сохранения собственных традиций

---

[5] *Герасименко Г. А.* Первый акт народовластия в России. М., 1992. С. 296.

[6] *Жохов М.* Сигнал восстания // Северный рабочий (Ярославль). 1974. 6 ноября. № 261 (16115).

на Дону и Кубани и вовсе не собирались подчиняться воле единого командования, что выражалось в их желании не участвовать в боевых действиях на остальной территории страны. М. В. Алексеев, отвечавший за комплектование белой армии, в переписке с лидером кадетской партии П. Н. Милюковым признавал возникшую проблему как чрезвычайно важную. «Мы должны расти за счет центра, а не Дона и Кубани, преследующих свои цели… а мы обратились в доно-кубанские войска, ибо наши доблестные офицеры и юнкера в большом числе погибли во время незаметного, но эпического похода»[7]. Столь драматично оценивал Алексеев последствия ледяного похода на Кубань — первой боевой операции Южной добровольческой армии — для усиления авторитетности Белого дела в общероссийской борьбе за власть.

Социалистическую часть оппозиции, возглавлявшую борьбу с большевиками на первом этапе, до ноября 1918 г., объединили две задачи: продолжение войны с Германией, прерванной заключенным Брестским миром, и восстановление в правах Учредительного собрания, т. е. возобновление его работы. Первая проблема выглядела основной, вторая воспринималась производной от нее. Учредительное собрание требовалось для объявления об официальном возобновлении войны. Борясь за созыв Учредительного собрания, эсеры стремились предстать в образе патриотов, противодействующих вторжению иноземцев (Германии). И утверждали, что большевики разогнали Учредительное собрание «по приказу немцев»[8].

В действительности созыв данного состава Учредительного собрания при сохранении за ним полной самостоятельности в принятии решений ввергал Россию в гораздо более страшную гражданскую войну, чем развернувшаяся впоследствии в 1918–1920 гг. В свое время Учредительное собрание расценивалось деятелями Февраля как некий спасительный якорь: дотянем до собрания — все будет хорошо[9]. Но это мнение было ошибочным. Напротив, только затянутость проведения выборов позволила продержаться февральскому режиму восемь месяцев у власти. Быстрый созыв собрания моментально показал бы бессилие интеллигенции, составившей основу власти: она и народ говорили на разных языках. Получение крестьянами земли после Учредительного собрания разрывало последние связи между крестьянами и эсерами. Эсеры были больше не нужны крестьянам, и, значит, их можно было больше не слушать. Стране грозил окончательный распад на отдельные общины, а общинным крестьянам не требовались всероссийские связи — достаточно было региональных, максимум — межрегиональных.

Такую ситуацию дополнительно осложняли межнациональные проблемы. Эсеровская программа федерализации органично укладывалась в процесс

---

[7] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 49. Л. 2.

[8] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 275. Оп. 1. Д. 213. Л. 3.

[9] Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 2. Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. / под ред. И. Герасимова. Казань, 2017. С. 601.

распада страны. Эсеры в условиях межнациональных конфликтов были бессильны защитить не только интересы государства, но даже собственные партийные организации. В частности, на Украине почти все организации Партии социалистов-революционеров перешли под контроль украинской партии эсеров[10]. Эсеры не отрицали также права на проведение отдельных учредительных собраний, нацеленных на выход из состава России. В частности, Украинского и Всесибирского собраний. Характерно, что никакой благодарности к ним национальные социалисты не испытывали. Белорусский социалист Т. Шаповал утверждал, что Россия всегда душила другие народы, как удав кроликов, а без царя стала душить еще больше[11].

Из социалистических организаций, противостоявших большевикам, первым еще в октябрьские дни стал возникший в Петрограде Комитет спасения Родины и революции. Его основу составили меньшевики и эсеры, входившие в Петроградскую городскую думу, ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, Всероссийский съезд крестьянских Советов. 28 октября 1917 г. они потребовали, чтобы большевики отказались от власти. Основным способом реальной борьбы они считали проведение общей забастовки госслужащих[12]. Но в общей антибольшевистской борьбе данная организация не оставила заметного следа, так как партийное руководство указанных партий выбрало другую тактику — убеждение большевиков войти в однородное социалистическое правительство с участием всех социалистических партий, включая самую правую из них — народных социалистов. Эсеры были уверены, что обладают настолько мощным весом, что без их участия не обойдется ни одно последующее революционное правительство[13].

Более серьезное влияние на разворачивавшуюся тогда борьбу оказал полусоциалистический «Союз возрождения России», представлявший альянс военных с доминировавшей тогда в антибольшевистском лагере партией эсеров. Для военных сотрудничество с эсерами давало реальный повод для борьбы с большевиками. Тем более что членами союза преимущественно являлись правые эсеры, подобные Н. Д. Авксентьеву и В. М. Зензинову. Возглавлял группу военных, вступивших в союз с более правой частью эсеровской партии, генерал В. Г. Болдырев[14]. Партийцам и военным удалось сформировать в двадцатых числах сентября 1918 г. в Уфе совместный государственный орган — Директорию, целью которой являлось восстановление в правах разогнанного большевиками Учредительного собрания[15].

---

[10] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 5. Д. 2. Л. 100–101.

[11] Там же. Оп. 3. Д. 17. Л. 2.

[12] *Пайпс Р.* Русская революция. Ч. 2. М., 1994. С. 199–200.

[13] *Мурашов Л. Г.* Меньшевики и проблема «однородно-социалистического правительства» во время переговоров при Викжеле // Вестник Ленинградского университета. Серия 6. Философия, политология, теория и история социализма, социология, психология, право. 1991. Вып. 1. С. 29, 33.

[14] ГАРФ. Ф. Р-5869. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.

[15] *Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И.* Партия социалистов-революционеров в первые годы Советской власти // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 8–9; № 3. С. 7.

В структуре антибольшевистских сил до прихода А. В. Колчака к власти в Омске в ноябре 1918 г. авторитет Белого движения не был высок. Более перспективными для помощи со стороны военных представлялись планы социалистов-революционеров. Противники большевиков не видели в Добрармии главную силу антибольшевистского сопротивления. С такой оценкой ситуации столкнулся генерал Б. И. Казанович, направленный А. И. Деникиным в Москву в 1918 г. с целью добиться финансирования Белого движения местными военными организациями. Вместо этого генералу предложили войти в «Союз возрождения» для занятия в нем любой из командных должностей[16].

Политические программы Белого движения и «Союза возрождения России» стратегически расходились именно по вопросу об Учредительном собрании. Белые идеологи требовали новых выборов в Учредительное собрание и категорически отрицали права старого, проэсеровского, так как, по их мнению, старая, эсеровская, конституанта не отражала реального соотношения сил в обществе. Новые выборы намечались по завершении Гражданской войны. В то время как болдыревцы соглашались защищать старое собрание[17].

Формальной причиной поражения «Союза возрождения России» стал демарш лидера эсеров В. М. Чернова, полагавшего, что однопартийцы внутри союза постепенно сдают военным все интересы партии. 22 октября 1918 г. ЦК партии принял резолюцию, подготовленную Черновым, которая практически отвергала достигнутые ранее соглашения. Вошедший в историю под названием «черновского манифеста» документ гласил, что в борьбе между большевизмом и демократией, последней угрожают внедрившиеся в нее контрреволюционные элементы. Все силы партии должны быть обучены военному делу, чтобы выдержать удары контрреволюции в тылу антибольшевистского фронта[18].

Документ привел военных в ярость и, по сути, подвел черту под временным союзом военных с эсерами. Генерал В. Г. Болдырев, командовавший вооруженными силами Директории, полагал, что эсеры, тайно начав собирать военные силы, намеревались сформировать узкопартийное правительство. Он назвал начавшиеся тогда процессы «государственным переворотом слева». Против авторов документа возбудили уголовное дело, и генерал Болдырев потребовал арестовать ЦК эсеров[19].

Раскол, возникший между двумя силами, сотрудничавшими в «Союзе возрождения», закономерно завершился колчаковским переворотом. Но возникает резонный вопрос: а, вообще, этот союз имел хоть сколько-нибудь реальные перспективы в дальнейшем, не вмешайся в ход событий партийный лидер эсеров? Думается, что нет. Военных очень тяготил этот союз, и они искренне полагали, что главной причиной катастрофы со страной в 1917 г. являлись

---

16 *Зайцов А. А.* 1918: Очерки истории русской Гражданской войны. Жуковский; М., 2006. С. 174, 175.

17 *Цветков В.* «Белогвардейская» альтернатива // Родина. 2004. № 4. С. 23.

18 *Ганин А. В.* Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 223.

19 *Пайпс Р.* Россия при большевиках. М., 1997. С. 50–51.

не только большевики, но и эсеры. А потому рано или поздно военные все равно бы выступили против засилья эсеров в политике. Во всяком случае завершиться победой эсеров данный союз никак не мог[20].

Более перспективно для политиков выглядели взаимоотношения с военными в «Союзе защиты Родины и свободы», организовавшем восстание в Ярославле. Его внешнюю основу составили именно офицеры, возглавляемые полковниками К. Я. Гоппером и Ф. А. Бриедисом. Организация сразу приняла исключительно военный характер и в дальнейшем расширялась и пополнялась в основном почти одними офицерами. К середине марта 1918 г. она имела не только разветвленную структуру, но и военный штаб, который в конце апреля возглавил еще один полковник — А. П. Перхуров. Организация создавала отдельные кадровые части всех родов войск и имела отделения в Казани, Муроме, Ярославле, Рыбинске, Калуге, Костроме, Арзамасе и даже в Челябинске (на Урале). В центральном Московском отделении насчитывалось не менее 2000 человек, большинство из которых являлось офицерами. В реальности некоторые из них только числились на бумаге, и потому внутри организации возник особый, карательный, отдел, казнивший предателей, покинувших союз[21].

Однако на самом деле самостоятельность офицеров имела исключительно показной характер. Единственным распорядителем организации, лично принимавшим основные решения, по крайней мере с российской стороны, являлся политик, бывший член партии эсеров — Б. В. Савинков. Поэтому военные здесь, при всем их формальном влиянии, в отличие от СВР находились лишь на вторых ролях и отрабатывали желания тех, кто хотел обострения политической ситуации в России[22].

Исходя из этого, мы вправе считать военных, вошедших в организацию Савинкова, своеобразными кондотьерами. В средневековой Италии так назывались военные отряды, нанимаемые правителями многочисленных городов-государств. Их было так много, что между ними регулярно возникали различные боевые столкновения[23]. Каждый отряд группировался вокруг того или иного наемного руководителя, и структура СЗРС очень напоминала подобный подход в военном деле. Савинков, подобно государственным лидерам Италии, назначал военных руководителями отрядов и ставил перед ними задачу подготовки соответствующих восстаний. Так, Перхурова он назначил руководителем ярославского отряда, а Бриедиса — рыбинского[24].

Интересным представляется объяснение того же А. П. Перхурова, данное следственным органам, о том, как он познакомился с Савинковым и принял его предложение. В Москве 1918 г., подчеркивал полковник, офицеру

---

20 ГАРФ. Ф. Р-5869. Оп. 1. Д. 14. Л. 12–13.

21 *Соловьев Е. А.* Указ. соч. С. 194–199.

22 *Локкарт Р.* Агония Российской империи. Воспоминания офицера британской разведки. М., 2016. С. 190.

23 *Плетнёва М.* Обратная сторона средневековой Флоренции. М., 2021. С. 19, 147.

24 *Соловьев Е. А.* Указ. соч. С. 203.

было трудно найти не только работу, но и дом с пристанищем. К марту положение стало совсем критическим, и в этот момент один из сослуживцев сообщил, что в Москву прибыл Савинков, затевающий какое-то важное дело. Знакомство вначале показалось офицеру непривлекательным: «эсер-террорист, комиссар в армии при Керенском — все это не располагало в пользу знакомства». Но безысходность положения вынудила откликнуться на предложение. Результат встречи оказался положительным. Савинков «произвел на меня самое отрадное впечатление как человек в высшей степени разумный, энергичный и решительный, любящий Родину». Глава союза познакомил неофита с положением дел и набросал план будущей работы: «…необходимо создать хотя бы небольшую, но надежную и дисциплинированную армию, с которой могли бы считаться и немцы, и союзники. Начало такой армии уже положено на Дону, и крайне выгодно создать то же и на севере России, в районе Москвы и Петрограда». Перхуров принял предложение и решил войти в организацию СЗРС[25].

Впрочем, ярославский историк А. В. Васильченко предложил противоположную версию. А. П. Перхуров самостоятельно организовал самый боеспособный отряд организации, состоявший исключительно из военных. Но, не имея никаких средств, искал, к кому можно было обратиться для легализации своих людей. Полковник, являясь неплохим офицером, не умел работать со спонсорами и оттого отчаянно нуждался в тех, кто мог «оплатить работу» его подчиненным. Вряд ли данное утверждение соответствует действительности, но даже если и согласиться с этим подходом, все это не отменяет того, что он в действительности являлся не кем иным, как тем же кондотьером. Солдаты удачи искали магната, способного оплатить их предполагавшуюся работу. Собственно, такова была суть кондотьерства[26].

Но почему в таком случае автор статьи назвал военных кондотьерами революции, а не контрреволюции? Ведь они действовали против большевиков (революционеров), а значит, были контрреволюционерами? Нет, не случайно в современной исторической науке возникло утверждение о том, что в 1917 г. произошли не две революции, а одна, но с разными этапами. Глобальной революцией в России, уничтожившей старый уклад империи, стал Февраль[27]. И восставшие в Ярославле летом 1918 г. были убежденными «февралистами». Ярославские мятежники боролись за «законно избранное Учредительное собрание». Об этом ясно заявил меньшевик Б. В. Дюшен, бывший губернский комиссар, в первый день восстания, 6 июля, на партийном собрании меньшевиков и бундовцев. «Город взят сторонниками Учредительного собрания, сторонниками Временного правительства, которого представителем я являюсь, поэтому я здесь остаюсь как уполномоченный Временного правительства».

---

25 *Перхуров А. П.* Исповедь приговоренного. Рыбинск, 1990. С. 6.

26 *Васильченко А. В.* Ярославский мятеж. М., 2018. С. 37–39.

27 Вершина Великой революции. К 100-летию Октября / под общ. ред. Б. Ф. Славина, А. В. Бузгалина. М., 2017. С. 444.

Здесь мы видим сотрудничество всех основных партий, действовавших в Феврале, тех же кадетов, эсеров и меньшевиков, и цели их были чисто «февральскими»[28].

Но насколько самостоятелен и влиятелен был сам Савинков? Он предоставил свою организацию в распоряжение иностранцев, прежде всего французов. В ней существовал крайне важный специальный отдел для сношений с союзниками, за который отвечал эсер А. А. Дикгоф-Деренталь. Ранее он входил в боевую дружину социалистов-революционеров, был участником убийства Георгия Гапона в 1906 г. Бывший унтер-офицер французской службы. Находясь к началу Первой мировой войны в эмиграции во Франции он добровольцем поступил во французскую армию. При этом переговоры с руководством французского посольства вел единолично сам Б. В. Савинков. И получал денежные средства от французов он один[29].

«Союз защиты Родины и свободы» в том виде, в котором он оформился, полностью подчинялся решениям иностранцев, точнее, французов. Главным распорядителем организации по праву следует признать французского посла Ж. Нуланса. В 1924 г., выступая перед судом, Б. В. Савинков заявил о том, что французы сами заинтересовались его деятельностью, предложив работать на них. Таким образом, кондотьерами были не только военные, но и Савинков[30].

Когда в конце мая – начале июня Савинков в очередной раз обратился за финансовой помощью к французам, посол потребовал для получения очередного транша решительных выступлений против Советов. Горе-террорист предложил для получения следующего кредита выступить в одном из двух городов, по выбору посла. Такими городами могли стать Калуга или Ярославль. Посол предпочел Ярославль из-за его более близкого расположения к северу. Условием получения денег должно было стать доказательство, что Савинков имеет людей, способных и готовых идти в бой[31].

Накануне выступления в Ярославле Савинков получил телеграмму Нуланса, в которой утверждалось, что союзный десант высадится в Архангельске между 5 и 10 или 3 и 8 июля. Посол просил начать восстание приблизительно в эти дни. Полковник А. П. Перхуров как непосредственный руководитель Ярославского восстания впоследствии на суде утверждал, что Б. В. Савинков просил продержаться не более четырех дней, до прихода союзников[32].

Таким образом, в Ярославле все 16 дней, с 6 по 21 июля 1918 г., кровь проливалась исключительно во имя союзников. Ярославское восстание призвано было обеспечить вхождение союзников в Москву. Савинкову за помощь

---

28 *Соловьев Е. А.* Указ. соч. С. 266, 280.

29 *Голдин В. И.* Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революция. Международная интервенция. 1900 – лето 1918. Архангельск, 2018. С. 475.

30 *Соловьев Е. А.* Указ. соч. С. 222.

31 Там же. С. 223.

32 *Голдин В. И.* Указ. соч. С. 475–476.

союзникам было ассигновано сразу полтора миллиона рублей. Такой была цена за разрушение Ярославля[33].

Но действительность была еще более печальной. Никакого вхождения в Москву в реальности французы даже и не планировали. Север вообще не являлся их зоной ответственности. Здесь призваны были действовать англичане. Французы не являлись главной или хотя бы самостоятельной силой при планировании военных операций. Приоритет в их разработке принадлежал англичанам, а от французов требовалось согласование с ними малейших, самых локальных военных планов[34].

Соответственно, в данном вопросе вполне обоснованным выглядит мнение того же А. В. Васильченко, полагавшего, что ни французы, ни англичане и вовсе не планировали никакой согласованной операции с Б. В. Савинковым. Они не собирались высаживать десант ни в Архангельске, ни в Вологде в период ярославских событий. При этом антантовцы всячески провоцировали и разжигали восстания в городах Центральной России, где находились отделения «Союза защиты Родины и свободы». Им нужна была «сакральная жертва» для обоснования готовящейся Западом интервенции. Дескать, жестокие варвары, большевики, стерли с лица земли древний русский город на Волге. Васильченко настаивает, что Ярославль превратился в разведывательную площадку, на которой сошлись интересы самых разных групп. Каждая из них намеревалась использовать произошедшие здесь волнения в своих честолюбивых интересах[35].

Постфактум Савинков активно ругал Нуланса, соглашаясь с многочисленными критиками, что посол не планировал никаких действий. Восстание требовалось ему для решения собственных задач. «Французы нас обманули. Десант в Архангельске не был высажен, и мы остались висеть в воздухе в Ярославле. Восстание утратило смысл. Мы оказались в положении людей, обманутых иностранцами. Таким образом, французы принимали ближайшее участие в этом деле и нас совершенно обманули. Мне очень трудно допустить, чтобы Нуланс не знал, будет ли высажен десант в Архангельске или нет. Я думаю, что здесь со стороны французов было скорее сознательное введение меня в заблуждение, чем что-либо иное. Я думаю, что Нулансу и французскому правительству по разным соображениям нужно было иметь право сказать, что против Советской власти идет вооруженная борьба, и сослаться в этом отношении на какой-нибудь выдающийся факт». Таким выглядело прозрение эсера-террориста, приносившего лишь несчастье тем, кто ему верил[36].

Уже в 1924 г., выступая на заседании суда, перед оглашением приговора, Савинков яростно выплеснул свое негативное отношение к иностранцам,

---

33 *Соловьев Е. А.* Указ. соч. С. 225.

34 *Павлов А. Ю.* Проблема организации французской интервенции на Юге России в 1918 г.: планы и ожидания // Вопросы истории. 2020. № 5. С. 88, 89.

35 *Васильченко А. В.* Указ. соч. С. 233–235.

36 *Соловьев Е. А.* Указ. соч. С. 227.

использовавшим его в своих чисто эгоистических интересах. Он говорил: «Изо дня в день накапливалась… горькая острота сознания, что… я ошибся. А надо всем этим — иностранцы, иностранцы и иностранцы и опять иностранцы; и надо всем этим сознание того, что я — русский, любящий свою родину — в руках иностранцев, людей, которые ненавидят ее». Всего через один месяц Борис Викторович написал письмо «Почему я признал Советскую власть», обращенное к эмигрантским кругам, где писал о невозможности реального сотрудничества с иностранными государствами в деле борьбы за интересы России[37].

Заключение. В результате получились следующие выводы. Состоявшееся в Ярославле восстание являлось, безусловно, офицерским. Но при этом его никак нельзя считать белогвардейским. Офицеры оказались всего лишь наемниками, кондотьерами на службе чисто политических сил. Подавляющая часть офицерского корпуса проявляла активное недовольство происходящими в России процессами. Она имела немало оснований как для личной мести, связанной с понижением офицерского статуса, несправедливым отношением к ним как военным профессионалам, их многочисленными избиениями и убийствами, происходившими в революционный период, так и ложными представлениями о причинах, приведших к заключению Брестского мира. В произошедшем весной 1918 г. ругали в основном одних большевиков, хотя, по сути, к «похабному миру» привели «февралисты», отстранившие от власти Николая II накануне тщательно планировавшегося весеннего наступления 1917 г., чем обусловили распад армии, защищавшей страну от внешнего врага[38].

Брестский мир стал не самым плохим выходом из того кризиса, в который загнали страну неумелые управленцы Февраля. Они в лице эсеров и стоявших за ними союзников, в данном случае — французов, и оказались главными интересантами в разрушении Ярославля. Все, что происходило тогда в древнем городе, объективно никак не помогало Белому движению и работало на разрушение страны. За событиями в Ярославле стояли внешние, чуждые России интересы. Они заключались либо в захвате Москвы Антантой, либо, что было еще хуже, служили не более чем своеобразным пиаром для финансирования готовившейся интервенции в Россию. Ярославское восстание было актом борьбы против государственного порядка в стране со стороны разрушителей Февраля и поддерживавших их внешних сил. А офицерство являлось всего лишь нанятой для этого силой. Белое же движение станет готовым к составлению собственных планов усиления влияния на громадном пространстве бывшей Российской империи только с ноября 1918 г., после прихода адмирала А. В. Колчака к власти в Омске. Летом 1918 г. до этого было еще очень далеко.

---

37 *Савинков Б. В.* Воспоминания террориста. М., 2006. С. 572.

38 *Тышецкий И. Т.* Происхождение Первой мировой войны. М., 2015. С. 10–11.

Литература

1. Васильченко А. В. Ярославский мятеж. М.: Пятый Рим, 2018. 331 с.
2. Вершина Великой революции. К 100-летию Октября / под общ. ред. Б. Ф. Славина, А. В. Бузгалина. М.: Алгоритм, 2017. 1216 с.
3. Ганин А. В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М.: Пятый Рим, 2018. 864 с.
4. Герасименко Г. А. Первый акт народовластия в России. М.: Ника, 1992. 350 с.
5. Голдин В. И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918. Архангельск: САФУ, 2018. 623 с.
6. Ермолин Е. А. За свободу и веру // Северный край (Ярославль). 2003. 5 июля. № 118 (23955).
7. Зайцов А. А. 1918: Очерки истории русской Гражданской войны. Жуковский; М.: Кучково поле, 2006. 368 с.
8. Мурашов Л. Г. Меньшевики и проблема «однородно-социалистического правительства» во время переговоров при Викжеле // Вестник Ленинградского университета. Серия 6. Философия, политология, теория и история социализма, социология, психология, право. 1991. Вып. 1. С. 27–35.
9. Новая имперская история Северной Евразии. Ч. 2. Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. / под ред. И. Герасимова. Казань: Ab Imperio, 2017. 630 с.
10. Павлов А. Ю. Проблема организации французской интервенции на Юге России в 1918 г.: планы и ожидания // Вопросы истории. 2020. № 5. С. 87–99.
11. Пайпс Р. Россия при большевиках. Ч. 1. М.: РОССПЭН, 1997. 662 с.
12. Пайпс Р. Русская революция. Ч. 2. М.: РОССПЭН, 1994. 584 с.
13. Плетнёва М. Обратная сторона средневековой Флоренции. М.: АСТ, 2021. 320 с.
14. Соловьев Е. А. Расстрелянный Ярославль: историческая панорама трагедии города на Волге. Июль 1918: к 100-летию Ярославского восстания. Ярославль: Академия 76, 2018. 800 с.
15. Тышецкий И. Т. Происхождение Первой мировой войны. М.: Международные отношения, 2015. 704 с.
16. Федюк В. П. Керенский. М.: Молодая гвардия, 2009. 406 с.
17. Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И. Партия социалистов-революционеров в первые годы Советской власти // Вопросы истории. 2006. № 2. С 3–14; № 3. С. 3–18.
18. Цветков В. «Белогвардейская» альтернатива // Родина. 2004. № 4. С. 22–25.
19. Ярославское восстание. 1918 / под общ. ред. А. Н. Яковлева; сост. Е. А. Ермолин, В. Н. Козляков. М.: МФД: Материк, 2007. 704 с.

References

1. Vasil’chenko A. V. Iaroslavskii miatezh [Yaroslavl rebellion]. Moscow: Piatyi Rim, 2018. 331 p. (In Russ.).
2. Vershina Velikoi revoliutsii. K 100-letiiu Oktiabria [The peak of the Great Revolution. To the 100th anniversary of October] / ed. by B. F. Slavin, A. V. Buzgalin. Moscow: Algoritm, 2017. 1216 p. (In Russ.).
3. Ganin A. V. Sem’ «pochemu» rossiiskoi Grazhdanskoi voiny [Seven “why” of the Russian Civil War]. Moscow: Piatyi Rim, 2018. 864 s. (In Russ.).

4. Gerasimenko G. A. Pervyi akt narodovlastiia v Rossii [The first act of democracy in Russia]. M.: Nika, 1992. 350 p. (In Russ.).

5. Goldin V. I. Sever Rossii na puti k Grazhdanskoi voine: Popytki reform. Revoliutsii. Mezhdunarodnaia interventsiia. 1900 – leto 1918 [Northern Russia on the way to the Civil War: Attempts at reform. Revolution. International intervention. 1900 – Summer 1918]. Arkhangel'sk: SAFU, 2018. 623 p. (In Russ.).

6. Ermolin E. A. Za svobodu i veru [For freedom and faith] // Severnyi krai (Iaroslavl'). 2003. 5 iiulia. № 118 (23955). (In Russ.).

7. Zaitsov A. A. 1918: Ocherki istorii russkoi Grazhdanskoi voiny [Essays on the history of the Russian Civil War]. Zhukovskii; M.: Kuchkovo pole, 2006. 368 p. (In Russ.).

8. Murashov L. G. Men`sheviki i problema «odnorodno-sotsialisticheskogo pravitel`stva» vo vremia peregovorov pri Vikzhele [Mensheviks and the problem of the "homogeneous-socialist government" during the negotiations during Vijge] // Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriia 6. Filosofiia, politologiia, teoriia i istoriia sotsializma, sotsiologiia, psikhologiia, pravo. 1991. Iss. 1. P. 27–35. (In Russ.).

9. Novaia imperskaia istoriia Severnoi Evrazii [New imperial history of Northern Eurasia]. Ch. 2. Balansirovanie imperskoi situatsii: XVIII–XX vv. / ed by I. Gerasimov. Kazan': Ab Imperio, 2017. 630 p. (In Russ.).

10. Pavlov A. Iu. Problema organizatsii frantsuzskoi interventsii na Iuge Rossii v 1918 g.: plany i ozhidaniia [The problem of organizing the French intervention in the south of Russia in 1918: Plans and expectations] // Voprosy istorii. 2020. № 5. P. 87–99. (In Russ.).

11. Paips R. Rossiia pri bol`shevikakh [Russia with Bolsheviks]. Ch. 1. Moscow: ROSSPEN, 1997. 662 p. (In Russ.).

12. Paips R. Russkaia revoliutsiia [Russian revolution]. Ch. 2. Moscow: ROSSPEN, 1994. 584 p. (In Russ.).

13. Pletneva M. Obratnaia storona srednevekovoi Florentsii [The reverse side of the medieval Florence]. Moscow: AST, 2021. 320 p. (In Russ.).

14. Solov'ev E. A. Rasstreliannyi Iaroslavl': istoricheskaia panorama tragedii goroda na Volge. Iiul' 1918: k 100-letiiu Iaroslavskogo vosstaniia [Shot Yaroslavl: the historic panorama of the city tragedy on the Volga. July 1918: To the 100th anniversary of the Yaroslavl Uprising]. Iaroslavl': Akademiia 76, 2018. 800 p. (In Russ.).

15. Tyshetskii I. T. Proiskhozhdenie Pervoi mirovoi voiny [The origin of the First World War]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2015. 704 p. (In Russ.).

16. Fediuk V. P. Kerenskii [Kerensky]. M.: Molodaia gvardiia, 2009. 406 p. (In Russ.).

17. Fel'shtinskii Iu. G., Cherniavskii G. I. Partiia sotsialistov-revoliutsionerov v pervye gody Sovetskoi vlasti [Party of socialist revolutionaries in the first years of Soviet power] // Voprosy istorii. 2006. № 2. P. 3–14; № 3. P. 3–18. (In Russ.).

18. Tsvetkov V. «Belogvardeiskaia» al`ternativa ["Belogvardeyskaya" alternative] // Rodina. 2004. № 4. P. 22–25. (In Russ.).

19. Iaroslavskoe vosstanie. 1918 [Yaroslavl uprising. 1918] / ed by akad. A. N. Yakovlev; sost. E. A. Ermolin, V. N. Kozliakov. Moscow: MFD: Materik, 2007. 704 p. (In Russ.).

УДК 94(470)
DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.10

Горлов Владимир Николаевич

доктор исторических наук, профессор
Московский государственный лингвистический университет
gorlov812@mail.ru

Артёмов Сергей Николаевич

доктор исторических наук, профессор
Московский государственный лингвистический университет
asn66@List.ru

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО В ПЕРИОД ПОСТРОЕНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В СССР В НАЧАЛЕ 1960-х гг.

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, способствовавшие возникновению в СССР в начале 1960-х гг. социального заказа на новые формы и новую организацию жизни, в основу которого были заложены идеи органической связи жилища и общественной сферы обслуживания. Показано, что социальные процессы, требующие радикальных изменений традиционно-хозяйственного семейного быта, не учитывали индивидуальные интересы домашнего хозяйства, которые оставались преобладающими.

В статье обобщен ряд вопросов истории социальных отношений в СССР в период построения коммунистического общества. Проанализированы попытки развития в советском обществе всей системы общественных учреждений для увеличения свободного времени граждан с целью гармонического развития личности. В то же время сделан вывод о том, что, несмотря на идеологическую обработку советских граждан, нацеленную на ликвидацию индивидуального домашнего хозяйства, кропотливую работу по привлечению населения к общественному питанию, сохранилась стойкая ориентация семьи на домашние, традиционные формы обслуживания.

Ключевые слова: советское общество 1960-х годов, построение в СССР коммунистического общества, домашнее хозяйство, свободное время, социалистический быт, общественная сфера обслуживания, общественное питание, школы-интернаты.

© Горлов В. Н., Артёмов С. Н., 2022

UDC 94(470)
DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.10

Gorlov Vladimir N.

Doctor of Historical Sciences
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia
e-mail: gorlov812@mail.ru

Artyomov Sergey N.

Doctor of Historical Sciences
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia
e-mail: asn66@list.ru

THE CONFRONTATION BETWEEN THE SOCIAL AND THE INDIVIDUAL DURING THE CONSTRUCTION OF THE COMMUNIST SOCIETY IN THE USSR IN THE EARLY 1960's

Abstract. The article examines the factors that contributed to the emergence in the USSR in the early 1960's social order for new forms and a new organization of life, which was based on the idea of an organic connection between housing and public services. It is shown that social processes requiring radical changes in the traditional economic family life did not take into account the individual interests of the household, which remained predominant.

The article summarizes a number of issues in the history of social relations in the USSR during the period of building a communist society. Attempts to develop the entire system of public institutions in Soviet society to increase the free time of citizens with the aim of harmonious development of the individual are analyzed. At the same time, it was concluded that, despite the ideological indoctrination of Soviet citizens aimed at eliminating the individual household, painstaking work to attract the population to public catering, the family's firm orientation towards domestic, traditional forms of service remained.

Keywords: Soviet society of the 1960's, building a communist society in the USSR, household, free time, socialist life, public services, catering, boarding schools.

Введение. С начала 1960-х гг. в мире обостряется борьба социалистической и капиталистической систем. В связи с этим в советских средствах массовой информации постоянно сравнивалось положение семьи в СССР с буржуазными семьями на Западе. Задача укрепления советской семьи становилась «важнейшим орудием построения коммунизма». Программа коммунистического строительства, принятая на XXII съезде КПСС, намечала, что «каждой семье будет обеспечен достаток, а затем и обилие материальных и культурных благ»[1]. По расчетам главы советской экономической науки академика С. Г. Струмилина, СССР за этот период превысит уровень развития

[1] Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 76.

передовых капиталистических государств и сможет перейти к коммунистической системе бесплатных услуг по удовлетворению насущных потребностей, таких как жилье, проезд на общественном транспорте, ежедневное общественное питание и т. п. Советский быт следовало перестроить на коммунистических началах. Непрерывный рост общественного богатства в СССР должен был обеспечить развитие коллективных форм обслуживания, ликвидацию домашнего быта и полное его обобществление, все большую роль бесплатных услуг[2].

Ход и результаты исследования. Для советского общества тот период памятен массовым энтузиазмом практического строительства коммунизма. Коммунистическая цель стимулировала потребительские мечты идеального общественного быта — отсутствие домашнего труда, бесплатность услуг, содержание детей полностью за счет государства. Все это, казалось, произойдет очень быстро.

Чтобы выполнить такую обширную программу, намечалось максимально сократить личную собственность, всемерно развивая общественные фонды потребления и общественную собственность. Самое удивительное, что эти грандиозные планы касались не только городских жителей, но и сельского населения. В Программе построения коммунистического общества прямо указывалось: «Колхозники будут полностью удовлетворяться за счет общественного хозяйства колхозов»[3]. Все колхозники должны будут питаться в общественных столовых и покупать все необходимое в государственных магазинах.

Глава партии и государства Н. С. Хрущев в докладе о контрольных цифрах развития народного хозяйства на 1959–1965 гг. отметил: «Уже сейчас все более развиваются коммунистические формы труда и такие общественные формы удовлетворения потребностей граждан, как общественное питание, школы-интернаты, детские сады и ясли. В нашем обществе имеется много ощутимых и зримых черт коммунизма, которые будут развиваться и совершенствоваться»[4]. Эта большая программа переустройства быта должна была осуществляться по мере развития материально-технической базы коммунизма.

Важнейшей функцией массовой сети общественных учреждений являлось формирование новых, коммунистических, отношений между людьми. «Чтобы прийти к коммунизму, самому справедливому и совершенному обществу, когда полностью раскроются все лучшие нравственные черты свободного человека, нам надо уже сейчас воспитывать человека будущего», — говорил Хрущев на XXII съезде партии[5]. Партия и правительство указывали, что осуществление грандиозного плана коммунистического строительства требует решительного

---

[2] *Струмилин С. Г.* На путях построения коммунизма. М., 1959. С. 69.

[3] Материалы XXII съезда КПСС... С. 383.

[4] *Хрущев Н. С.* О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы. М., 1959. С. 109.

[5] Там же. С. 59.

улучшения всей работы по воспитанию советских людей, повышению их коммунистической сознательности и активности, формированию нового человека в духе коллективизма и трудолюбия.

Хрущев предположил: «При переходе к коммунизму семья не исчезнет, а наоборот, укрепится, семейные отношения окончательно очистятся от материальных расчетов, достигнут высокой чистоты и прочности»[6]. Коммунизация советского быта, общественно-коммунистическое хозяйство в противовес обособленному домашнему хозяйству привели бы к отмиранию хозяйственно-экономической функции советской семьи.

Эйфория строительства коммунизма затмила все разумные доводы прагматично настроенных советских ученых. Доходило до абсурдных утверждений, что к 1980 г., когда в советском обществе наступит коммунизм, советская семья должна полностью утратить хозяйственно-бытовые функции, будет уничтожено домашнее хозяйство как социальный институт, произойдет ликвидация домашних ролей вообще, так как все беды проистекают от наличия патриархального домашнего хозяйства. По этим теоретическим воззрениям, при замене частного домашнего хозяйства на общественное хозяйство коммунистического типа промышленности нет надобности производить пылесосы, стиральные машины, холодильники для индивидуального пользования, потому что функции бытового обслуживания населения возьмут на себя общественные предприятия[7].

По расчетам экономистов, с привлечением советских женщин к общественному труду в СССР появляется важный резерв экономического роста. Немаловажным фактором считалось и то, что общественные формы бытового обслуживания должны были ликвидировать фактическое неравенство советских женщин и мужчин.

В 1960-е гг. опять пытались повторить социальные эксперименты 1920-х гг. по обобществлению советского быта. В печатных изданиях снова появились предложения ряда ученых революционно преобразовать советский социалистический быт. Так, к моменту построения в СССР коммунистического общества в 1980 г. должны были появиться единое по форме бесплатное общественное питание, освобождающее женщин от домашних забот, дома-коммуны без индивидуальных кухонь. Все эти предложения аргументировали конкретными расчетами по снижению затрат времени при пользовании полуфабрикатами и концентратами по сравнению с сырыми продуктами[8].

Путь развития советского градостроительства в начале 1960-х гг. видели в органичной связи индивидуального жилища с общественной организацией быта, являющейся выражением правильных социалистических отношений человека и общества, а путь коллективизма понимался как единство личности и коллектива. Массовая сеть общественных учреждений должна была

---

6 Материалы XXII съезда КПСС... С. 126.

7 *Синицын В. Г.* Рождение коммунистического быта. М., 1960. С. 29.

8 *Татаринова Н. И.* Строительство коммунизма и труд женщин. М., 1964. С. 83–84.

способствовать коммунистическому воспитанию советских граждан в духе коллективизма, уважения к общественной собственности, в духе формирования новых, коммунистических отношений. Эти функции были изложены в Программе КПСС 1961 г.

В этот период строительства коммунизма превалировала установка на обобществление хозяйственно-бытовых функций, которое нельзя было осуществить в условиях традиционных типов жилища, рассчитанных на мелкое домашнее хозяйство. В период борьбы социализма и капитализма в средствах массовой информации особо подчеркивалось, что в капиталистическом обществе индивидуализм является идеологической сущностью и что в нем господствует частнособственническая концепция «мой дом — моя крепость». Таким образом, бытовой уклад, основанный на мелком домашнем хозяйстве, стали считать одним из пережитков прошлого.

В этот период искали пути коллективного расселения, общественного ведения домашнего хозяйства и воспитания детей в коллективе, сочетания индивидуальной части жилища с общественными помещениями. Следует отметить, что в этих поисках общественные учреждения должны были быть не дополнением, а составной частью жилища, основой организации быта и культуры. Задача заключалась в создании социальных и материально-технических предпосылок для развития таких форм быта, в которых будут гармонично сочетаться интересы коллектива и личности. Живым воплощением идей будущего коммунистического общества было движение бригад коммунистического труда, охватившее всю страну.

Идея коллективного расселения, органической взаимосвязи индивидуального жилища с обобществленным культурно-бытовым хозяйством имела глубокие исторические корни, возникнув еще в древние времена. Совершенствуясь, она прошла красной нитью во всех учениях утопистов-социалистов и стала одной из основополагающих идей научного коммунизма. Принципы обобществленного бытового уклада, воспитания детей и всех членов общества в духе коллективизма были записаны в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркса и включены в Программу КПСС, принятую XXII съездом КПСС.

В начале 1960-х гг. в советской печати публиковалось много статей по вопросам будущего развития бытового уклада, семьи, методов воспитания детей. Многие статьи носили дискуссионный характер. Вопросы, вокруг которых разворачивались обсуждения, в первую очередь касались методов воспитания детей и организации питания населения для приобщения советской женщины к общественно-полезной деятельности.

Наиболее радикально настроенные ученые, общественные деятели под впечатлением грандиозной «Программы построения коммунистического общества» средством максимального освобождения женщины и других членов семьи от домашнего хозяйства посчитали пребывание детей в круглосуточных детских садах-яслях или школах-интернатах, замену домашнего приготовления пищи общественным питанием.

Общественное питание не вызывало таких острых дискуссий, как проблема общественного воспитания детей. Здесь проблема была в слишком длительном отрыве детей от семьи. Курс на создание школ-интернатов вызвал много споров. В советские годы огромный авторитет был у выдающегося деятеля в области воспитания детей А. С. Макаренко, который постоянно напоминал: «Не может быть социалистического общества без общественного воспитания. Совершенно невозможно представить себе, чтобы в государстве, построенном на плане, стихия воспитания не была в руках государства»[9]. В Программе КПСС было указано: «Коммунистическая система народного образования основывается на общественном воспитании детей. Воспитательное влияние семьи на детей должно все более органически сочетаться с их общественным воспитанием»[10].

В недалеком будущем предстояло сделать общественные формы воспитания общедоступными для всего населения. Со второй половины 1950-х гг. в СССР был создан новый тип начальных и средних школ — школы-интернаты. В их состав входили, кроме учебных, и жилые корпуса. Дети школьного возраста должны были обучаться в школах-интернатах, которые «являются наиболее удачной формой воспитания и обучения детей в условиях строительства коммунистического общества»[11]. Школы-интернаты должны были размещаться преимущественно в жилых районах и микрорайонах поблизости от места жительства родителей. Школы-интернаты считались наиболее прогрессивным, высшим типом учебно-воспитательного учреждения, в котором должны были сочетаться функции школьного, внешкольного и семейного воспитания. Школы в микрорайонах в перспективе развития должны были превратиться в интернаты или школы продленного дня. На первом этапе получило значительное развитие строительство школ с продленным днем пребывания.

Таким образом, по вопросу об организации быта преобладали две точки зрения: первая — реорганизовать домашнее хозяйство в СССР на основе сочетания индивидуальных квартир с учреждениями общественного воспитания советских детей и общественными столовыми; обеспечить условия для удобных семейных связей путем правильной территориальной группировки и надлежащего расположения жилых и общественных зданий; вторая — сохранить на будущее и модернизировать мелкое домашнее хозяйство и соответствующие ему типы квартир, поскольку общественное воспитание советских детей может «разрушить семью», а общественное питание не может обеспечить высокого качества, механизировать индивидуальное домоводство и частично использовать общественные учреждения в качестве придатка к домашнему хозяйству. Последнее облегчит жизнь советской домашней хозяйки и позволит ей заняться общественно-полезным трудом на благо социалистической Родины.

---

9 *Макаренко А. С.* Сочинения: в 7 т. Т. 7. М., 1958. С. 383.

10 Материалы XXII съезда КПСС... С. 414.

11 О мерах по развитию школ-интернатов в 1959–1965 гг. // Правда. 1959. 26 мая.

Ряд экономистов пытались убедить оппонентов, что вторая точка зрения больше всего соответствовала американскому бытовому укладу с его механизацией, полуфабрикатами и установкой на домашнее «порабощение» женщины и индивидуальное воспитание детей. Эту точку зрения называли мещанской, индивидуалистической, которая вряд ли при построении светлого будущего будет иметь широкую социальную основу. На третьем пленуме правления Союза архитекторов СССР секретарь правления союза В. В. Бутузов в своем докладе сказал: «…там, где идеалом является замкнутое в себе жилище семьи, с развитым домашним хозяйством, невозможно полноценное комплексное общественное обслуживание культурно-бытовых потребностей всего населения…»[12].

Но, к удивлению многих, все же вторая точка зрения была довольно широко распространена. Эту концепцию защищал ряд ученых (экономистов, социологов и т. п.), отстаивая целостность семьи и упрекая оппонентов в «левацких загибах» и т. п. Несмотря на яростную критику сторонников первой концепции, упрекавших их в защите старого бытового уклада, недооценке значения учреждений общественного воспитания детей, отводящим этим учреждениям второстепенную роль «помощников» родителей, сторонники второй концепции аргументированно высказывались за сохранение индивидуальных кухонь при коммунизме, предостерегая против «ускорения процесса преобразования домашнего хозяйства на социалистический лад». скептически высказывались по поводу общественной организации культурно-бытового хозяйства. Главные трудности в решении этой проблемы противники обобществления советского быта видели не в консервативных привычках советских граждан, а в отсутствии экономических предпосылок и градостроительной базы для новой организации расселения и быта.

Сторонники первой концепции выступали с активной поддержкой идеи обобществления быта, коллективизма (статьи в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Коммунист» за 1960–1963 гг.), считали, что мелкое домашнее хозяйство с господством ручного труда отвлекает советских граждан от созидания материальных и духовных ценностей, от развития самого человека. Коллективизация сферы домашнего хозяйства по подсчетам экономистов должна была ускорить общественный прогресс и, в конечном итоге, увеличить свободное время для всестороннего развития, творческой деятельности и отдыха всех членов советского общества. Академик Струмилин рассматривал вопрос об экономической оценке свободного времени. Он считал, что в условиях коммунистического общества на труд будет затрачиваться четыре часа, на сон и еду — десять. Свободное же время составит десять часов, в том числе четыре часа на чтение и умственную работу, четыре часа на спорт, художественную самодеятельность и два часа на отдых. Он убеждал в целесообразности и неизбежности процесса коллективизации бытового уклада, предрекал,

---

[12] *Бутузов В. В.* О дальнейшем развитии комплексного общественного обслуживания культурно-бытовых потребностей советских граждан // Архитектура СССР. 1963. № 7. С. 3.

что уже в недалеком будущем «каждая семья как хозяйственная ячейка, сливаясь с другими и перерастая в большой хозяйственный коллектив, вольется в новую "задругу" грядущей бытовой коммуны»[13]. Следовательно, как считали ученые, для гармоничного развития личности потребуется развитие в советском обществе всей системы общественных учреждений для изменения бюджета времени членов общества в сторону увеличения свободного времени. Кроме того, индивидуальное домашнее хозяйство отрывало от общественно полезного труда значительную часть населения, главным образом женщин, не создавало, как считалось, надлежащих условий для коммунистического воспитания детей.

Семилетним планом развития народного хозяйства было предусмотрено ассигнование около 100 млрд рублей на строительство таких видов общественных зданий, как школы, детские учреждения, больницы, столовые, торговые предприятия, клубы, кинотеатры и др.)[14].

После XXI съезда КПСС хозяйственно-бытовая деятельность советских граждан все теснее связывалась с общественным обслуживанием (столовые, бани, прачечные, домовые кухни, централизованная уборка помещений и т. п.), становившимся посредником между промышленностью и семьей. Интенсивность проведения домашних работ неизбежно требовала развития сферы быта. Все больше и больше в печати обсуждались вопросы быта, появились лозунги: «Вопросы быта трудящихся — в центр внимания всех организаций и учреждений»[15]. Общественное питание при Хрущеве становится крупной отраслью народного хозяйства. Для советского общества это было крайне важно. По замечаниям трудящихся постоянно устранялись недостатки в работе предприятий общественного питания (делали более разнообразным ассортимент, увеличивали часы работы и т. п.).

С конца 1950-х гг. в Москве стали открываться первые домовые кухни по инициативе местных Советов депутатов, чтобы семьи рабочих и служащих могли пользоваться услугами общественного питания. Многие семьи в удобное для них время получали полуфабрикаты и обеды. В средствах массовой информации пропагандировали «обеды на дом». Житель дома спускался в домовую кухню, располагающуюся на первом этаже, покупал там полный обед (для переноски таких обедов имелись специальные судки), поднимался обратно и съедал обед дома. Этот эксперимент посчитали удачным.

В 1959 г. Совет Министров СССР и ЦК КПСС принимают постановление «О дальнейшем развитии и улучшении общественного питания». В нем предусматривались меры по расширению сети чайных, столовых, различного рода закусочных, кафе. Предусматривалось перевести их «на работу

---

[13] *Струмилин С. Г.* Мысли о грядущем // Октябрь. 1960. № 2. С. 4–5.

[14] Градостроительство. М., 1961. С. 133.

[15] Вопросы быта трудящихся — в центр внимания всех организаций и учреждений // Коммунист. 1957. № 2. С. 4.

с полуфабрикатами»[16]. Министерство торговли СССР приняло меры к распространению широкой сети домовых кухонь. Программа КПСС ставила определенные задачи: «Снижение цен на продукцию общественного питания будет опережать снижение цен на продовольствие в торговой сети. Благодаря всему этому общественное питание в течение 10–15 лет сможет занять преобладающее место по сравнению с питанием в домашних условиях»[17]. Успех общественного питания заключался в приближении к населению мест потребления (столовые и домовые кухни) таким образом, что посещение их в любых условиях не будет обременительным для жителей самого различного возраста.

Считалось, что на основе последовательной индустриализации всей сферы обслуживания будет обеспечен переход к новому быту коммунистического общества. В Программе КПСС эта задача была сформулирована таким образом: «Необходимо обеспечить условия для сокращения и облегчения женского труда в домашнем хозяйстве, а затем создать возможности для замены этого труда общественными формами удовлетворения материально-бытовых нужд семьи. С этой целью широкое распространение в домашнем хозяйстве получат усовершенствованные дешевые бытовые машины, приспособления, электроприборы; полностью будут удовлетворены в ближайшие годы нужды населения в предприятиях бытового обслуживания»[18]. В принятых XXIII съездом КПСС Директивах по пятилетнему плану на 1966–1970 гг. было сказано: «Обеспечить развитие всех видов бытового обслуживания населения. Превратить службу в крупную механизированную отрасль народного хозяйства. Увеличить в 1970 г. объем бытовых услуг, оказываемых населению, примерно в 2,5 раза, в том числе в сельской местности — более чем в 3 раза»[19].

Постепенно реализовывалась программа партии по переустройству быта миллионов трудящихся на основе развития общественных форм обслуживания. Число лиц, пользующихся услугами общественного питания, возросло. Число столовых на 10 тыс. населения с 1960 по 1970 г. удвоилось[20]. В 1972 г. домовых кухонь насчитывалось более 2 тыс.[21] Повсеместно домовые кухни получили признание, сотни тысяч семей пользовались их услугами.

Но, несмотря на различные постановления Правительства СССР, бытовое обслуживание населения крайне скудно снабжалось финансовыми и материальными ресурсами. В газете «Известия» было признано, что «лишь около 5 проц[ентов] всего времени, нужного советской женщине на домашнее хозяйство, удовлетворяют учреждения бытового обслуживания»[22]. Главные

---

16 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. 1953–1961 годы. М., 1968. С. 552–553.

17 Материалы XXII съезда КПСС. С. 393.

18 Там же.

19 Там же. С. 261.

20 Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. М., 1987. С. 219.

21 *Павлов Д. В.* Стойкость. М., 1983. С. 266.

22 Бытовое обслуживание населения // Известия. 1964. 22 апреля.

трудности развития общественного питания заключались в том, что не удавалось добиться преимущественного по сравнению с домашним питанием снижения стоимости и повышения качества.

Советские архитекторы в начале 1960-х гг. стремились найти в своих проектах новые формы укрепления общественных связей между людьми и пути, способствующие формированию духа коллективизма. Правда, в этой деятельности было много несвоевременного и ошибочного. Советские архитекторы еще в 1920-е гг. активно искали решения по строительству домов-коммун. В этих домах жилье сочеталось с учреждениями обслуживания: детский сад, столовая, клуб, библиотека, мастерские, магазин, медпункт, спортивные залы и др., которые составляли единый комплекс.

К сожалению, дома-коммуны 1920–1930-х гг., несмотря на самые, казалось бы, лучшие стремления их авторов, практически привели тогда к дискредитации и осуждению идеи коллективного жилища. Сказались, с одной стороны, теоретическая незрелость провозглашаемых идей, навеянных наивными проектами социалистов-утопистов прошлого, а с другой стороны, левацкие загибы вроде требований немедленной ликвидации семьи и брака, полного отчуждения и изоляции детей от родителей, призывы к казарменной регламентации и примитивизации быта. Все это вульгаризировало идеи коммунистического быта. Неудивительно, что построенные в Москве в 1920-х и 1930-х гг. дома-коммуны были переделаны под общежития. Значительно опережая традиции и быт своего времени, эти типы зданий не получили в дальнейшем распространения.

В 1960-е гг. появилось много статей, теоретических работ и проектных предложений, посвященных проблеме жилища будущего. Какими станут дома к тому времени, когда СССР завершит свой исторический переход от социализма к коммунизму? Единой точки зрения на то, каким требованиям должны удовлетворять дома будущего, какие должны быть в них квартиры, как они будут связаны с системой общественного обслуживания, так и не сложилось. Спор шел не только и не столько о технических, градостроительных и художественных аспектах этой проблемы. Существо спора было глубже. Оно было в плоскости социальных проблем, где голос архитектора должен был сочетаться с голосом социолога.

В СССР проблема новых коллективных форм расселения не разрабатывалась почти тридцать лет. В 1959 и 1960 гг. в печати были опубликованы статьи экономистов, а также архитекторов, обществоведов, содержащие ряд положений, обосновывающих необходимость приступить в будущем к образованию производственных и бытовых коммун, домов нового быта для коллективов, работающих на одном предприятии.

В 1960-е гг. вновь вернулись к идее домов-коммун, получивших когда-то такой резонанс. Ведь именно в них, казалось бы, мог формироваться коллектив, объединенный общими производственными интересами и к тому же не разобщенный стенами обособленных квартир. Дома нового быта могли располагаться

вблизи общего места работы, и это заметно увеличило бы свободное время жителей, особенно при хорошей организации бытового обслуживания. В условиях новых задач коммунистического строительства шел поиск практического решения проблемы жилых домов и общественных зданий. Над этими проблемами работали ряд институтов Академии строительства и архитектуры СССР, Московский архитектурный институт и другие научные и проектные организации. Привлекали к активному участию в их работе также социологов, экономистов, деятелей культуры.

Энтузиазм сторонников обобществления домашнего хозяйства особенно проявился в создании Дома нового быта (ДНБ) в Москве. Он состоял из двух 16-этажных корпусов, соединенных блоком обслуживания. На каждом этаже была своя гостиная, столовая и самодеятельная «коммунальная» кухня, а в блоке обслуживания центральная столовая. Была в доме комната для детских игр и целый комплекс учреждений повседневного культурно-бытового обслуживания: кафе, отдел кулинарии, парикмахерская, клуб с универсальным залом, плавательный бассейн, медицинский центр и т. п. В квартирах не были предусмотрены кухни[23].

Существовала тесная связь архитектурных предложений с кругом представлений социологов о будущем коммунистическом быте. Замысел ДНБ заключался в избавлении советской семьи от «домашнего рабства», от траты времени и сил на приготовление пищи. Основой для проектирования и строительства ДНБ, несомненно, была социальная идея преобразования общества. Дом, по идее архитекторов, должен был стать образцом нового советского быта с общественными заведениями с небольшим «закутком» для маленькой плиты «на всякий случай». Концепция ДНБ вполне соответствовала данному историческому периоду развития СССР, идея базировалась на концепции развернутого строительства коммунизма. Проект ДНБ был направлен на утверждение коммунистической морали, на преобразование сознания строителей коммунизма в духе коллективизма, на активизацию общественно-политической жизни советских граждан. Были утверждены проекты строительства ДНБ в Москве, Баку, Норильске, в Якутии.

Утопическая идея привела к закономерному результату: жители ДНБ стали готовить обеды дома на плите в «закутке». Семьи, которым предлагалось поселиться в этом доме, отказывались въезжать в него. Скорее всего, сработал синдром, связанный с опытом жизни людей в коммунальных квартирах, боязнь повторения нравов коммунальной кухни. К тому же оказалось, что объем учреждений обслуживания, приходящихся на одного жителя ДНБ, в несколько раз превосходит общепринятые нормативы для микрорайонов. Эксплуатационные расходы по дому-комплексу были чрезмерно велики, а для обслуживания проживающих в нем жителей требовалось содержать огромный персонал.

---

[23] *Овчинников А. А.* Жилище будущего // Советская архитектура. 1964. № 16. С. 19.

Началась активная дискуссия: может ли подобный ДНБ стать предтечей дома будущего? Дальше встал другой, более прозаический вопрос: не передать ли обременительные для хозяйства до́ма клубы, бассейны, столовые и другие подобные учреждения в эксплуатацию соответствующим хозрасчетным организациям района? В конечном счете ДНБ в Москве разделил судьбу домов-коммун и был передан МГУ под общежитие.

Чем же объяснить неудачу этого эксперимента? Главные ошибки, по-видимому, заключались в следующем. В ДНБ были превышены пределы действительно необходимого культурно-бытового обслуживания. Часть служб быта, безусловно, следовало оставить в ведении района. В составе одного дома они не могли полноценно использоваться и крайне обременили его эксплуатацию. В значительной степени именно из-за чрезмерных расходов на строительство этих объектов гостиные, буфеты, кухни, поэтажные столовые оказались неполноценными, непривлекательными даже с точки зрения рядовых стандартов.

В это же время наблюдалась тенденция постоянного повышения продаж кухонной мебели, кухонной бытовой техники. Большинство советских семей считало более удобным питание в домашних условиях, обед в кругу семьи. Несмотря на установку на исчезновение индивидуального хозяйства, стойкая ориентация советской семьи на домашние формы обслуживания сохранялась. Общественное питание для большинства советских семей не стало решающим, хотя и брало на себя обслуживание определенной доли населения (особенно обеды строителей в рабочее время).

Сторонники общественного питания не учли, что кухня в нашем быту означала нечто большее, чем очаг. Кухня была средоточием всей семейной жизни, его сердцевиной, архетипом дома. Кухня становилась общесемейным помещением с развитыми и разнообразными функциями. Домашняя кухня зачастую являлась ареной развернутой хозяйственной и культурной деятельности и превращалась в универсальное помещение, в которую выносилось большинство общесемейных процессов жизнедеятельности.

Массовое жилищное строительство способствовало становлению обособленной сферы бытия, изменению образа жизни советских граждан. Хрущевские пятиэтажки подняли значимость личной жизни и индивидуальных интересов, нанесли первый серьезный удар по казарменному коллективизму общежитий и укладу коммуналок, открыли новую эру индивидуального городского быта. Жизнь советских граждан стала более независимой, в отдельной квартире возникало ощущение самореализации в частной жизни, постепенно брала верх ориентация на личную активность. Отдельные квартиры способствовали изменению массового сознания, росту приоритетов личных интересов над общественными, что не соответствовало целям будущего коммунистического общества.

Между удовлетворенностью жильем и объемом свободного времени существовала связь. Благоустроенная квартира способствовала улучшению

структуры внерабочего времени советских граждан, избавляя от больших затрат времени на домашние заботы, освобождая время на отдых, учебу, культурные развлечения, воспитание детей. На домашний труд в отдельной квартире женщины экономили 25 % времени, мужчины — 40–50 %[24]. Домашним трудом в основном занимались молодые работающие женщины с малолетними детьми. Но сравнивать с капиталистическим индивидуализмом труд советских женщин было некорректно.

Идеологическая обработка советских граждан, нацеленная на ликвидацию индивидуального домашнего хозяйства, продолжалась довольно долго — в 1960-е гг. и в начале 1970-х гг. Все оказалось бесполезным. Сохранилась стойкая ориентация семьи на домашние, традиционные формы обслуживания. Несмотря на кропотливую работу по привлечению населения к общественному питанию, большинство советских граждан по привычке готовили дома, иногда пользуясь полуфабрикатами.

Полное обобществление советского быта оставалось пока всего лишь предметом философско-утопических суждений и благих пожеланий. СССР решал колоссальные и сложнейшие задачи в промышленности и не мог удовлетворительно решить проблему общественного питания. Пока проблема общественного питания была не решена, надо было строить кухни. В основном же, конечно, из-за привычки к традиционным формам быта, приверженность к собственной, семейной, обособленной квартире с домашней кухней сохранялась.

Смысл ряда специальных постановлений в области улучшения общественного питания, хозяйственно-бытового обслуживания был не только в том, что в них предусматривалось расширение масштабов культурно-бытового строительства и повышение качества обслуживания. Они были направлены на коренное изменение быта и воспитание нового человека — человека коммунистического общества.

Коллективистские формы организации труда, отдыха и быта были привычны советским людям, близки традиционному сознанию гигантских масс населения Советского Союза, в большинстве своем недавних выходцев из деревни. Власть рассчитывала, что коллективы советских людей будут связаны не только совместным производственным трудом, но и узами коллективного проживания. Советские коллективы станут производительными силами нового коммунистического общества, в котором будет существовать единство коллективно-трудовых и коллективно-бытовых отношений.

Конечно, авторы проектов школ-интернатов исходили из самых лучших побуждений, и все же главная идея вызывала серьезные сомнения. В самом деле, правильна ли была установка на постоянную изоляцию людей разных поколений? Общение людей разных поколений совершенно необходимо. Многолетнее пребывание детей лишь среди ровесников неминуемо задерживало их общее

---

[24] *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Человек после работы: социальные проблемы быта и внерабочего времени. М., 1972. С. 117–119.

развитие, замедляло изучение многостороннего опыта жизни; искусственная, инкубационная среда ослабляла жизненные силы, физическую и психологическую сопротивляемость внешним воздействиям. Настоящая родственная близость рождается лишь в общих семейных заботах.

Советскому социалистическому государству важно было доказать преимущества социалистического общества над капиталистическим в сфере семейно-бытовых отношений, что означало бы преимущество общественной формы советского быта над индивидуальным частным бытом.

Главная ошибка состояла тогда в неправильном толковании социальных предпосылок и путей формирования нового быта, в стремлении обобществить бытовые функции. Эта ошибка была связана с догматическим пониманием и применением выработанных в прежнее время принципов и форм коллективного жилища, многие проектные предложения механически подражали утопическим коммунам. Теоретические воззрения по поводу строительства коммунистического общества полностью пренебрегали насущными нуждами советской семьи.

В начале 1960-х гг. возник социальный заказ на новые формы и новую организацию жизни, были предприняты творческие поиски нового социального типа общежития в виде ДНБ, в основу которого была заложена идея органической связи жилища и обобществленного обслуживания.

Советских экономистов больше всего интересовал вопрос ликвидации семейного домашнего хозяйства вместо того, чтобы в первую очередь обсуждать давно назревшие вопросы отсутствия в стране необходимой индустрии быта. Несмотря на все пропагандистские усилия, домашнее хозяйство с индивидуальными кухнями было и осталось непременным атрибутом жизнедеятельности советских граждан. Оно не только было просто необходимо, но и общественно полезно, а наполнение советских кухонь стиральными машинами, холодильниками и другими механизмами делали условия домашнего труда более комфортными.

Заключение. Таким образом, советское государство проводило курс на ликвидацию домашнего хозяйства и параллельно осуществляло массовое жилищное строительство с предоставлением советским гражданам отдельных квартир, которые способствовали росту индивидуальных интересов.

Вместо тотального обобществления домашнего хозяйства вполне разумно было интенсивно развивать сферы общественного обслуживания для гармоничного сочетания семейных и общественных функций хозяйства. Устоявшаяся догма в идеологическом противостоянии между социалистической и капиталистической системами, заключающаяся в том, что семейные и общественные роли должны противостоять друг другу, оказалась совершенно несостоятельной и неверной, не учитывающей индивидуальные интересы и творческие занятия домашним хозяйством. Ускорялся процесс социального развития общества, но кухни всегда оставались воплощением индивидуального, замкнутого быта.

Сторонники общественных форм бытового обслуживания не готовы были понять индивидуализацию домашнего семейного советского быта, тенденция к которой не только не ослабевала, но, наоборот, усиливалась с ростом технической оснащенности и рационализации домашнего хозяйства. Ведение домашнего хозяйства позволило обеспечить индивидуальные основы быта, индивидуальные потребности советской семьи, сохранить необходимость очага, его уникальность.

Литература

1. Гордон Л. А., Клопов Э. В. Человек после работы: социальные проблемы быта и внерабочего времени. М.: Наука, 1972. 368 с.

2. Овчинников А. А. Жилище будущего // Советская архитектура. 1964. № 16. С. 19–23.

3. Павлов Д. В. Стойкость. М.: Политиздат, 1983. 366 с.

4. Синицын В. Г. Рождение коммунистического быта. М.: Знание, 1960. 48 с.

5. Татаринова Н. И. Строительство коммунизма и труд женщин. М.: Экономика, 1964. 112 с.

References

1. Gordon L. A., Klopov E. V. Chelovek posle raboty: sotsial`nye problemy byta i vnerabochego vremeni [Man after work: social problems of everyday life and the non-working time]. Moscow: Nauka, 1972. 368 p. (In Russ.).

2. Ovchinnikov A. A. Zhilishche budushchego [Housing of the future] // Sovetskaia arkhitektura. 1964. № 16. P. 19–23. (In Russ.).

3. Pavlov D. V. Stoikost` [Persistence]. Moscow: Politizdat, 1983. 366 p. (In Russ.).

4. Sinitsyn V. G. Rozhdenie kommunisticheskogo byta [The birth of Communist life]. Moscow: Znanie, 1960. 48 p. (In Russ.).

5. Tatarinova N. I. Stroitel`stvo kommunizma i trud zhenshchin [The construction of communism and the work of women]. Moscow: Ekonomika, 1964. 112 p. (In Russ.).

УДК 94(37)
DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.11

Гуськов Евгений Александрович

кандидат исторических наук
Самарский филиал Московского городского
педагогического университета
Самара, Россия
megistos@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0841-6938

ПАРОЛИ ДЛЯ ПРЕТОРИАНЦЕВ: К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ HISTORIA AUGUSTA

Аннотация. В сборнике биографий римских императоров Historia Augusta (HA), который пользуется сомнительной славой в научной среде, имеется несколько упоминаний о выдаче паролей дежурному преторианскому отряду, охранявшему особу правителя. В общей сложности в составе сборника содержится пять упоминаний о проведении этой процедуры, из которых два относятся к одному эпизоду. Проведенный анализ показал, что, несмотря на ряд сомнительных элементов в описаниях ее в HA, данная информация, скорее всего, является достоверной.

Ключевые слова: Historia Augusta, преторианские когорты, военный пароль, Дион Кассий, Луций Марий Максим, Септимий Север, Древний Рим.

© Гуськов Е. А., 2022

UDC 94(37)
DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.11

Evgeniy A. Guskov

Candidate of Historical Sciences
Samara Branch of Moscow City University
Samara, Russia.
megistos@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0841-6938

WATCHWORDS FOR PRAETORIANS: TO THE QUESTION OF THE RELIABILITY OF HISTORIA AUGUSTA

Abstract. In the collection of biographies of Roman emperors, Historia Augusta, which enjoys a dubious reputation in the scientific community, there are several references to issuing watchwords to the Praetorian Guard on duty, who protected the ruler's person. In total, the collection contains five mentions of this procedure, of which two relate to one episode. The analysis showed that despite a number of questionable elements in the descriptions of this procedure in HA, this information is most likely reliable.

Keywords: Historia Augusta, praetorian cohorts, military watchword, Cassius Dio, Lucius Marius Maximus, Septimius Severus, ancient Rome.

Введение. Ненадежность сборника Historia Augusta HA как исторического источника уже давно стала притчей во языцех[1]. Пользоваться им приходится крайне осторожно, так как до сих пор неизвестны ни точное время создания самого сочинения, ни его автор[2]. И все же от этого

---

[1] Это условное название придумано в XVII в., однако нельзя быть уверенным в том, что сборник вообще имел единый заголовок, а если таковой и был, то нет возможности его установить (*Thomson M.* The original title of the Historia Augusta // Historia. 2007. Bd. 56, h. 1. S. 121–125).

[2] Предлагаемые исследователями датировки написания этого труда различны, но в большинстве своем они укладываются в рамки IV – начала V века: 1) правление Феодосия I (*Syme R.* Historia Augusta papers. Oxford, 1983), 2) 360-е гг. (*Momigliano A.* An unsolved problem of historical forgery: the scriptores Historiae Augustae // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1954. Vol. 17. № 1/2. P. 42–43); 3) рубеж IV–V вв. (*Honoré T.* Scriptor Historiae Augustae // The Journal of Roman Studies. 1987. Vol. 77. P. 156–176; *Dessau H.* Über Zeit und Persönlichkeit der Scriptores Historiae Augustae // Hermes. 1889. Bd. 24, h. 3. S. 337–392); 4) начало 300-х гг. (*Mommsen Th.* Die Scriptores Historiae Augustae // Hermes. 1890. Bd. 25. S. 228–292). Особняком стоит версия А. фон Домашевски, который относил создание HA к концу VI в. (*Domaszewski A.* Die Personennamen bei den Scriptores historiae Augustae. Heidelberg, 1918). Об этой дискуссии см.: *Barnes T. D.* Prosopography and Roman History // Prosopography Approaches and Applications: a handbook / ed. by K. S. B. Keats-Rohan. Oxford, 2007. P. 91–92. Подробнейший обзор многочисленных точек зрения на датировку и авторство сборника: *Magie D.* The authorship and date of the Historia Augusta // The Scriptores Historiae Augustae / with an English transl. by D. Magie. Vol. II. London; Cambridge, 1924. P. VII–XXXVI; *Rohrbacher D.* The sources of the Historia Augusta re-examined // Histos. 2013. Vol. 7.

сборника трудно отказаться, ведь в нем много уникальной информации, отсутствующей в параллельных источниках: иногда его загадочный автор сообщает важные имена или детали, временами предлагает оригинальную трактовку событий, но порой рассказывает вопиющие своей лживостью небылицы. До сих пор важнейшей задачей остается выявление в нем достоверных и подложных сведений.

Ход и результаты исследования. Рассмотрим данную проблему на примере описания выдачи пароля (*signum*) преторианцам дежурного отряда. Всего в НА пять раз сообщаются пароли для преторианских караулов: *Ant. Pius.* 12. 6 = *M. Ant.* 7. 3; *Pert.* 5. 7; 6. 3; *Sev.* 23. 4, из них два упоминания касаются одного эпизода, а в двух других случаях говорится об одинаковом пароле. Таким образом, в нашем распоряжении оказываются четыре пароля, три из которых уникальны, но, что особенно важно, во всех случаях они привязаны к конкретным датам и событиям.

Начнем с того, что сама возможность раскрытия паролей не должна подвергаться сомнению, а рассматриваемый сборник не единственный, где они встречаются: их также можно найти и в более достоверной традиции — у Сенеки Младшего, Иосифа Флавия, Тацита, Светония и Диона Кассия (см. Appendix), а значит, нет никакой необходимости с ходу приписывать их появление в сборнике авторской фантазии. Тем более НА — сочинение очень неоднородное, скроенное не только из слухов, анекдотов, домыслов и фантазий, но и из вполне добротных источников. Отделение зерен от плевел представляет собой необъятное поле для исследователей.

К сожалению, интересующая нас процедура раздачи пароля не имеет подробного описания в НА, поэтому невозможно оценить, насколько автор был осведомлен о том, как именно была устроена система внутренней безопасности среди императорских телохранителей, а имеющиеся фрагменты касаются, как и у других античных авторов, только одного ее аспекта — непосредственно самого момента объявления пароля. Невозможно предъявить к автору какие-либо претензии и по существу, ибо он сообщает только одну-единственную техническую деталь: император и правда давал пароль трибуну. Однако наш мистификатор мог с легкостью сделать это как на основании известных ему описаний его коллег по цеху, так и просто путем приложения к частному случаю общих знаний об организации караульной службы в римском военном лагере.

Обратимся к данной проблеме с иного ракурса: откуда античные авторы заимствовали эту некогда конфиденциальную информацию и почему она сохранилась?

1. SHA. *Ant. Pius.* 12. 6 = *M. Ant.* 7. 3: *Aequanimitas* (6 марта 161 г.).

P. 146–149. Совсем недавно была обнаружена новая рукопись НА, восполняющая несколько лакун в имеющемся на данный момент массиве: *Stover J.* New light on the Historia Augusta // The Journal of Roman Studies. 2020. Vol. 110. P. 167–198.

Пароль приведен в биографии Антонина Пия, написанной якобы Юлием Капитолином, и повторен в жизнеописании Марка Аврелия, которое, согласно стилеметрическому анализу, теснее всего связано с книгами о Коммоде, Пертинаксе и Дидии Юлиане[3]. Обстоятельства, при которых он был дан, следующие:

Marco Antonino rem publicam et filiam praesentibus praefectis commendavit Fortunamque auream, quae in cubiculo principum poni solebat, tansferri ad eum iussit, signum tum tribuno aequanimitatis dedit atque ita conversus quasi dormiret, spiritum reddidit apud Lorium[4].

Выходит, что процедура выдачи происходила то ли в присутствии нескольких человек, то ли сразу же после их ухода. Эта мысль усилена в жизнеописании Марка (автором которого назван Элий Спартиан), где сюжет изложен почти слово в слово, но с уточнением о том, что на последнем собрании у Антонина присутствовали, помимо префектов и наследника, друзья умирающего, а пароль был дан statim (тотчас), т. е. при них:

Ob hoc Antoninus Pius, cum sibi adesse finem vitae videret, vocatis amicis et praefectis ut successorem eum imperii omnibus commendavit atque firmavit statimque signo aequanimitatis tribuno dato Fortunam auream, quae in cubiculo solebat esse, ad Marci cubiculum transire iussit[5].

Как видим, свидетелей, которые слышали или могли услышать последний пароль Антонина, было несколько: наследник принципата, неконкретизированные здесь префекты (надо полагать, префекты претория — Т. Фурий Викторин и С. Корнелий Репентин[6]), которых специально вызвали (vocatis) в связи с ухудшением здоровья императора, трибун дежурной когорты, а также, следуя простой логике, как минимум кубикулярий. Кто конкретно подразумевается под обобщением amici, неизвестно: ни здесь, ни в других местах они не названы по именам.

Налицо процедурные нарушения, несовместимые с соображениями безопасности. Простая логика диктует, чтобы круг присутствующих во время

---

[3] *Marriot I.* The Authorship of the Historia Augusta: Two Computer Studies // JRS. 1979. Vol. 69. P. 69.

[4] SHA. Ant. Pius. 12. 5–6. Буквальный перевод: «…в присутствии префектов поручил Марку Антонину государство и дочь и приказал перенести к нему золотую Фортуну, которая стояла обыкновенно в покоях принцепса, затем дал трибуну пароль aequanimitas и, повернувшись, словно бы спал, испустил дух в Лории» (здесь и далее перевод автора статьи, если не указано другое).

[5] SHA. M. Ant. 7. 3. «Поэтому, когда Антонин Пий почувствовал приближение конца жизни, призвал своих друзей и префектов, всем им представил его (т. е. Марка. — *Е. Г.*) как преемника своей власти и утвердил его, тотчас же после этого он дал трибуну пароль aequanimitas и велел перенести в покои Марка золотую Фортуну, которая обычно находилась в его собственных покоях».

[6] В другом месте ошибочно названные Корнелием Викторином и Фабием Репентином (SHA. Ant. Pius. 8. 8–9). Их биографии см.: *Stein A.* Sex. Cornelius Repentinus // RE. 1901. IV. Sp. 1422; *Rossignol B.* Les préfets du prétoire de Marc Aurèle // Cahiers du Centre Gustave Glotz. 2007. T. 18. P. 142, 145–146, 146–149; *Camodeca G.* La carriera del prefetto del pretorio Sex. Cornelius Repentinus in una nuova iscrizione Puteolana // ZPE. 1981. Bd. 43. S. 43–56.

этой процедуры лиц был минимально узким[7]. Хотя нам неизвестны многие детали организации системы обеспечения безопасности императора в целом, можно не сомневаться в том, что процедура выдачи-получения пароля играла в ней решающую роль, поскольку контроль над выдачей signa позволял ограничивать доступ к правителю. Помимо практических соображений данная процедура несла и очевидный политический смысл, ибо пароль был одним из символов, который связывал воинов с императором, его дававшим[8], а потому государи, подчеркивавшие связь с армией и уделявшие собственной безопасности большое внимание, не должны были пренебрегать ею.

Здесь, однако, мы имеем дело с экстраординарной ситуацией, требовавшей присутствия высоких должностных лиц для максимально безболезненного транзита власти. Впрочем, на основании того, что нам сегодня известно о раскладе политических сил в середине II в., эти меры кажутся излишними, ведь на протяжении почти всего правления Антонина Пия Марк Аврелий и Луций Вер являлись неоспоримыми наследниками принципата.

Вдобавок одним из лейтмотивов всей биографии Антонина Пия является отсутствие страха перед подданными, что объясняется относительно спокойным правлением[9]. Он не опасался предательства своего окружения и своей охраны, поэтому мог позволить себе некоторую беспечность — и уж тем более в последние мгновения жизни.

Окружающий процедуру выдачи контекст, по крайней мере в той части, которую можно проверить, достоверен. Наш загадочный автор совершенно правильно поместил эти события в Лорий, где на самом деле скончался Антонин Пий, указал верную дату (7 марта 161 г.) и время выдачи (вечер)[10]. Встречное возражение о том, что даты и обстоятельства смерти антониновских императоров были хорошо известны во времена поздней Античности[11], тут не работает. Хорошей иллюстрацией служит биография Каракаллы, не отличающаяся высокой достоверностью, хотя у автора, располагающего книгами Мария Максима, не должно было возникнуть больших проблем с материалом. Проблемы у нашего биографа обычно возникают, когда он пытается свести воедино показания разных источников: у него это, надо признаться, получается

---

[7] Об этом см. Herod. 3. 11. 6.

[8] Tac. Hist. 1. 38. 2. *Eaton J.* The political significance of the imperial watchword in the Early Empire // Greece & Rome, Second Series. 2011. Vol. 58, № 1. P. 56 ff.

[9] Известные нам два заговора против него были с легкостью разоблачены и обезврежены (SHA. Ant. Pius. 7. 3–4). Идентификация заговорщиков и их возможные цели см.: *Michels C.* Usurpation und Prinzipatsordnung unter Antoninus Pius und Marc Aurel // Marc Aurel — Wege zu seiner Herrschaft, hrsg. von V. Grieb unter Mitarbeit von C. Koehn. Gutenberg, 2017. S. 31 ff. Все они относятся к первым годам принципата Антонина: заговор Т. Атилия Руфа Титиана, вероятно, стоит датировать 138 г. (заговор был направлен против Адриана, но решение по делу выносилось уже при его преемнике), а заговор Корнелия Присциана, согласно фастам Остии, имел место в 145 г.

[10] При нормальном распорядке пароль выдавался дважды в сутки — утром и вечером.

[11] Aur. Vict. De Caes. 16. 3; [Aur. Vict.] Epit. 15. 7.

очень скверно. В недавнем исследовании было установлено, что наш мистификатор по-разному проявляет себя в разных разделах НА: его собственный научный и методологический подход мы видим во всей красе в биографии Пупиена и Бальбина и в целом в последних разделах сборника, в то время как в ранних частях его вторжение в первоначальный материал было минимальным[12]. Хорошее качество биографии Антонина Пия в целом и описания его последних дней в частности указывает на то, что весь этот эпизод взят целиком из одного (и при том добротного) источника.

Традиционно считается, что своим относительным единодушием в описаниях и оценках императоров II в. позднеантичные историки обязаны несохранившемуся до наших дней краткому сборнику императорских биографий, условно названному Kaisergeschichte (Императорская история), который в «антониновской» части опирался на недошедшие до нас книги Л. Мария Максима[13], а для предшествующей эпохи таким источником, по всей видимости, был Светоний. Сочинение Аврелия Виктора и Эпитома, опиравшиеся на Kaisergeschichte, в разделе о принципате Антонина дают мало деталей, а значит, наш биограф позаимствовал этот мотив непосредственно у Максима.

---

[12] *Stover J., Kestemont M.* The authorship of the Historia Augusta: Two new computer studies // BICS. 2016. Vol. 59, no. 2. P. 140–157.

[13] Возможны три варианта идентификации этого автора. Согласно самой распространенной, его полное имя — Луций Марий Максим Перпетуй Аврелиан. В 193 г. он был легатом I Италийского легиона, после битвы при Лугдуне стал пропретором сначала Бельгики, а потом Нижней Германии. После наместничества в Келесирии и Африке Максим занимал в 214–216 гг. важнейший провинциальный пост наместника Азии (*Barnes T. D.* Proconsuls of Asia under Caracalla // Phoenix. 1986. Vol. 40, № 2. P. 202–205), а в 223 г. был ординарным консулом (*Syme R.* Emperors and biography: studies in the Historia Augusta. Oxford, 1971. P. 135–143). Подробнее о его жизни и карьере: The Fragments of the Roman Historians / ed. by T. J. Cornell. Vol. I. Oxford, 2013. P. 603–611. Согласно альтернативной версии, историком мог быть его сын, ординарный консул 232 г. Наименее популярная точка зрения — историком был племянник первого и, соответственно, кузен второго; он тоже был консулом — в 237 г. (*Bird H. W.* Mocking Marius Maximus // Latomus. 1999. T. 58, fasc. 4. P. 851). По ряду косвенных признаков предпочтение отдают консулу 223 г. Потомки историка, возможно, были связаны с Никомахами Флавианами (*Birley A. R.* The Historia Augusta and Pagan Historiography // Greek and Roman Historiography in Late Antiquity. Fourth to Sixth Century A. D. / ed. by G. Marasco. Leiden, 2003. P. 128–129). Бытует мнение, будто в самых общих чертах произведение Максима дошло до нас в пересказе Авсония. В свое время эту мысль осторожно высказал Т. Д. Барнс (*Barnes T. D.* Hadrian and Lucius Verus // JRS. 1967. Vol. 57, № 1/2. P. 66), и вскоре она получила широкое распространение. Благодаря такому подходу вырисовывался и перечень императоров, которым Максим посвятил биографии: Нерва, Траян, Адриан, Антонин Пий, Марк Аврелий, Коммод, Пертинакс, Дидий Юлиан, Септимий Север, Каракалла, Макрин и Гелиогабал. Получалось, что труд Мария мог хронологически продолжать сочинение Светония и даже совпадать с ним по числу цезарей. Эта по-своему красивая и многозначная гипотеза, однако держится на очень шатких основаниях, ведь никаких доказательств зависимости Авсония от северовского биографа нет (*Green R. P. H.* Marius Maximus and Ausonius' Caesares // CQ. 1981. Vol. 31, № 1. P. 226–236).

Еще одним потенциальным источником для этого пассажа мог быть Азиний Квадрат[14], но тот, судя по цитате Ксифилина, подводя итог жизни и правления Антонина, ограничился лишь общим замечанием о его преклонном возрасте и безмятежности его смерти[15].

Мотив безмятежной смерти Антонина Пия был общим топосом в римской историографии. Свою лепту в создание этого образа в античной традиции внес в первую очередь Марк Аврелий[16]. Почти наверняка, все это было ярко расцвечено у Мария Максима, чья биография Антонина вообще отличалась особенной благожелательностью. Финальный — знаковый (!) — пароль в жизни этого безмятежного государя напрашивался сам собой. Совсем не обязательно, что он был выдуман для закрепления образа Антонина; скорее, он потому и запомнился, что хорошо сочетался с этим образом и стал символом, который красиво подвел итог всему без малого 23-летнему правлению этого императора.

2–3. SHA. *Pert.* 5. 7 и 6. 3: *Militemus* (1 и 2 января 193 г.).

Ad Palatium ergo Pertinax profectus, quod tunc vacuum erat, quia Commodus in Vectilianis occisus est, petenti signum prima die tribuno dedit «militemus» exprobrans utique segnitiam temporum superiorum; quod quidem etiam ante in omnibus ducatibus dederat[17].

Согласно Юлию Капитолину, в первый день Пертинакс в качестве пароля дал militemus. Далее находим интересную ремарку о том, что новый император уже неоднократно использовал его и раньше, когда управлял провинциями[18]. На следующий день преторианцы получили точно такой же пароль[19]. И снова ни один другой автор ничего не говорит об этом.

В этот раз, в отличие от предыдущего случая, все формальности соблюдены.

По стилю Vita Pertinacis ближе всего к биографиям Коммода и Дидия Юлиана[20]. Учитывая, впрочем, что весь сборник, скорее всего, принадлежит одному автору[21], можно заключить, что более тесная связь между этими тремя

---

[14] Этот автор чаще всего отождествляется с сенатором 240-х гг. Гаем Азинием Протимом Квадратом. См.: *Zecchini G.* Asinio Quadrato storico di Filippo l'Arabo // ANRW. II. Bd. 34. 4. 1998. P. 2999–3021; *Migliorati G.* Cassio Dione e l'impero romano da Nerva ad Antonino Pio: alla luce dei nuovi documenti. Milano, 2003. P. 381–385. Возможна также идентификация с проконсулом Гаем Азинием Квадратом: The Fragments of the Roman Historians. P. 612–613.

[15] Xiph. 256. 28 – 257. 14.

[16] M. Ant. Ad se ipsum. 1. 16.

[17] SHA. Pert. 5. 7.

[18] SHA. *Pert.* 5. 7: quidem etiam ante in omnibus ducatibus dederat.

[19] SHA. *Pert.* 6. 3: signum idem dederat.

[20] *Marriot I.* Op. cit. P. 69.

[21] Качество исторического материала в сборнике сильно разнится, тем не менее сегодня практически нет сомнений в том, что так или иначе к написанию всех его разделов приложил руку один человек: в нем самом в качестве создателей значатся 6 авторов: Юлий Капитолин, Элий Спартиан, Элий Лампридий, Вулкаций Галликан, Требеллий Поллион и Флавий Вописк, — однако они не известны по другим античным источникам, а стилеметрический

биографиями вызвана, по всей очевидности, использованием одного источника или же более прямолинейным следованием ему. Самым очевидным кандидатом и здесь является Марий Максим, за которым числятся жизнеописания как минимум Коммода и Пертинакса.

4. SHA. *Sev.* 23. 4: *Laboremus* (4 февраля 211 г.):

Авторство биографии Септимия Севера приписывается Элию Спартиану, который в рассказе о последних днях жизни Севера ссылается на труд некоего Элия Мавра (*Sev.* 20. 1: *Aelium Maurum Phlegontis Hadriani libertum*). Как и многие другие цитируемые в НА «авторитетные» источники, Мавр больше нигде не упоминается и считается мистификацией[22].

Iussit deinde signum tribuno dari «laboremus», quia Pertinax, quando in imperium adscitus est, signum dederat «militemus». Fortunam deinde regiam, quae comitari principes et in cubiculis poni solebat, geminare statuerat, ut sacratissimum simulacrum utrique relinqueret filiorum; sed cum videret se perurgueri sub hora mortis, iussisse fertur, ut alternis diebus apud filios imperatores in cubiculis Fortuna poneretur[23].

Дион Кассий в передаче Ксифилина приводит предсмертные слова Севера: «Давайте действовать, у нас еще есть дела» (ἄγετε, δότε, εἴ τι πρᾶξαι ἔχομεν)[24], — но не связывает их, в отличие от автора НА, с процедурой выдачи пароля. Конечно, выбор между Дионом и НА в подобном контексте трудным не назовешь, однако нужно учитывать и то обстоятельство, что Дион Кассий, скорее всего, не сопровождал Севера во время британской кампании. Во всяком случае, в соответствующих разделах «Римской истории» следов аутопсии нет. При описании последних лет и самой смерти Севера, наступившей в Эбораке, Дион, скорее всего, и сам зависел от какого-то источника, очень близкого ко двору[25]. Сопровождал ли императора в этой кампании Марий Максим, также неизвестно.

Если считать, что для НА источником, вопреки лживой наводке, выступил Марий Максим, то перед нами возникает проблема выбора из примерно

анализ показывает, что все они пишут как один человек и пользуются идентичными приемами (*White P.* The Authorship of the Historia Augusta // JRS. 1967. Vol. 57, no. 1/2. P. 115–133; *Marriot I.* Op. cit.; *Momigliano A.* Op. cit.). Роль этого человека, придавшего всему сочинение единообразие, в написании сборника оценивается неоднозначно: большинство считает его автором, но, например, Т. Моммзен и Г. Петер полагали, что он был всего лишь редактором, соединившим и обработавшим (переработавшим) существовавшие до него разрозненные тексты (*Mommsen Th.* Die Scriptores Historiae Augustae. S. 228–292; *Peter H.* Die Scriptores Historiae Augustae. Sechs literargeschichtliche Untersuchungen. Leipzig, 1892).

22 *Hock R. P.* Puns, Aelius Maurus, and the Composition of the Historia Augusta // TAPA. 1982. Vol. 112. P. 110; *Syme R.* Not Marius Maximus // Hermes. 1968. Bd. 96, h. 3. S. 501.

23 SHA. *Sev.* 23. 4–6.

24 Dio Cass. 77. 17. 4.

25 Возможно, этим информатором был Филострат, член философского кружка августы Юлии Домны. См.: *Moscovich M. J.* Cassius Dio's Palace Sources for the Reign of Septimius Severus // HZAG. 2004. Bd. 53, h. 3. S. 361 ff.

равно авторитетных источников. Ясно, что информаторов в силу специфики обстоятельств не могло быть много, поэтому Дион и Максим, кстати, почти наверняка лично знакомые друг с другом, несмотря на небольшое расхождение, опираются на один источник независимо друг от друга. Они опубликовали свои произведения практически одновременно в 220-х гг., поэтому невозможно современными методами установить, кто у кого черпал информацию — Дион у Максима или наоборот, да и черпал ли вообще[26].

В основе предложенного НА описания смерти Севера, вне всяких сомнений, лежат реминисценции из Саллюстия, который вложил схожую мысль в уста Мицепсы[27]. Впрочем, биограф, судя по обилию прямых и косвенных цитат, прекрасно знакомый с творчеством Саллюстия, мог приспособить его идеи к своему труду и через схему Мария Максима, который по возможности приводил последние слова своих героев.

Все это говорит о том, что версия Диона более вероятная, так как склонный к игре слов автор *HA*, сравнивая финал правления Севера с началом принципата Пертинакса (quia Pertinax), возможно, намеренно укоротил позаимствованные у Мария Максима слова Севера, чтобы аналогия была более полной и очевидной, а ссылкой на несуществующего Элия Мавра биограф, надо думать, хотел обосновать внесенное им исправление, обозначив свою «независимость» от Максима, этого «несерьезного» в глазах позднеантичных интеллектуалов автора[28].

Каким образом римские историки узнавали эти пароли? Даже беглый взгляд позволяет в качестве основных информаторов идентифицировать императорских либертинов — как и в случае с другими интимными деталями из жизни римских государей. Об этом прямо сообщают римские историки. Так, Кассий Дион говорит как о вполне нормальной ситуации, когда вольноотпущенники нередко за подношения разглашали информацию о словах и делах своего господина[29]. Предсмертные слова Августа и в целом обстоятельства, предшествовавшие его смерти, стали известны благодаря его спальникам[30]. Теоретически пароли постфактум могли раскрыть и трибуны или воины караульных когорт, но как минимум в двух эпизодах это маловероятно. Во-первых,

---

[26] Вот для примера противоположные точки зрения: *Molinier Arbo A.* Dion Cassius *versus* Marius Maximus? Éléments de polémique entre les “ROMAIKA” et “L’Histoire auguste” // Phoenix. 2009. Vol. 63, no. 3/4. P. 293–294 (Дион у Максима); *Rohrbacher D.* Op. cit. P. 173; The Fragments of the Roman Historians. P. 607–608 (Максим у Диона).

[27] Sallust. *B. Iug*. 10. 6. Straub J. Die ultima verba des Septimius Severus // ABHAC 1963. Bonn, 1964. S. 171–172.

[28] По крайней мере, имеющиеся упоминания о Максиме у античных писателей содержат как будто бы пренебрежительное отношение к нему (Amm. 28. 4. 14). Впрочем, причиной такой предвзятости была, по всей видимости, не его плохая научная репутация, а порицаемая интеллектуалами чрезмерная увлеченность генеалогией (*Rohrbacher D.* Op. cit. P. 154 ff.).

[29] Dio Cass. 69. 7. 4.

[30] Suet. *Tib.* 21. 2.

только кубикулярий Марка мог сохранить нам последние слова своего государя, произнесенные им вместо пароля: все тот же Кассий Дион рассказывает, что в марте 180 г., буквально накануне своей кончины, Марк отправил трибуна, пришедшего к нему за паролем, к Коммоду со словами «Ступай к восходящему, ибо я уже клонюсь к закату»[31]. Эти слова были известны и спальнику, и трибуну, но полученный в итоге пароль был известен только трибуну, а он-то и не сохранился. Во-вторых, о том же говорит и упомянутое выше свидетельство о неоднократном использовании пароля Пертинаксом. Воины дежурных когорт, разумеется, могли им поделиться друг с другом после караула, но едва ли они были в курсе, какие пароли давал Пертинакс в провинции. Информатор должен был постоянно быть с ним несколько лет. Эти эпизоды являются наиболее убедительным доказательством того, что римские авторы получали информацию подобного рода от императорских вольноотпущенников. Предсмертные же пароли остальных государей остались в забвении не потому, что их не слышали, а потому, что они были тривиальными и прозаическими, а потому и неинтересными.

Заключение. Таким образом, приведенные в НА пароли для преторианцев кажутся вполне достоверными: убедительны как обстоятельства сохранения их в людской памяти, так и их контекст (они содержатся в самых лучших и в относительно хороших частях этого сборника[32]). Несмотря на то что сохранившиеся тессеры[33], в качестве паролей дают нам имена богов и абстракций, случай выдачи пароля самим императором в определенном смысле особенный. Офицеры в местных гарнизонах, выбирая пароль, были скованы рамками политической лояльности к правящему императору и его династии, в то время как сами правители могли позволить себе несравнимо больше свободы. Поэтому почти все *известные из нарратива* пароли гораздо сложнее или, во всяком случае, специфичнее. Автор НА без особых проблем мог «изобрести» принципиально непроверяемые пароли для повседневных ситуаций… но тем не менее

---

31 Dio Cass. 72. 34. 1; пер. А. В. Махлаюка.

32 Усилиями многих исследователей на протяжении почти полутораста лет в составе сборника выявлены наиболее ценные и заслуживающие доверия части. Сегодня наиболее достоверными и отличающимися высоким качеством считаются восемь «старших биографий» августов: Адриана, Антонина Пия, Марка Аврелия, Коммода, Пертинакса, Дидия Юлиана, Септимия Севера и Каракаллы, плюс жизнеописание Луция Вера. Основной костяк этой группы определил еще Т. Моммзен (*Mommsen Th.* Die Scriptores Historiae Augustae. S. 246), но в его списке присутствовала Vita Macrini, качество которой впоследствии не подтвердилось, и в то же время там не было биографии Луция Вера, которую сегодня относят к лучшим разделам НА.

Сравнительно неплохими считаются также семь биографий соправителей, младших правителей и узурпаторов: Элия Цезаря, Авидия Кассия, Песценния Нигера, Клодия Альбина, Геты и Диадумена (так называемые младшие биографии). Содержащаяся в «старших» и «младших» биографиях информация в основном подтверждается — прямо или косвенно — эпиграфическим или параллельным нарративным материалом.

33 См. примеч. 39.

не сделал этого. Заметим, что он не придумал ни одного пароля для германской стражи, которые вообще непроверяемы[34]. А такие, «особые», пароли восходили к биографической традиции, т. е. почти наверняка к Марию Максиму. Разумеется, все это не доказывает достоверность самой традиции, но служит, по крайней мере, косвенным доказательством того, что тут автор НА не занимался откровенным подлогом. С высокой вероятностью можно считать, что эти пароли уже присутствовали в сочинении Максима, а у нас нет оснований обвинять его в подтасовках и мистификациях[35].

В каждом рассмотренном случае пароль выражает не просто девиз правления, наподобие тех, что были у китайских императоров, но и образ соответствующего императора в исторической традиции, с тем важным отличием, что девиз провозглашался открыто, а пароль должен был оставаться в тайне. Но это не было помехой для их разглашения в будущем, как показывают аналогичные

---

[34] Пароли для караульной преторианской когорты и для германцев, несомненно, различались. На эту мысль, помимо общих соображений безопасности, наводят намеки в наших источниках. Так, например, трибун Сатурнин, якобы направленный префектом Плавтианом для убийства Септимия Севера, свободно перемещался по ночному дворцу, охраняемому преторианским караулом, но не мог беспрепятственно миновать германских телохранителей у входа в императорскую опочивальню (Herod. 3. 12. 1). Впрочем, в версии Диона, ошибочно называющего Сатурнина центурионом (Dio Cass. 76 (77). 4. 2; cf. Amm. 29. 1. 17), никакого заговора не было, а все события января 205 г. представляли собой заговор Каракаллы против Плавтиана, поэтому Сатурнин, действуя по инструкции младшего императора, естественным образом не встретил никаких препятствий во дворце.

[35] Сегодня все более распространяется мнение о том, что лучшие части сборника НА обязаны своей достоверностью именно сочинению Мария Максима (*Birley A. R.* Septimius Severus. The African Emperor. L., 2002. P. 85; Rohrbacher D. Op. cit. P. 155; Bird H. W. Op. cit.). Самым авторитетным противником этой точки зрения является, пожалуй, Рональд Сайм, который настаивал на том, что в большей степени в НА использовалось какое-то другое, неизвестное сочинение, названное им условно Ignotus, а роль Максима была невелика: *Syme R.* Not Marius Maximus. S. 494–502; см. также: *Kulikowski M.* Marius Maximus in Ammianus and the Historia Augusta // CQ. 2007. Vol. 57, no. 1. P. 244–256. Аргументация Сайма строится на том основании, что наш автор, ссылаясь на Максима, обычно вступает с ним в спор, приводя либо иную интерпретацию событий, либо дополнительные (при том часто сомнительные) сведения. По большому счету в подобных случаях не обязательно предполагать альтернативный источник. Возможно, наш мистификатор, почти целиком основываясь на Максиме, просто отдавал предпочтение одной из приводимых им версий — принципиально не той, которой придерживался сам Максим, чтобы придать своему труду видимость более «самостоятельного» характера. Лучше всего эту мысль проиллюстрировать примером того, как автор НА поработал с тем источником, которым сегодня располагаем и мы, — сочинением Геродиана, откуда он черпал информацию для разделов, посвященных 217–238 гг., в точности, как у Мария Максима для эпохи Антонинов. Временами Геродиан цитируется слово в слово, иногда сокращается, кое-где рекомпонуется, а в ряде случаев дополняется какими-либо непроверяемыми, а главное не всегда правдоподобными, деталями (специально об этом см.: *Kolb F.* Herodian in der Historia Augusta // AIHAC 1972/1974. Bonn, 1976. S. 143–152). Не будь у нас сочинения Геродиана, наше мнение о нем было бы хуже. Так что, самым разумным будет не делать далеко идущих выводов о качестве сочинения Максима по цитатам в НА; и в то же время факт остается фактом: самые лучшие части всего сборника — те, которые так или иначе опирались на труд Мария Максима.

пассажи более авторитетных древних авторов. Древним авторам какими-то путями удавалось получить соответствующую информацию, когда она теряла свою актуальность; им она была интересна в сугубо художественных и назидательных целях, помогала раскрыть и проиллюстрировать нравы императоров. Эти пароли запомнились трибунам, вольноотпущенникам или друзьям императора своей декларативностью и необычными обстоятельствами, в которых они произносились. Да и информация о первых деяниях нового принцепса, по которой можно было бы понять образ будущего правления, особенно интересовала подданных, а потому могла целенаправленно собираться, если представлялась такая возможность.

Литература / References

1. Barnes T. D. Hadrian and Lucius Verus // JRS. 1967. Vol. 57, no. 1/2. P. 65–79. DOI: 10.2307/299345

2. Barnes T. D. Proconsuls of Asia under Caracalla // Phoenix. 1986. Vol. 40, no. 2. P. 202–205. DOI: 10.2307/1088515.

3. Barnes T. D. Prosopography and Roman History // Prosopography Approaches and Applications: a handbook / ed. by K. S. B. Keats-Rohan. Oxford: The Oxford University and The Contributors, 2007. P. 83–93

4. Bird H. W. Mocking Marius Maximus // Latomus. 1999. T. 58, fasc. 4. P. 850–860.

5. Birley A. R. Septimius Severus. The African Emperor. London: Routledge, 2002. 320 p. DOI: 10.4324/9780203028599

6. Birley A.R. The Historia Augusta and Pagan Historiography // Greek and Roman Historiography in Late Antiquity. Fourth to Sixth Century A. D. / ed. by G. Marasco. Leiden: Brill, 2003. 540 p. + VIII.

7. Camodeca G. La carriera del prefetto del pretorio Sex. Cornelius Repentinus in una nuova iscrizione Puteolana // ZPE. 1981. Bd. 43. S. 43–56.

8. Cohen S. J. D. Josephus in Galilee and Rome: His Vita and Development as a Historian. Leiden: Brill, 1979. 277 p. + XVI. DOI: 10.2307/1869366

9. Eaton J. The Political Significance of the Imperial Watchword in the Early Empire // Greece & Rome, Second Series. 2011. Vol. 58, no. 1. P. 48–63. DOI: 10.1017/S0017383510000525

10. Fink R. O. Roman military records on papyrus. Cleveland (Oh.): The Press of Case Western Reserve University, 1971. 564 p. + XVII.

11. Goud Th. E. The Sources of Josephus ‘Antiquities’ 19 // HZAG. 1996. Bd. 45, h. 4. S. 472–482.

12. Green R. P. H. Marius Maximus and Ausonius’ Caesares // CQ. 1981. Vol. 31, no. 1. P. 226–236. DOI: 10.1017/S0009838800021224

13. Hock R. P. Puns, Aelius Maurus, and the Composition of the Historia Augusta // TAPA. 1982. Vol. 112. P. 107–113. DOI: 10.2307/284073

14. Honoré T. Scriptor Historiae Augustae // The Journal of Roman Studies. 1987. Vol. 77. P. 156–176. DOI: 10.2307/300579

15. Kulikowski M. Marius Maximus in Ammianus and the Historia Augusta // CQ. 2007. Vol. 57, no. 1. P. 244–256. DOI: 10.1017/S0009838807000213

16. Kolb F. Herodian in der Historia Augusta // ABHAC 1972/1974. Ed. A. Alföldi. Bonn: R. Habelt, 1976. S. 143–152.

17. Marriot I. The authorship of the Historia Augusta: two computer studies // JRS. 1979. Vol. 69. P. 65–77. DOI: 10.2307/299060

18. Michels C. Usurpation und Prinzipatsordnung unter Antoninus Pius und Marc Aurel // Marc Aurel — Wege zu seiner Herrschaft, hrsg. von V. Grieb unter Mitarbeit von C. Koehn. Gutenberg, 2017. S. 23–48.

19. Migliorati G. Cassio Dione e l'impero romano da Nerva ad Antonino Pio: alla luce dei nuovi documenti. Milano: Vita e Pensiero, 2003. 459 p.

20. Molinier Arbo A. Dion Cassius *versus* Marius Maximus? Éléments de polémique entre les "ROMAIKA" et "L'Histoire auguste" // Phoenix. 2009. Vol. 63, no. 3/4. P. 278–295.

21. Momigliano A. An unsolved problem of historical forgery: the scriptores Historiae Augustae // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1954. Vol. 17, no. 1/2. P. 22–46. DOI: 10.2307/750131

22. Moscovich M. J. Cassius Dio's Palace Sources for the Reign of Septimius Severus // HZAG. 2004. Bd. 53, h. 3. S. 356–368.

23. Nicols J. Antonia and Sejanus // HZAG. 1975. Bd. 24, h. 1. S. 54–55.

24. Ritter H. W. Cluvius Rufus bei Josephus? Bemerkungen zu Ios. Ant. 19, 91f. // RMP. 1972. Bd. 115, h. 1. S. 85–91.

25. Rohrbacher D. The Sources of the Historia Augusta Re-examined // Histos. 2013. Vol. 7. P. 146–180.

26. Rossignol B. Les préfets du prétoire de Marc Aurèle // Cahiers du Centre Gustave Glotz. 2007. T. 18. P. 141–177. DOI: 10.3406/ccgg.2007.1648

27. Scherberich K. Sueton und Josephus über die ermordung des Caligula // RMP. 1999. Bd. 142, h. 1. S. 74–83.

28. Schwartz D. R. Many sources but a single author: Josephus's Jewish Antiquities // A Companion to Josephus. Ed. by H.H. Chapman, Z. Rodgers. Chichester: Wiley Blackwell, 2016. P. 36–58. DOI: 10.1002/9781118325162.ch2

29. Stover J. New light on the Historia Augusta // JRS. 2020. Vol. 110. P. 167–198. DOI: 10.1017/S0075435820001239

30. Stover J., Kestemont M. The authorship of the Historia Augusta: Two new computer studies // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 2016. Vol. 59, no. 2. P. 140–157. DOI: 10.1111/j.2041-5370.2016.12043.x

31. Straub J. Die ultima verba des Septimius Severus // ABHAC 1963. Bonn: R. Habelt, 1964. S. 171–172.

32. Swan M. Josephus, A. J., XIX, 251–252: Opposition to Gaius and Claudius // AJPh. 1970. Vol. 91, no. 2. P. 149–164. DOI: 10.2307/293039.

33. Syme R. Emperors and Biography: Studies in the Historia Augusta. Oxford: The Clarendon Press, 1971. 306 p. + IX.

34. Syme R. Historia Augusta Papers. Oxford: The Clarendon Press, 1983. 238 p.

35. Syme R. Not Marius Maximus // Hermes. 1968. Bd. 96, h. 3. S. 494–502.

36. The Fragments of the Roman Historians. In 3 vols. / ed. by T. J. Cornell. Vol. I. Oxford: Oxford University Press, 2013. 662 p. + I.

37. Thomson M. The original title of the Historia Augusta // Historia. 2007. Bd. 56, h. 1. S. 121–125.

38. Townend G. B. The sources of the Greek in Suetonius // Hermes. 1960. Bd. 88, h. 1. S. 98–120.

39. Wardle D. Cluvius Rufus and Suetonius // Hermes. 1992. Bd. 120, h. 4. S. 466–482.

40. White P. The authorship of the Historia Augusta // JRS. 1967. Vol. 57, no. 1/2. P. 115–133. DOI: 10.2307/299349

41. Zecchini G. Asinio Quadrato storico di Filippo l'Arabo // ANRW. 1998. Bd. II. 34. 4. P. 2999–3021.

Приложение

Другие известные пароли

5. Sen. *De const.* 18. 3 = Suet. *Cal.* 56. 2 = Dio Cass. 59. 29. 2: *Venus* / Ἀφροδίτη (40/41 гг.)[36].

Главным источником для Иосифа Флавия, Тацита и Светония о правлении Гая и переходе принципата к Клавдию была хроника Марка Клувия Руфа[37], а первоисточниками традиции, представленной у них, были, вероятнее всего, Сенека и Паллант и, конечно, сам Руф, принимавший, по крайней мере, пассивное участие в подготовке убийства Калигулы[38].

Имена богов и персонифицированных абстракций часто использовались в качестве паролей как в столичном, так и в провинциальных гарнизонах[39].

6. Dio Cass. 59. 29. 2: Πόθος (40/41 гг.).

То же, что и предыдущем случае: Клувий Руф и Паллант. Сенека, возможно, не имеет отношения к этой информации.

---

[36] Неясно, на каком языке Гай дал этот пароль, так как в обиходе он нередко использовал греческий, которым свободно владел. Светоний и Дион Кассий приводят его каждый на своем языке. Джонатан Итон, судя по всему, считает Venus и Ἀφροδίτη двумя разными паролями (*Eaton J.* Op. cit. P. 54), однако для этого нет оснований. Предпочтительным является латинский вариант.

[37] *Mommsen Th.* Cornelius Tacitus und Cluvius Rufus // Hermes. 1870. Bd. 4, h. 3. S. 295–325; *Townend G. B.* The sources of the Greek in Suetonius // Hermes. 1960. Bd. 88, h. 1. S. 98–120; *Schwartz D. R.* Many sources but a single author: Josephus's Jewish Antiquities // A Companion to Josephus / ed. by H. H. Chapman, Z. Rodgers. Chichester, 2016. P. 40; *Wardle D.* Cluvius Rufus and Suetonius // Hermes. 1992. Bd. 120, h. 4. S. 466–482; *Cohen S. J.* D. Josephus in Galilee and Rome: His Vita and Development as a Historian. Leiden, 1979. P. 58–65; *Scherberich K.* Sueton und Josephus über die ermordung des Caligula // RMP. 1999. Bd. 142, h. 1. S. 74–83; *Goud Th. E.* The sources of Josephus 'Antiquities' 19 // HZAG. 1996. Bd. 45, h. 4. S. 472–482; *Ritter H. W.* Cluvius Rufus bei Josephus? Bemerkungen zu Ios. Ant. 19, 91f. // RMP. 1972. Bd. 115, h. 1. S. 85–91; *Swan M.* Josephus, A. J., XIX, 251–252: Opposition to Gaius and Claudius // AJPh. 1970. Vol. 91, № 2. P. 149–164.

[38] *Nicols J.* Antonia and Sejanus // HZAG. 1975. Bd. 24, h. 1. S. 54–55.

[39] Вот еще примеры: «Аполлон» (Val. Max. 1. 5. 7 = Plut. Brut. 24); «Счастье» ([Caes.] De bell. Afr. 83. 1). Известные по тессерам пароли из Дура-Европос также, по сути, представляют собой имена богов и персонифицированных абстракций: Меркурий (Mercurius), Юпитер (Iovis), Безопасность (Securitas), Юпитер Долихен (Iovis Dolichenus). См.: *Fink R. O.* Roman Military Records on Papyrus. Cleveland (Oh.), 1971. Nos. 47, 48, 50. В последнем случае, скорее всего, мы имеем дело со свидетельством приобщения офицерского состава к мистериальному культу Долихена, который был распространен в военной среде во многих уголках Империи, а в особенности на своей родине — в Сирии. В христианский период такие пароли стали неуместны (Veg. 3. 5).

7. Sen. *De const.* 18. 3 = Suet. *Cal.* 56. 2: *Priapus* (40/41 гг.).

Как и в № 5.

8. Ios. *Ant*. 19. 1. 5: Γυναικός (неоднократно в 40–41 гг.)[40]

Как и в №№ 5 и 7.

9. Suet. *Cal.* 58. 2: *Iuppiter* (24 января 41 гг.)

Как и в №№ 5, 7 и 8. По поводу выбора пароля см. комм. к № 6.

10. Ios. *Ant*. 19. 2. 3: Ἐλευθερία (25 января 41 гг.)[41]

Как и в №№ 5, 7, 9.

11. Suet. *Claud.* 42. 1 = Dio Cass. 60. 16. 7: Ἄνδρα ἀπαμύνασθαι ὅτε τις πρότερος χαλεπήνῃ (январь/февраль 42 г.)

Как и в № 5.

Вопреки практичности[42], Клавдий в качестве пароля использовал цитату из Гомера. Дион Кассий привязывает его к расследованию мятежа Л. Аррунция Камилла Скрибониана в 42 г.

12. Tac. *Ann.* 13. 2 = Suet. *Nero.* 9: *Optima mater* (13 октября 54 г.)

Скорее всего, Клувий Руф или, менее вероятно, мемуары Агриппины Младшей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ABHAC — Actes du Bonner Historia – Augusta – Colloquium. Bonn
AJPh — The American Journal of Philology. Baltimore
ANRW — Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Berlin – New York
BICS — Bulletin of the Institute of Classical Studies. Oxford
CQ — The Classical Quarterly. Cambridge
HZAG — Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. Stuttgart
JRS — The Journal of Roman Studies. London
RE — Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
RMP — Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge
TAPA — Transactions of the American Philological Association (Hartford, CT; Atlanta [etc.])
ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn

[40] Вероятно, был озвучен латинский эквивалент — femina или mulier.

[41] Скорее всего, Libertas. См. прим. 2 и 6.

[42] Об этом см.: Aen. Tact. 24. 14.

УДК 94
DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.12

Кенигфест Ляля Семеновна

аспирант
Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
crazy2004olga@gmail.com; ORCID 0000-0002-8221-8390

Рагимова Афат Фируддиновна

кандидат исторических наук, доцент
Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
ragimova.afa@mail.ru; ORCID 0000-0002-3575-0923

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: Государство Израиль: путь длиною в 70 ЛЕТ / под ред. Т. А. Карасовой, А. В. Федорченко. М.: МГИМО-Университет, 2019. 237 с.

© Кенигфест Л. С., Рагимова А. Ф., 2022

UDC 94
DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.47.3.12

Kenigfest Lyalya S.

Postgraduate student
Moscow City University
Moscow, Russia
crazy2004olga@gmail.com; ORCID 0000-0002-8221-8390

Ragimova Afat F.

Candidate of Historical Sciences
Moscow City University
Moscow, Russia
ragimova.afa@mail.ru; ORCID 0000-0002-3575-0923

REVIEW OF THE MONOGRAPH: The state of Israel: a journey of 70 years / ed. by T. A. Karasova, A. V. Fedorchenko. M.: MGIMO-University, 2019. 237 p.

Монография коллектива авторов «Государство Израиль: путь длиною в 70 лет» выпущена в преддверии 70-летнего юбилея появления Государства Израиль на политической карте мира и посвящена вопросам истории страны, динамики развития израильского общества, внешней и внутренней политики, ближневосточному конфликту и возможным путям его урегулирования. Избрав в качестве объекта исследования Израиль, а предметом — основные закономерности развития израильского общества, в книге детально анализируются как основные проблемы, сопутствующие его образованию и месту в международно-политической системе координат, так и онтогенез страны в контексте экономических, социальных, культурных плоскостей.

Авторы делают акцент на роли России в становлении и поступательном развитии Израиля, анализируя двустороннее сотрудничество и факторы, которые могут этому способствовать.

Актуальность данной работы определена тем, что с момента своего возникновения и до сих пор Государство Израиль является объектом многочисленных дискуссий. Помимо самого факта создания Израиля, ключевыми темами научных исследований и полемики являются исторические предпосылки этого события, эволюция израильского общества с точки зрения экономики, внутренних социальных проблем, самоидентификации евреев, коллективной и культурной памяти, межэтнического взаимодействия, новых форм религиозности и прочее.

Следует добавить, что необходимость подобного объективного, полномасштабного исследования всех аспектов жизнедеятельности израильского

общества и функционирования Израиля как государственного организма представляется крайне важным ввиду следующей символической и важной даты: в 2021 г. отмечалось 30 лет со дня восстановления дипломатических отношений России и Израиля. Но так как СССР де-юре (и де-факто) признал Государство Израиль непосредственно с момента его образования, то и сама история дипломатических отношений двух стран насчитывает уже более 70 лет. Таким образом, анализ исторических, политических, экономических тенденций, связанных с израильской проблематикой, представляется крайне уместным и логичным способом подвести итоги этого периода, сделать выводы и обозначить перспективы дальнейшего партнерства двух стран.

Значение монографии определяется также тем, что авторы уделили значительное внимание палестино-израильскому конфликту, предпосылкам его возникновения, динамике развития и возможным путям урегулирования. Важность анализа этой проблемы определяется тем, что противостояние арабского мира и Израиля — это глобальный конфликт с множеством опосредованных участников. Общеизвестно, что конфликты в Евразийской дуге нестабильности являются составной частью глобальных вызовов и угроз. Ключевой для региона Ближнего Востока и во многом определяющий общий климат безопасности в мире, арабо-израильский конфликт считается затяжным противостоянием, трудным для разрешения. Вот почему представляется исключительно важным всесторонний анализ внешне- и внутреннеполитического функционирования Израиля как одного из непосредственных участников этого антагонизма.

Конечно, вопросы, связанные с противоречиями на Ближнем Востоке, всегда представляли собой огромное поле для научных изысканий. Теоретический анализ литературы показывает, что проблема рассматривалась достаточно широко. Отметим также ожидаемый закономерный рост числа публикаций в связи с 70-летним юбилеем образования Израиля.

В ряду крупных всесторонних исследований выделим монографии «Государство Израиль»[1] и «История Государства Израиль»[2], в которых был применен комплексный подход к изучению истории Израиля, его политической системы, социальной структуры. Масштабное интегральное исследование провел в работе «Израиль накануне и в год своего 70-летия: актуальные аспекты внешней и внутренней политики» Вл. (Зеэв) Ханин[3], подробно рассмотрев внутреннюю и внешнюю политику Израиля по широкому спектру вопросов: от парламентских выборов до антитеррористической стратегии. Ярким примером всеобъемлющего труда по взаимоотношениям Израиля с Россией и арабским миром является книга И. Д. Звягельской «Ближневосточный клинч:

---

1 *Звягельская И. Д., Карасова Т. А., Федорченко А. В.* Государство Израиль. М., 2005.

2 *Звягельская И. Д.* История Государства Израиль. М.: Аспект Пресс, 2012.

3 *Ханин Владимир (Зеэв).* Израиль накануне и в год своего 70-летия: актуальные аспекты внешней и внутренней политики. М., 2018.

конфликты на Ближнем Востоке» с ретроспективным анализом становления отношений России и арабского мира и событий современного этапа противоборства начиная с арабской весны до начала 20-х годов XXI века[4]. Глубинный анализ разнополюсных проблем представлен в сборнике статей «Израиль. Исторический опыт и тенденции современного развития» (под редакцией Т. Карасовой)[5].

Однако в большинстве работ представлен только определенный пласт проблем. Например, вопросы социального и культурного характера (межэтническое взаимодействие, роль русского языка в Израиле, отношения со странами исхода и другие) рассмотрены в коллективной монографии под редакцией Е. Носенко-Штейн и Д. Соболева «Современный Израиль: языки, общество, культура»[6]. Большой корпус узкоспециальных исследований связан, как, например, работа Д. А. Марьясиса «Опыт построения экономики инноваций. Пример Израиля», с анализом экономики инноваций Израиля с начала XX в.[7]

При всей значимости работ названных исследователей они не дают исчерпывающий анализ всего диапазона проблем, связанных с положением Израиля в геополитической системе координат и факторов, повлиявших на него. Вместе с тем значение всестороннего аналитического исследования роли Израиля в мире повысилось в последнее время в связи с эскалацией палестинского конфликта, изменения статуса заинтересованных стран на Ближнем Востоке и определенного тупика в контексте урегулирования противостояния.

Отдавая должное работам предшественников, справедливо будет заметить, что рецензируемая монография представляет собой максимально комплексное междисциплинарное исследование, в котором рассмотрена вся совокупность проблем: от еврейского вопроса в британском парламенте до израильской экономики инноваций, от формирования ишува до русскоязычной общины современного Израиля. Значение исследования в историографическом плане определяется всей совокупностью этих проблем в их взаимном пересечении.

Подобный всеобъемлющий анализ отличает издание от большинства не менее капитальных исследований. Учитывая, что хронологические рамки работы охватывают весьма значительный исторический период, становится ясно, что без серьезного изучения исторического прошлого невозможно дать объективную оценку современной геополитической ситуации. И тем более увидеть перспективы сотрудничества политических акторов и возможности урегулирования тлеющих и очевидных конфликтов, что также отражено в монографии, которая рецензируется в настоящей статье.

---

[4] *Звягельская И. Д.* Ближневосточный клинч: конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М., 2017.

[5] Израиль. Исторический опыт и тенденции современного развития: сб. статей / отв. ред. Т. А. Карасова. М., 2015.

[6] Современный Израиль: языки, общество, культура: (коллективная монография) / отв. ред. Е. Э. Носенко-Штейн, Д. Соболев. М., 2020.

[7] *Марьясис Д. А.* Опыт построения экономики инноваций. Пример Израиля. М., 2015.

Структурно монография делится на три главы, в каждой из которых описан и проанализирован определенный пласт социально-экономических и политических вопросов в динамике их решения.

В предисловии авторы указывают на ключевую роль СССР в возникновении и становлении Государства Израиль, подчеркивая, что Россия как правопреемница СССР, а также в силу роста своего влияния как на Ближнем Востоке, так и в мире в целом, и сейчас является его важнейшим стратегическим партнером (с. 6).

В первой главе авторы уделяют особое внимание анализу этапов внутреннего развития Израиля, отмечая, что сионизм является первопричиной его возникновения. Однако «стиль жизни, ценности и мировоззрение современных израильтян изменились, лишь частично сохранив компоненты “классического” сионизма» (с. 13). Планомерно и ёмко проанализированы вехи становления государственности, начиная с ишува до современной модели политического устройства (с. 14). В Израиле действует парламентская модель демократии: парламент (Кнессет) — правительство. Наряду со многими демократиями, Израилю присуща многопартийность. Вместе с тем авторы обращают внимание на то, что неразрешенные до сих пор вопросы о принятии конституции и реформе избирательного права говорят о незавершенности становления политической системы Израиля (с. 15).

Авторы обращают внимание на дилемму, существует ли демократия в Израиле в принципе. Специалисты по израильской государственной системе имеют разные мнения на этот счет. «Мажоритарная», «консенсусная», «объединительная» — вот неполный список моделей демократии, к которым причисляют конструкт Израиля (с. 19). Сегодня споры о сущности израильской демократии усиливаются в связи с принятием в 2018 г. закона о еврейском характере Государства Израиль. Многочисленные критики этого закона открыто заявляют о его ненужности и даже жестокости. Ведь, определяя Израиль как «национальный дом еврейского народа», а евреев — единственным народом, который имеет право на национальное самоопределение в его пределах, за которым закрепляется исключительное право на национальное самоопределение на территории страны, этот документ резко нивелирует права арабского населения Израиля. Более того, однозначно обесценивает их гражданские и политические права, которые не тождественны правам еврейских резидентов (с. 23). Обозначены вехи взаимоотношений государства и религии. Авторы замечают, что, несмотря на провозглашенные свободу совести и религии, в широком смысле свобода вероисповедания ограничена, так как согласно законам, граждане пребывают под юрисдикцией религиозных судов. Этот пункт также не согласуется с провозглашенной демократической структурой государства и общества (с. 25). Но демократия — лишь одно из «крыльев» политической культуры. Страну также волнуют задачи национального единства, развитие этнических культур на основе принципа мультикультурализма (с. 29).

Говоря о достижениях и проблемах Израиля, невозможно обойти такой краеугольный камень стабильности страны, как палестино-израильское противостояние, так как это целый комплекс конфликтных отношений, в центре которых находится Государство Израиль. Очевидно, что формула успеха в данном случае — это создание палестинского государства и уход с палестинских территорий из еврейских поселений. Но количество поселений увеличивается, а существующие не демонтируются (с. 31). А формула мирного «процесса Осло» «территория в обмен на мир» постепенно сменилась на «территории в обмен на безопасность». Сейчас реалии таковы, что конфликт имеет все характеристики патовой ситуации, некий цугцванг. И все большее количество израильтян как среди гражданских лиц, так и политическая элита выступают за отказ от уступок в ходе переговорного процесса (с. 33). Повышенное внимание, и вполне обоснованно, авторы уделили роли третьих стран, прежде всего США, как опосредованных участников в процессе урегулирования противостояния Израиля и арабских стран региона. В определенной степени позиции администрации Обамы и Трампа были антагонистическими, что осложнялось, к тому же, позицией Ирана (с. 41). Проводимые при посредничестве США переговоры всегда были важной частью стратегического партнерства с Израилем, однако, в последнее время ситуация меняется. Это связано в первую очередь с тем, что Штаты стремительно теряют свою роль миротворца на Ближнем Востоке.

Особое место в арабо-израильском конфликте занимает вопрос о статусе Иерусалима, в том числе как символ национальной самоидентификации и евреев, и палестинских арабов (с. 45). Действия Израиля в отношении этого центра трех монотеистических религий шли параллельно резолюциям ООН № 181, 242 и 303, а также другим документам международного сообщества. Израиль объявлен Кнессетом неделимым городом с незыблемыми границами Палестинцы же требуют признать Восточный Иерусалим столицей Палестинской автономии со всеми соответствующими этому статусу правами. И провозглашение Иерусалима столицей Израиля со стороны администрации Трампа ничего не изменило в общей картине палестинского конфликта. У палестинцев остается лишь призрачная надежда на участие в муниципальных выборах, для того чтобы участвовать в управлении городом (с. 67).

В общей канве первоочередных задач внешней политики Израиля авторы справедливо уделяют внимание обеспокоенности Израиля растущим усилением позиций Ирана в регионе и его атомной программой.

Аналитика комплекса отношений Израиля и США логично продолжена авторами в освещении диалога Израиля с еврейскими общинами. Напряжённость отношении коррелируется прежде всего с религиозным фактором и чрезмерной ортодоксальностью иудаизма в самом Израиле. Открытое выражение несогласия с политикой еврейского государства среди еврейских организаций США является самым ярким проявлением раскола в отношениях Израиля

и диаспоры. Все вышесказанное дает повод некоторым экспертам считать, что в настоящее время наблюдается кризис американского либерального сионизма в США (с. 87).

В свете вышесказанного можно утверждать, что вдумчивое ознакомление с нарративом первой части монографии дает читателю необходимый багаж информированности, достаточный для аналитического осмысления последующих глав.

Вторая глава посвящена развитию экономики Израиля в его ретроспективе. Наглядно, с помощью статистических данных показано, как из страны, имеющей крайне ограниченные человеческие и территориальные ресурсы, Израиль вошел в третье тысячелетие государством с высокоразвитой постиндустриальной экономикой. Делается акцент на том, что за последнее десятилетие Израиль совершил поистине грандиозный прорыв в области наукоемких технологий, различных ноу-хау, что было обусловлено задачами безопасности и обороноспособности страны (с. 27).

Конечно, экономика независимого государства создавалась не на пустом месте. Ее основы были заложены в годы британского мандата, когда шло строительство производственной базы и хозяйственной инфраструктуры еврейского ишува, продолжалось развитие арабской части местной экономики (с. 110).

И если первоначально в материальном производстве преобладала обрабатывающая (пищевая, металлообработка, огранка алмазов) и добывающая промышленность, то уже к началу Второй мировой войны еврейская промышленность окрепла настолько, что смогла выйти со своей продукцией за пределы Палестины — на рынки Египта, Сирии, Ливана, Южной Африки (с. 111).

За годы британского мандата число занятых в промышленности возросло в десять раз и составило около 50 тыс. человек, объем производства увеличился в 25 раз, а стоимость основного капитала — в 33 раза (с. 112).

На заре же своего существования как государство по уровню своего экономического развития Израиль находился между развивающимися и развитыми странами. Планомерно разбирая причины и описывая результаты укрепления экономики, авторы убедительно показывают, опираясь на авторитетные международные индексы и данные статистических бюро, что на современном этапе Израиль — один из мировых лидеров в экономике высоких технологий. Рассмотрены как преимущества того пути, по которому Израиль стремительно выходит на первые места в ряду стран с максимально высокими экономическими показателями, так и промахи, которые допущены при этом.

Значительный вклад в стратегию израильской экономики принадлежит Агентству по развитию международного сотрудничества при МИД Израиля (МАШАВ), которое также отметило 60-летний юбилей в 2018 г. За 60 лет работы МАШАВ в его программах приняли участие порядка 300 тыс. специалистов из 140 стран. Помимо экономических достижений, работа организации, через обмен технологиями, опытом и привлечением экспертов, помогает наладить

и дипломатические контакты, что способствует наращиванию потенциала мягкой силы (с. 100).

Характеризуя этапы развития израильской экономики инноваций, авторы выделяют пять этапов, исходя, прежде всего, из тех процессов, которые шли в НТК страны (с. 134).

Источниковая база, на которую опираются авторы, многопланова, обширна, разнообразна. Все это позволило авторам сделать абсолютно обоснованный вывод, что на данном этапе Израиль представляет собой государство, занимающее лидирующие позиции в глобальной, прежде всего инновационной экономике. И потенциал его для долгосрочного лидерства в этой сфере имеет большой запас прочности (с. 190).

С самых первых строк книги читатель видит, что партнерство с СССР и Россией авторы считают одной из матриц существования Израиля и крайне значимым аспектом как внутренней, так и внешней политики. И в третьей главе монографии внимание авторского коллектива полностью сосредоточено на этом. Не изменяя исключительно верному пути ретроспективного анализа, рассматриваются такие важнейшие аспекты, как «русские» алии, роль СССР в создании государства в пути, роль русскоязычной общины и русского языка как факторов взаимного влияния в партнерстве двух стран (с. 198, 217). Неоднозначные и не всегда ровные сюжеты сотрудничества и противостояния России и Израиля рассмотрены в их эволюции.

Фактически, изучив вопрос восстановления и развития дипломатических, военно-политических и экономических отношений РФ с Израилем, становится очевиден тот факт, что для России это стало важнейшим направлением ее курса на Ближнем Востоке и на мировой арене. Сам факт неоднократного прекращения дипломатических отношений между странами представляется сейчас в некотором роде аномальным, учитывая то, что связывало наши страны. Сейчас же можно смело говорить о том, что русская община становится все более заметным фактором формирования внутренней и внешней политики Израиля, оказывая огромное влияние на все стороны жизнедеятельности страны — политическую, социально-экономическую, культурную. Бывшие резиденты России в Израиле не только зачастую сохраняют гражданство РФ, но и являются весомым фактором влияния на территории стратегического партнера. Безусловно, нет плюсов без минусов и нахождение в Израиле большого количества выходцев из СССР и в дальнейшем из России порождает и множество проблем, в частности, проблему «столкновения культур» (с. 224).

Иначе говоря, обе стороны исходят из того, что их позиции не всегда будут совпадать, и противоречия неизбежны. Но заложенная законодательная и практическая база дает надежду на то, что партнерство будет взаимовыгодным и максимально способствующим как упрочению двусторонних связей, так и общему противостоянию терроризму на пути к скорейшему урегулированию арабо-израильского конфликта.

Вместе с тем стоит заметить, что подробному системному анализу в монографии подверглись в наиболее полной мере в основном политические и экономические аспекты. Гуманитарная же составляющая национальной повестки дня и стратегического партнерства раскрыта только через влияние русскоязычной общины как носителя языка, что, несомненно, важно. Но представляется вполне логичным более полно осветить такие проблемы, как культурная дипломатия, историческая память, политика памяти. Причина в том, что сохранение исторической памяти имеет витальное значение в текущей геополитической обстановке, учитывая общее прошлое народов двух стран. Избегая манипуляций вопроса Холокоста и педалирования данной темы, объективный анализ проблематики манипуляций и фальсификации фактов, опять же с позиций «взгляда через время», представляется необходимой частью любого масштабного исследования.

Учитывая несомненные достоинства монографии, полноту сведений, объективный, идеологически нейтральный взгляд на события и процессы, можно сделать вывод, что данная работа является комплексным освещением проблем истории, политики, экономики государства Израиль через призму ретроспективного анализа. Для книги характерен междисциплинарный подход к анализу вопросов, находящихся в различных плоскостях аналитических исследований. И, конечно, читатель, который интересуется историей Израиля, проблемами становления его государственности, взаимоотношений со странами арабского мира, США, странами Запада, Россией, проблематикой арабо-израильского конфликта и в целом всеми сферами жизни этого уникального государства, найдет в монографии достоверную информацию, изложенную четко, полно, логично, интересно.

Книга будет полезна не только представителям научного сообщества, израилеведам, востоковедам, но и любому, кто хочет разобраться в хитросплетениях геополитических отношений на Ближнем Востоке. И, вне всякого сомнения, навсегда займет достойное место среди научных исследований, посвященных этому региону.

Литература

1. Звягельская И. Д. Ближневосточный клинч: конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М.: Аспект Пресс, 2017. 208 с.

2. Звягельская И. Д., Карасова Т. А., Федорченко А. В. Государство Израиль. М.: ИВ РАН, 2005. 559 с.

3. Звягельская И. Д. История Государства Израиль. М.: Аспект Пресс, 2012. 360 с.

4. Израиль. Исторический опыт и тенденции современного развития: сб. статей / отв. ред. Т. А. Карасова. М.: ИВ РАН, 2015. 200 с.

5. Марьясис Д. А. Опыт построения экономики инноваций. Пример Израиля. М.: ИВ РАН, 2015. 268 с.

6. Современный Израиль: языки, общество, культура: коллективная монография / отв. ред. Е. Э. Носенко-Штейн, Д. Соболев. М.: ИВ РАН, 2020. 386 с.

7. Ханин Владимир (Зеэв). Израиль накануне и в год своего 70-летия: актуальные аспекты внешней и внутренней политики. М.: Изд-во Института Ближнего Востока, 2018. 260 с.

References

1. Gosudarstvo Izrail`: put` dlinoiu v 70 let: [The State of Israel: a 70-year journey] / pod red. T. A. Karasovoi, A. V. Fedorchenko. Moscow: IV RAN, 2019. 237 p. (In Russ.).

2. Zviagel'skaia I. D. Blizhnevostochnyi klinch: konflikty na Blizhnem Vostoke i politika Rossii [Middle East clinch: Conflicts in the Middle East and Russian politics]. Moscow: Aspect Press, 2017. 208 p. (In Russ.).

3. Zviagel'skaia I. D. Gosudarstvo Izrail` [The State of Israel] / I. D. Zviagel'skaia, T. A. Karasova, A. V. Fedorchenko. Moscow: IV RAN, 2005. 559 p. (In Russ.).

4. Zviagel'skaia I. D. Istoriia Gosudarstva Izrail` [History of the State of Israel]. Moscow: Aspect Press, 2012. 360 p. (In Russ.).

5. Izrail`. Istoricheskii opyt i tendentsii sovremennogo razvitiia [Israel. Historical experience and trends of modern development]: sbornik statei / otv. red. T. A. Karasova. Moscowa: IV RAN, 2015. 200 p. (In Russ.).

6. Mar'iasis D.A. Opyt postroeniia ekonomiki innovatsii. Primer Izrailia. [Experience in building an innovation economy. The example of Israel]. Moscow: IV RAN, 2015. 268 p. (In Russ.).

7. Sovremennyi Izrail`: iazyki, obshchestvo, kul`tura: kollektivnaia monografiia [Modern Israel: languages, society, culture] / otv. red. E. E. Nosenko-Shtein, D. Sobolev. Moscow: IV RAN, 2020. 386 p. (In Russ.).

8. Khanin Vladimir (Zeev). Izrail` nakanune i v god svoego 70-letiia: aktual`nye aspekty vneshnei i vnutrennei politiki [Israel on the eve and in the year of its 70th anniversary: current aspects of foreign and domestic policy]. Moscow: Izdatel`stvo Instituta Blizhnego Vostoka, 2018. 260 p. (In Russ.).

Авторы «Вестника МГПУ» Серия «Исторические науки», 2022, № 3 (47)

Authors of the MCU Jornal of Historical Studies 2022, № 3 (47)

Артёмов Сергей Николаевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических наук и архивоведения Московского государственного лингвистического университета.

Artyomov Sergey N. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Studies, Moscow State Linguistic University.

E-mail: asn66@list.ru

Беклемишева Мария Михайловна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра по изучению истории Великой Отечественной войны ИРИ РАН.

Beklemisheva Maria M. — Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Center for the Study of the History of the Great Patriotic War of the IRI RAS.

E-mail: mariabekl@mail.ru

Гайда Федор Александрович — доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России XIX – начала XX вв. Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Gaida Fedor A. — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History of the 19th – early 20th centuries, Moscow State University. M. V. Lomonosov.

E-mail: fyodorgayda@gmail.com

Горлов Владимир Николаевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры исторических наук и архивоведения Московского государственного лингвистического университета.

Gorlov Vladimir N. — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Studies, Moscow State Linguistic University.

E-mail: gorlov812@mail.ru

Гуськов Евгений Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения Самарского филиала Московского городского педагогического университета.

Guskov Evgeny A. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, International Law and Foreign Regional Studies of the Samara Branch of the Moscow City University.

E-mail: megistos@yandex.ru

Иванов Андрей Александрович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры Новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Ivanov Andrey A. — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Modern History of Russia, Institute of History, St. Petersburg State University.

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Кенигфест Ляля Семеновна — аспирант кафедры всеобщей и российской истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Kenigfest Lyalya S. — Postgraduate student of the Department of General and Russian History, Institute of Humanities, Moscow City University.

E-mail: crazy2004olga@gmail.com

Кирьянов Игорь Константинович — доктор исторических наук, доцент, заведующий отделом по исследованию политических институтов и процессов Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН.

Kiryanov Igor K. — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department for the Study of Political Institutions and Processes of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: ikiryanov@yandex.ru

Мокшин Геннадий Николаевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Воронежского государственного университета.

Mokshin Gennady N. — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Russian History, Voronezh State University.

E-mail: mok410@mail.ru

Рагимова Афат Фируддиновна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и российской истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Ragimova Afat F. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General and Russian History of the Institute of Humanities, Moscow City University.

E-mail: ragimova.afa@mail.ru

Рокки Энтони Карл — магистр исторических наук, магистр библиотековедения, независимый исследователь.

Rocky Anthony Carl — MSc History, MSc Library Science, Independent Researcher.

E-mail: tony.rocchi@gmail.com

Стогов Дмитрий Игоревич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Stogov Dmitry I. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Culture, State and Law of St. Petersburg State Electrotechnical University “LETI” named after V. I. Ulyanov (Lenin).

E-mail: bel-grigorij@yandex.ru

Холяев Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Ярославского государственного технического университета.

Kholyaev Sergey V. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities, Yaroslavl State Technical University.

E-mail: holyaevsv@ystu.ru

Чемакин Антон Александрович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Chemakin Anton A. — Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of History for teaching at the natural and human faculties of the Institute of History, St. Petersburg State University.

E-mail: a.chemakin@spbu.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ОРИГИНАЛОВ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

Рецензируемый научный журнал **«Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки»** принимает к публикации оригинальные, не опубликованные ранее работы по конкретным историческим, историографическим и источниковедческим темам, содержание которых соответствует научным специальностям 5.6.1. Отечественная история и 5.6.2. Всеобщая история.

Оригинальность авторского текста должна составлять не менее 80 %.

Материалы для публикации научной статьи направляются по адресу: vestnik_hist@mgpu.ru

Объем и форматирование

Объем научной статьи — до 40 000 знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы и графики, список литературы, без учета метаданных. Поля — по 20 мм справа, слева, сверху, снизу. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Интервал — 1,5. Красные строки — 1,25 (выставляются автоматически).

Метаданные

Метаданные приводят до основного текста статьи на языке текста статьи и затем повторяют на английском языке.

Перед названием статьи указываются данные в обозначенной последовательности на разных строках без разделения запятыми:

Ф. И. О. автора (авторов)
ученая степень и ученое звание (при наличии)
место работы
город, страна
электронная почта; ORCID.

Ниже по центру размещается название статьи (не более 15 слов).

После названия научной статьи следуют аннотация (200–250 слов) и ключевые слова (7–10 слов).

Фамилия, имя, отчество на русском языке указываются полностью (Иванов Иван Иванович), на английском языке отчество сокращается до начальной буквы (Ivan I. Ivanov).

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) указывается в верхнем левом углу до Ф. И. О. автора (www.teacode.com/online/udc/).

Разделы научной статьи

Во *введении* должна быть поставлена проблема; обозначена научная новизна и актуальность исследования; представлена историография вопроса и источниковая база исследования.

Ход и результаты исследования должны соответствовать его целям и задачам. Результаты исследования представляются в максимально доказательной форме (в том числе в виде таблиц, графиков, диаграмм и т. п.).

Заключение должно содержать выводы по результатам исследования в кратком систематизированном виде, по желанию автора раскрываются перспективы продолжения проведения исследований в данном направлении, даются рекомендации для практического применения результатов исследования.

Заголовки разделов научной статьи указываются перед текстом раздела научной статьи, отделяются точкой, выделяются полужирным шрифтом.

Рисунки, схемы, таблицы и графики выполняются в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения (сканирование не допускается); нумеруются в порядке упоминания их в тексте. Не допускается использование цветных рисунков и графиков. Все изображения, представленные в статье, должны иметь подписи и ссылки на источник, если они выполнены не самим автором. Отдельно предоставляются рисунки в формате jpeg, не менее 300 dpi точек на дюйм.

Список источников / литературы

Список литературы должен составлять не менее 15 пунктов, в том числе опубликованных в зарубежных базах цитирования (Scopus, Web of Science) за последние 5 лет (по отечественной истории — не менее 1/4 от общего количества пунктов, по всеобщей истории — не менее 1/3), с указанием DOI или URL национального архива для всех источников (при наличии).

Все упомянутые в тексте статьи авторы должны быть представлены своими работами в списке литературы, а все включенные в список литературы работы — в тексте статьи в виде ссылок.

Ссылки на литературу оформляются в тексте научной статьи в квадратных скобках. Например: [15, с. 140], где первая цифра означает порядковый номер в списке литературы, вторая — номер страницы источника (если это цитата). Ссылки на архивные источники в тексте научной статьи оформляются так же, как и ссылки на литературу (например: [6, л. 11 об.]).

Перечень затекстовых библиографических ссылок (= Список источников / литературы) помещают после основного текста статьи. Список литературы на русском языке оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008 «Библиографическая ссылка» и формируется в алфавитном порядке. При наличии у публикации индекса DOI, он приводится в обязательном порядке.

В Список источников / литературы включаются все архивные дела, на листы которых делаются ссылки. Описание архивного дела начинается с наименования архива. Если дается библиографическое описание второго и последующих дел одного архивохранилища, наименование архива приводится в сокращенном виде.

References (список литературы на английском языке) оформляется в соответствии со стилем APA (apastyle.apa.org). В References необходимо полностью повторить список литературы в русскоязычной части, независимо от наличия в нем иностранной литературы.

В References данные по каждому русскоязычному источнику предоставляются с транслитерацией фамилии автора, в соответствии с оригинальным переводом метаданных статьи на английский язык, с названием журнала, зарегистрированном на английском языке (при наличии). Если русскоязычный источник имеет зарегистрированные метаданные на английском языке, то они приводятся в References.

Также по каждому русскоязычному источнику предоставляется транслитерация наименования источника (www.translit.ru). Режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress). После транслитерации русскоязычных источников в скобках указывается (in Russian).

Примеры:

Список литературы

Гроссул В. Я. О периодизации всемирной и отечественной истории // Российская история. 2007. № 3. С. 122–139.

Российский государственный архив экономики. Ф. Р-9538. Оп. 16. Д. 1114. Л. 80.

References

Grossul V. Ya. (2007). O periodizacii vsemirnoj i otechestvennoj istorii [On the Periodization of World and National History]. *Rossijskaya istoriya* [*Russian History*], (3), 122–139. (In Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki [Russian State Archive of the Economy] (n. d.). F. R-9538. Op. 16. D. 1114. L. 80. (In Russian).

Низкое качество списка литературы и References (неполные, недостоверные и некорректные данные) является одной из причин отказа в приеме рукописи к публикации.

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Исторические науки».

MCU Journal

of Historical Studies

2022, № 3 (47)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82088 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО ***В. В. Рябов***

Заместитель главного редактора:
доктор исторических наук, профессор ***И. В. Омельянчук***

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Т. П. Веденеева
Редактор:
И. Е. Посоха
Корректоры:
К. М. Музамилова, С. И. Шостко
Технический редактор:
О. Г. Арефьева
Верстка:
Г. П. Васильева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.
Телефон: 8-499-181-50-36.
E-mail: niic@mgpu.ru

Подписано в печать: 26.09.2022 г.
Формат: 70 × 108 $^{1}/_{16}$. Бумага: офсетная.
Объем: 10.5 печ. л. Тираж: 1000 экз.